

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Суздалева Анастасия Дмитриевна

**ОСОБЕННОСТИ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ, ОСЛОЖНЁННЫХ ИНОСТРАННЫМ
ЭЛЕМЕНТОМ**

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
Волова Лариса Ивановна,
д.ю.н., профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры международного права
юридического факультета ЮФУ

Москва – 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	с. 4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ, ОСЛОЖНЁННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ	
§1.1. Современные подходы к определению юридической природы права собственности как центрального института вещного права	с. 28
§1.2. Коллизионное регулирование отношений собственности на международно-правовом и национально-правовом уровне	с. 53
§1.3. Понятие вещного статута. Изменение вещного статута в пространстве (мобильный конфликт). Сфера применения коллизионной привязки «закон страны места нахождения вещи»	с. 76
ГЛАВА 2. СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ	
§2.1. Особенности функционирования механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности	с. 95
§2.2. Особенности правовых режимов отдельных категорий объектов права собственности в международном частном праве	с. 111
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ	
§3.1. Правовые способы разрешения проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности	с. 139
§3.2. Разрешение проблемы конфликта квалификаций при определении права, подлежащего применению к правоотношениям собственности, осложнённым иностранным элементом	с. 160
§3.3. Разрешение проблемы мобильного конфликта, осложняющего признание и защиту права собственности на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, с использованием коллизионного метода регулирования	с. 191

§3.4. Способы разрешения коллизии проблем, возникающей при регулировании правоотношений собственности, международно-правовыми средствами_____с. 209

§3.5. Расширение сферы применения принципа автономии воли сторон в коллизии регулировании отношений собственности. Усиление тенденции регионализма в подходах государств к закреплению принципа автономии воли сторон и принципа наиболее тесной связи при регулировании правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом_____с. 229

ЗАКЛЮЧЕНИЕ_____с. 257

Список использованных источников_____с. 262

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Право собственности, являясь центральным институтом вещного права, лежит в основе каждой правовой системы, определяя характер иных институтов права данного государства. Международный торговый оборот требует, чтобы в каждом государстве – в допустимых правом этого государства пределах – признавалось право собственности, возникшее в иностранном правопорядке. В частности, заключение договоров международной купли-продажи товаров предполагает, что стороны признают друг в друге собственников имущества, являющегося предметом торговли. Такие условия международного торгового оборота определяют возникновение гражданско-правовых отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Правовое регулирование указанных отношений составляют коллизионные нормы внутреннего законодательства и международных договоров, а также унифицированные материально-правовые нормы. Однако, ввиду того, что международная унификация норм материального права, регулирующих отношения собственности, осложнена, основную роль в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, сохраняет коллизионное регулирование.

Значение коллизионного регулирования вещных прав возрастает в связи с серьёзными изменениями в мировых экономических отношениях и в экономике России, с интенсификацией движения капитала, увеличением объёмов перемещения различных видов имущества из одного государства в другое. Этому во многом способствует цифровизация экономики, развитие торговли через сеть Интернет, что значительно упрощает совершение сделки, по которой переходит право собственности, и сокращает сроки её заключения.

Изменения, происходящие в общественных отношениях, обусловили модернизацию отечественного законодательства в сфере коллизионного регулирования права собственности. Было осуществлено реформирование Раздела VI части третьей ГК РФ в соответствии с Федеральным законом от 30.09.2013 №

260-ФЗ "О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации": внесены изменения в статьи 1205-1207 ГК РФ, введена новая ст. 1205¹ ГК РФ, а также внесены изменения в ст. 415 КТМ РФ и в ст. 23 КВВТ РФ и введена новая ст. 23.1 КВВТ РФ. Введённые с учётом зарубежного опыта, указанные новеллы и модификации статей свидетельствуют о возросшем значении института вещного права в российском коллизионном праве. Необходима дальнейшая модернизация коллизионного регулирования в данной сфере с целью создания наиболее благоприятных условий для привлечения иностранной собственности на территорию РФ и осуществления коммерческой деятельности между частными лицами различных государств.

Особое значение настоящему исследованию придаёт также тот факт, что за последние несколько лет в ряде иностранных государств были приняты новые законы о МЧП и кодексы, в тексте которых получили выражение новейшие подходы к регулированию отношений собственности с иностранным элементом, а именно - Закон XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., Закон о МЧП Хорватии 2017 г., ГК Нидерландов 2011г., ГК Аргентины 2015г., Закон КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г. и др.

На сегодняшний день уровень коллизионного регулирования в РФ сопоставим с кодификациями МЧП ведущих государств мира. Вместе с тем, чем более полно и подробно осуществляется коллизионное регулирование отношений собственности, тем сложнее становится согласовать действие соответствующих коллизионных норм. Так, в новейших кодификациях МЧП закрепляются нормы, регулирующие право собственности, при применении которых возникают сложнейшие проблемы коллизионного регулирования: проблема конкуренции коллизионных норм, проблема конфликта квалификаций и др.

В отечественной юридической науке наблюдается возрастание интереса к исследованию проблем коллизионного регулирования отношений собственности. В ряде зарубежных исследований делается вывод о том, что для разрешения коллизионной проблемы, возникающей в рамках отношений собственности,

международно-правовыми средствами должен быть избран индивидуальный подход, учитывающий особенности права собственности как разновидности вещного права. Это же отмечалось учёными в рамках работы научных симпозиумов и конференций, посвящённых новым и сложным проблемам коллизионного регулирования права собственности¹. В зарубежной доктрине МЧП стало укореняться мнение о том, что правовое регулирование отношений собственности значительно отличается от всех иных сфер регулирования правоотношений, осложнённых иностранным элементом, – не только по предмету регулирования, но и по совокупности «организующих [право собственности] идей и форм»². В этой связи необходимо особо выделить повышение интереса исследователей к особенностям коллизионного регулирования отношений собственности и закономерностям его развития.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость обращения к теоретическим основам коллизионного регулирования права собственности и осмысления его особенностей.

Степень научной разработанности темы. Немногочисленные труды, в рамках которых рассматриваются вопросы коллизионного регулирования права собственности, как правило, посвящены лишь отдельным аспектам исследуемой проблематики. Так, в диссертации Плеханова В.В.³ исследуются проблемы применения принципа автономии воли сторон при переходе права собственности по договору. В диссертации Федосова Я.С.⁴ затрагиваются вопросы правового регулирования вещных прав на участки газовых и нефтяных трубопроводов,

¹ Symposium «New Dimensions in Property Theory» //University of Pennsylvania Law Review, №160, 2012. – p. 1853.; 2015 McGeorge Global Symposium «Emerging International Law of Property» (University of the Pacific, McGeorge School of Law, March 6, 2015).

² Lehari A. Globalizing Property Law: An institutional Analysis. //Vanderbilt journal of transnational law, № 50. 2017. – с. 1173-1221.

³ Плеханов В.В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук по специальности 12.00.03. Москва, 2008 г.

⁴ Федосов Я.С. Особенности правового регулирования трансграничного перемещения энергоносителей трубопроводным транспортом. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. Москва, 2018.

расположенных одновременно на территориях нескольких государств, однако исследование этих вопросов также ограничено заявленной областью исследования.

Диссертационное исследование Симонян Г.В.⁵, посвящённое анализу правового режима собственности Российской Федерации за рубежом, в силу границ заявленной темы не затрагивает вопросов коллизионного регулирования отношений собственности.

Анализ указанных выше диссертационных работ позволяет сделать вывод о недостаточной научной разработанности темы «Особенности коллизионно-правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом» в рамках опубликованных ранее диссертационных исследований.

Объектом исследования выступают правоотношения собственности, возникающие в сфере гражданского оборота (в том числе предпринимательского) по делам с иностранным элементом.

Предметом исследования являются коллизионные нормы внутреннего права России и зарубежных стран, а также коллизионные нормы, закреплённые в текстах международных договоров (специализированных конвенций), модельных и типовых законов, регулирующих правоотношения собственности, осложнённые иностранным элементом.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы выявить сущностные черты и особенности коллизионного регулирования отношений собственности, позволяющие дать объяснение явлениям и проблемам, возникающим в данной сфере регулирования. Достижение цели исследования предполагает выполнение следующих **задач**:

- выявить общие тенденции развития коллизионного регулирования отношений собственности;
- проанализировать коллизионное регулирование отношений собственности на национально-правовом и международно-правовом уровнях;

⁵ Симонян Г.В. Правовой режим собственности Российской Федерации за рубежом. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. Москва, 2013.

- исследовать закономерности формирования сферы применения коллизионной привязки «закон страны места нахождения имущества»;
- выявить особенности функционирования механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности;
- выделить особенности правовых режимов отдельных категорий имущества в МЧП;
- выработать рекомендации по разрешению проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, применимое к праву собственности на одну и ту же вещь;
- выработать рекомендации по разрешению проблемы конфликта квалификаций, возникающей при установлении вещного статута;
- сформулировать предложения по разрешению проблемы признания права собственности на вывезенное в иностранный правопорядок имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, с помощью коллизионно-правового метода;
- сформулировать предложения по разрешению коллизионной проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности, международно-правовыми средствами;
- определить пределы применения коллизионного принципа автономии воли сторон и выделить подходы к закреплению его соотношения с принципом наиболее тесной связи при регулировании правоотношений собственности;
- предложить меры по совершенствованию российского законодательства в сфере коллизионного регулирования права собственности.

Методология исследования. Научное исследование было проведено в результате применения ряда общих и специальных методов научного познания.

Диссертантом использовались следующие общие теоретические методы: методы анализа и синтеза, теоретического моделирования, индукции и дедукции, обобщения. Кроме того, применялся системный подход.

Среди специальных методов следует отметить методы сравнительно-правового анализа, формально-юридического анализа, историко-правового анализа и правового моделирования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы специалистов в области МЧП, а также труды специалистов в области гражданского права, международного публичного права и теории государства и права.

Диссертантом были проанализированы труды российских специалистов в области МЧП: Ануфриевой Л.П., Асоскова А.В., Богуславского М.М., Вилковой Н.Г., Воловой Л.И., Галенской Л.Н., Гетьман-Павловой И. В., Дмитриевой Г.К., Дорониной Н.Г., Ерпылёвой Н. Ю., Кабатовой Е.В., Комарова А.С., Костина А.А., Кривенького А.И., Лебедева С.Н., Лунца Л.А., Мажориной М.В., Маковского А. Л., Марышевой Н.И., Мингазовой И.В., Семилютиной Н.Г., Толстых В.Л., Тюриной Н.Е. и др., - а также работы дореволюционных отечественных учёных-юристов: Бруна М.И., Макарова А.Н., Мандельштама А.Н., Нольде Б.Э.

Тесная связь объекта исследования с концепцией права собственности, принятой в отечественной правовой науке, обусловила необходимость обращения к трудам ведущих специалистов в области гражданского права: Гонгалло Б.М., Габова А.В., Зинченко С.А., Курбанова Р.А., Лапача В.А., Мозолина В.П., Мурзина Д.В., Попондопуло В.Ф., Рыбалова А.О., Сеницына С.А., Скловского К.И., Суханова Е.А., Толстого Ю.К., Шерстобитова А.Е., Яковлева В.Ф., Якушева В.С., Ярошенко К.Б. и др.

То обстоятельство, что в коллизионном регулировании права собственности проявляется публичный интерес, послужило обязывающим фактором к изучению трудов ведущих отечественных специалистов в сфере международного публичного права: Бахина С.В., Воловой Л.И., Нешатаевой Т.Н., Старженецкого В. В., Шумилова В.М. и др.

Зарубежные исследователи, такие как Аккерманс Б., Базедов Ю., Бриггс Э., ван Влие Л., ван дер Вейде Дж., ван Эрп С., Верхаген Х., Вестрик Р., Грациадеи М., д'Аву Л., Дробниг У., Каррутерс Дж., Кинингер Е., Крёйцер К., Куниберти Ж., Лехави А., Прадьюр С., Рамаэкерс Э., Рапп С., Роджерсон П., Сагаэр В., Саломонс

А., Симеонидес С., Стагль Дж., Стерн Дж., Стивенс Р., Сторк М., Страйкен Т., Тан Дж.С., Уолш С., Флесснер А., фон Хейн Я., Хардинг М., Хей П., Хилл Д., Хилл Дж., Хуо Дж., Эрланк В. и др., в большей степени акцентировали внимание на отдельных аспектах коллизионного регулирования отношений собственности. Изучение и анализ их трудов позволили отразить в диссертационном исследовании многообразие точек зрения по данной проблематике.

Нормативная и эмпирическая основа исследования. В основу исследования положены многосторонние международные договоры с участием РФ, региональные и двусторонние соглашения, заключённые РФ с иностранными государствами, а также положения актов «мягкого» права.

В рамках диссертационного исследования было также проанализировано законодательство РФ, а именно – статьи Раздела VI Гражданского кодекса РФ «Международное частное право», статьи Кодекса торгового мореплавания РФ, Воздушного кодекса РФ, Кодекса внутреннего водного транспорта РФ и других нормативных правовых актов РФ.

С целью учёта зарубежного опыта коллизионного регулирования отношений собственности были проанализированы новейшие зарубежные кодификации МЧП и новые редакции кодификаций МЧП: Закон XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., Закон о МЧП Хорватии 2017 г., Закон о МЧП Грузии 1998 г. (ред. 2016 г.), ГК Португалии 1966 г. (ред. 2019 г.), ГК провинции Квебек (ред. 2016 г.), ГК Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.), ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.), Закон о МЧП Украины 2005 г. (ред. 2016 г.), ГК Нидерландов 2011 г., ГК Республики Аргентина 2015 г. и др.; а также проекты новейших кодификаций МЧП: проект Закона о МЧП Уругвая 2016 г., проект ГК Пуэрто-Рико 2018 г.

Выводы диссертационного исследования основаны на обобщении практики судов общей юрисдикции РФ, арбитражных судов РФ, МКАС при Торгово-промышленной палате РФ, судов по правам человека, а также на обобщении практики судебных учреждений иностранных государств.

Достоверность положений и выводов диссертационного исследования подтверждается его теоретической основой, которую составили труды российских

и иностранных учёных. В процессе проведения исследования анализировалась судебная практика. Методология исследования позволила провести анализ и затем синтез общих положений теории права с перенесением их в область коллизионного регулирования отношений собственности. Рассуждение по аналогии, а также дедуктивный и индуктивный способы рассуждения обеспечивают всесторонний, комплексный подход к проблематике, исследуемой в диссертационной работе, а также придают положениям и выводам диссертационной работы качество логической выводимости. Достоверность положений и выводов диссертационного исследования также обусловлена апробацией полученных результатов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в рамках настоящей диссертационной работы исследуются проблемные вопросы МЧП, которые ранее ограниченно освещались в отечественной юридической литературе, а именно – проблематика коллизионного регулирования отношений собственности.

Диссертантом выделены особенности коллизионного регулирования права собственности: особенности механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности и особенности правовых режимов имущества в МЧП.

Тщательный анализ этих особенностей позволил диссертанту выявить и дать авторскую оценку наиболее сложным и малоисследованным вопросам коллизионного регулирования отношений собственности - в частности, проблеме конкуренции коллизионных норм. В отношении другого проблемного вопроса, анализируемого диссертантом, - ситуации конфликта квалификаций при установлении вещного статута, - также предлагаются способы разрешения данной проблемы.

Сформулированы предложения по разрешению коллизионной проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности, международно-правовыми средствами. Предложены меры по совершенствованию российского законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности.

Основные положения, выносимые на защиту. Проведённое исследование позволяет сформулировать и обосновать следующие положения, выносимые на защиту (далее – Положения):

1. Делается вывод о формирующейся тенденции либерализации коллизионного регулирования права собственности, под которой понимается тенденция совершенствования законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности с целью создания благоприятных условий для ведения коммерческой деятельности с иностранным элементом. Процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности рассматривается комплексно – в совокупности различных форм его проявления, а именно:

- расщепление коллизионных привязок и образование специальных коллизионных норм: новые специальные коллизионные нормы были закреплены, например, в п. 4 ст. 1206 ГК РФ, а также в новых кодификациях МЧП Венгрии, Румынии⁶ и др.

- расширение сферы применения принципа автономии воли сторон: например, в законодательстве КНР закрепляется неограниченная автономия воли при регулировании отношений собственности⁷.

- квалификация понятий, содержащихся в коллизионных нормах, посвящённых вещным правам, по праву, регулируемому основное материальное правоотношение. Данный способ квалификации закреплён в новой ст.1205¹ ГК РФ, а также в нормах, содержащихся в кодификациях МЧП Венгрии, Бельгии, Нидерландов.⁸

В пунктах 4-10 Положений изложены выводы диссертанта, сходящиеся в следующем: в случае, если какая-либо из указанных выше форм либерализации

⁶ П.3 ст. 39 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., ст.ст. 2.613, 2.614 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.)

⁷ §37 Закона КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г.

⁸ Например, ст. 40 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., §1 ст.94 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г., п.4 ст.127 Книги 10 ГК Нидерландов 2011г.

коллизийного регулирования отношений собственности осуществляется без учёта его особенностей (см. п.4 и п.5 Положений), это приводит к возникновению новых и к усугублению уже имеющихся проблем коллизийного регулирования отношений собственности (см. пункты 6-10 Положений). В работе обращается внимание на то, что процесс либерализации коллизийного регулирования отношений собственности не может быть неограниченным, поскольку в противном случае он влечёт чрезмерное усложнение коллизийного регулирования права собственности и снижение уровня правовой определённости.

2. Коллизийное регулирование правоотношений собственности осуществляется в основном на внутригосударственном уровне регулирования. Показано, что национально-правовое регулирование указанных правоотношений отличается от коллизийного регулирования, закреплённого на межгосударственном уровне, прежде всего, в тексте региональных соглашений⁹ (Соглашении СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 1992 г.), Минской (1993 г.) и Кишинёвской (2002 г.) конвенциях о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам) и в двусторонних договорах о правовой помощи¹⁰, по следующим основаниям: 1) на национально-правовом уровне закрепляется большее число специальных коллизийных норм, 2) вводится принцип автономии воли сторон, - что соответствует тенденции либерализации коллизийного регулирования права собственности.

Доказывается, что при отсутствии в международных договорах с участием РФ нормы об автономии воли сторон применение данного принципа, предусмотренное во внутреннем законодательстве РФ, возможно – как вопрос, не

⁹ Немногочисленные коллизийные нормы, закреплённые в тексте универсальных международных конвенций, как правило, посвящены вещным правам на транспортные средства (например, п.2 ст. II Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г.).

¹⁰ Ст. 19 Договора между РФ и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 3.10.2000 г., ст. 38 Договора между РФ и Республикой Мали о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным от 31.08.2000 г. и др.

урегулированный международными договорами РФ¹¹. На этом же основании возможно ограничение сферы действия принципа автономии воли сторон российской коллизийной нормой в том случае, если международным договором предусматривается применение этого принципа, но не оговариваются пределы его применения. Однако в случае, если в тексте международного договора прямо установлены ограничения сферы действия принципа автономии воли сторон, отличающиеся от закреплённых в российском законодательстве, то подлежит применению норма международного договора.

Показано, что недостатком коллизийного регулирования отношений собственности на международно-правовом уровне является закрепление нормы п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г. – и текстуально совпадающих с ней норм абз. 2 п.(в) ст. 11 Киевского соглашения СНГ 1992 г. и двусторонних договоров РФ¹². Неясно соотношение понятия «имущество, являющееся предметом сделки» (п. 4 ст. 38 Минской Конвенции) с иными видами имущества, указанными в тексте Конвенции, что способствует возникновению ситуаций конкуренции коллизийных норм. Неточность формулировки п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г. влечёт возможность применения неограниченной автономии воли при регулировании отношений собственности. В этой связи предлагается в рамках заключаемых в будущем региональных и двусторонних соглашений с участием РФ: 1) исключить норму, аналогичную п.4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г., 2) ввести принцип автономии воли с оговоркой «без ущерба для прав третьих лиц» в отношении прав на движимые вещи, в т.ч. на товары в пути.

3. Показано, что выделение групп правоотношений собственности по отдельным категориям имущества из сферы применения основной коллизийной привязки, в соответствии с которой определяется право, применимое к вещным правоотношениям (привязки «закон страны места нахождения вещи», или *lex rei sitae*), приводит к расщеплению коллизийных норм, образованию специальных

¹¹ Абз. 4 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. N 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации"

¹² См., например, п.3 ст.38 Договора между РФ и Республикой Мали о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным от 31.08.2000 г.

коллизионных привязок – модификаций *lex rei sitae* и формированию системного образования коллизионных норм, построенного по принципу «общее правило – исключения из правила». Отмечается, что специфическим приёмом правового регулирования отношений собственности в МЧП, способствующим образованию специальных коллизионных привязок, является использование особой формы юридической фикции, а именно - приёма фиксации места нахождения имущества в конкретный, определённый законодателем момент времени.

Важный вывод, исходящий из понимания совокупности национальных коллизионных норм, посвящённых вещным правам, как системного образования взаимосвязанных коллизионных норм, каждая из которых определяет вещный статут, заключается в иной оценке ст. 1205.1 ГК РФ. В отличие распространённой в литературе точки зрения о том, что ст. 1205.1 ГК РФ подчиняет широкий круг вопросов, связанных с регулированием вещных прав, закону страны места нахождения имущества (ст. 1205 ГК РФ), в работе делается вывод о том, что в ст. 1205.1 ГК РФ определяется сфера применения права, установленного не только в ст. 1205 ГК РФ, но также и в ст.ст. 1206-1207 ГК РФ, что может приводить к ситуациям конфликта квалификаций (см. п. 7 Положений).

4. Выделены элементы и дана оценка механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности. Обосновывается вывод о том, что функционирование указанного механизма характеризуется следующими основными особенностями:

1) Неустойчивость правового титула собственности в МЧП по сравнению с внутренними отношениями собственности, означающая, что в сфере правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, возможно существование «альтернативного» собственника, оспаривающего всю цепочку переходов права собственности, в результате которых «действующий» собственник приобрёл правовой титул. В этом случае признание собственником одного из них зависит от того, коллизионные нормы какого государства будут применены в процессе разрешения спора между ними. Ситуация, когда, с точки

зрения МЧП, одновременно два лица правомерно владеют правом собственности на одну и ту же вещь, становится возможной, например:

- в случае, когда право государства, в котором ранее похищенная вещь была продана добросовестному приобретателю, не допускает правомерного приобретения титула собственности в отношении краденой вещи, а право государства, в котором спорное имущество было украдено, напротив, это позволяет. При этом закреплённые в праве этих государств подходы к установлению момента, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения права собственности, различаются;

- в случае применения коллизионного принципа автономии воли сторон при регулировании перехода права собственности по договору, когда по праву, действующему в отношениях между сторонами, право собственности уже считается перешедшим к покупателю, а по праву, применимому в отношениях с третьими лицами, - нет.

2) Признание третьих лиц слабой стороной в правоотношении собственности с иностранным элементом – особенность, обусловленная тем, что в правоотношении собственности могут участвовать лица, не связанные контрактом и не имеющие возможности заранее предвидеть риски, связанные с наличием в правоотношении собственности иностранного элемента.

Выделение указанных особенностей позволяет, во-первых, оценить то, какую важную роль в сфере рассматриваемых правоотношений играет вынесение судебного решения, признающего собственником спорного имущества конкретное лицо и признающего действительными предшествующие переходы права собственности, которые в конечном итоге привели к правомерному приобретению титула собственности этим лицом, и, во-вторых, сделать вывод о том, что споры о праве собственности с иностранным элементом рассматриваются в основном национальными судами каждого государства, поскольку стороны спора о праве собственности, как правило, не связаны договором и не могут заранее договориться о рассмотрении его в третейском суде (международном коммерческом арбитражном суде).

5. Произведена классификация правовых режимов имущества в МЧП в зависимости от свойств объекта права собственности, что позволило диссертанту сделать вывод о том, что действие правовых режимов отдельных категорий объектов права собственности в МЧП характеризуется т.н. «размытостью» сфер действия и конкуренцией правовых режимов имущества.

«Размытость» сфер действия правовых режимов имущества в МЧП означает, что из-за различий в материальном праве государств круг объектов права собственности, подпадающих под действие того или иного правового режима имущества в МЧП, не является единожды установленным и изменяется от государства к государству: происходит смена правового режима объекта права собственности при пересечении границ государств. Например, одна и та же вещь может перейти из категории движимого имущества в категорию недвижимости в случае её перемещения в иностранный правопорядок. Делается вывод о том, что «размытость» сфер действия правовых режимов имущества в МЧП в сочетании с процессом расщепления коллизионных норм способна привести к возникновению ситуации конфликта квалификаций при регулировании правоотношений собственности (см. п. 7 Положений).

Конкуренция правовых режимов имущества означает, что один и тот же объект права собственности может одновременно подпадать под действие нескольких правовых режимов имущества в МЧП. Например, подлежащее государственной регистрации морское судно, регулированию вещных прав на которое посвящён п.2 ст.38 Минской конвенции 1993 г., одновременно может представлять собой имущество, являющееся предметом сделки (п.4 ст.38 Минской конвенции 1993 г.).

Делается вывод о том, что конкуренция правовых режимов имущества, усугубляемая расщеплением коллизионных норм, приводит к возникновению проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее право собственности на одну и ту вещь (см. п. 6 Положений).

6. Предложено решение проблемы конкуренции коллизионных норм, различным образом определяющих право, регулирующее право собственности на

одно и то же имущество. Решение вопроса о том, какую из конкурирующих норм следует применить, зависит от того:

- каким образом соотносятся правовые акты, в которых закрепляются указанные коллизионные нормы;

- присутствует ли публичный интерес в подчинении права собственности на спорное имущество одной из конкурирующих коллизионных норм. Представляется, что положения п. 4 ст. 1206 ГК РФ не могут быть применены к объектам, указанным в ст. 1207 ГК РФ, поскольку в ст. 1207 ГК РФ получил выражение публичный интерес;

- является ли одна из коллизионных норм специальной по отношению к другой. Для этого необходимо заново сформулировать каждую из конкурирующих коллизионных норм таким образом, чтобы стало возможным выделить объект права собственности (например, «имущество, переход права собственности на которое осложнён применением оговорки о сохранении права собственности за продавцом») и тот аспект правоотношения собственности, который урегулирован этой нормой (например, «возникновение права собственности»). В зависимости от выделения объекта права собственности и/или определённого аспекта правоотношения собственности становится возможным выявить, какая из двух коллизионных норм является специальной по отношению к другой. Например, две коллизионные нормы, определяющие право, применимое к возникновению права собственности, соответственно, на «имущество, являющееся предметом сделки» и на «находящееся в пути движимое имущество, право собственности на которое переходит по договору» (товары в пути), - с учётом выполнения иных условий - соотносятся как общая и специальная.

Делается вывод о том, что в условиях либерализации коллизионного регулирования отношений собственности, предполагающей расширение сферы применения принципа автономии воли сторон, возможно осложнение проблемы конкуренции коллизионных норм в случае, когда она сопровождается конкуренцией вещного и обязательственного статутов. Данное явление встречается в новых кодификациях МЧП – например, в ст. 128 и п.2 ст. 133 Книги 10 ГК

Нидерландов 2011г. Предлагается разрешать указанную проблему путём установления приоритета вещного статута, который выражается не только в приоритетном применении к правоотношению собственности права, устанавливаемого в соответствии с коллизионным началом *lex rei sitae* или его модификациями, но также в приоритетном применении той из двух конкурирующих коллизионных норм, которая устанавливает большее число ограничений сферы действия принципа автономии воли сторон, сужающей сферу применения вещного статута.

7. Доказывается, что в ст. 1205.1 ГК РФ закрепляется сфера действия права, применимого к вещным правоотношениям, которое устанавливается не только в соответствии со ст. 1205 ГК РФ, но также согласно ст. 1206 и ст.1207 ГК РФ. Сфера действия права, применимого к вещным правоотношениям, установленная в ст. 1205.1 ГК РФ, затрагивает, в том числе, вопросы квалификации¹³ понятий, содержащихся в тексте коллизионных норм, посвящённых вещным правам (ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ), а именно – закрепляет способ квалификации по праву, применимому к основному материальному правоотношению (*lex causae*).

Доказывается, что квалификация вида и оборотоспособности объекта права собственности, содержания, осуществления и защиты права собственности (пп.1-4 и пп. 6-7 статьи 1205.1 ГК РФ) должна производиться только согласно закону страны места нахождения вещи (ст. 1205 ГК РФ). Квалификация указанных вопросов в соответствии с законом страны регистрации судна (ст. 1207 ГК РФ), как это допускает действующее российское законодательство, нежелательна. Показано, что применение способа квалификации по *lex causae*, закреплённого в ст. 1205.1 ГК РФ, в сочетании с большим числом т.н. «скрытых» коллизий, содержащихся в тексте коллизионных норм, посвящённых праву собственности, влечёт возникновение ситуаций конфликта квалификаций. Предложено разрешать

¹³ Квалификация понятия «объект вещных прав» в соответствии с п. 1 ст. 1205.1 ГК РФ является изъятием из общего правила толкования терминов, закреплённого в ст. 1187 ГК РФ, что подтверждается абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. N 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации"

проблему конфликта квалификаций при определении права, подлежащего применению к праву собственности, различным образом в представленных случаях:

1) разрешению проблемы конфликта квалификаций, возникающей при определении принадлежности имущества к движимому или недвижимому, в ряде случаев способствует избежание упоминания в тексте коллизионных норм термина «движимое имущество», порождающего скрытые коллизии, и замена его термином «имущество» - что было успешно реализовано в п.1 ст.1206 ГК РФ;

2) проблема конфликта квалификаций, возникающая при толковании понятия «момент, когда имели место действия или иные обстоятельства, послужившие основанием для возникновения (прекращения) вещных прав» в случае виндикации имущества разрешается путём конкретизации данного понятия, исключающей двойственность его толкования, в формулировке «момент, когда имущество выбыло из владения собственника»;

3) проблема конфликта квалификаций, возникающая в случае квалификации спорного объекта гражданских прав как объекта права собственности, может быть разрешена путём конкретизации понятия «место нахождения имущества».

8. В результате перемещения в иностранный правопорядок имущества, право собственности на которое по условиям обеспечительной сделки принадлежит кредитору в обеспечительном обязательстве в течение периода кредитования (титульное обеспечение¹⁴), возникает проблема изменения вещного статуса в пространстве (т.н. «мобильного конфликта»¹⁵), осложняющая признание права собственности на это имущество. Если данное имущество не относится к категориям подвижного оборудования¹⁶, то в отсутствие унифицированного

¹⁴ О понятии титульного обеспечения см. подробнее: Усманова Е.Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. Москва, ИГиСП при Правительстве РФ, 2017.

¹⁵ Понятие «мобильный конфликт» подробно рассматривается в пар. 1.3 диссертации. О понятии мобильного конфликта см. также: Любарская Т.С. Коллизионная привязка к местонахождению вещи для определения права, применимого к вещным правам: достоинства и недостатки //Закон, 2016, № 8.

¹⁶ Вопросы признания прав на подвижное оборудование и «связанные с ними объекты прав» в иностранном правопорядке урегулированы в тексте Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаун, 16 ноября 2001 г.).

материально-правового регулирования основным способом разрешения указанной проблемы является коллизионно-правовой метод. Доказывается, что решение проблемы мобильного конфликта, осложняющего признание права собственности на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, достигается путём закрепления коллизионной привязки «закон страны местонахождения вещи» (*lex rei sitae*) в сочетании с привязкой «закон страны назначения имущества» (*lex destinationis*), применяемой по соглашению сторон обеспечительной сделки. Благодаря применению привязки *lex destinationis* стороны обеспечительной сделки, зная, в какой правовой порядок в будущем будет перемещено имущество (предмет обеспечения), имеют возможность заранее выполнить требования, предъявляемые к возникновению титульного обеспечения законом страны назначения, что позволит избежать ситуации мобильного конфликта.

9. Делается вывод о том, что явление «размытости» сфер действия правовых режимов имущества в МЧП в сочетании с процессом расщепления коллизионных норм приводит к ещё большему осложнению процесса сближения права в сфере регулирования правоотношений собственности, поскольку, во-первых, всё сложнее становится формулировать универсализируемые категории объектов права собственности и, во-вторых, требуются дополнительные усилия для унификации (гармонизации) всё возрастающего объёма нормативного материала. Вместе с тем, в связи с необходимостью преодоления неустойчивости правового титула собственности, вызванной различиями в праве государств, процессы унификации и гармонизации норм, регулирующих правоотношения собственности, приобретают особенно важное значение.

Ввиду того, что понятия «имущество», «движимое имущество», «находящееся в пути движимое имущество» представляют собой т.н. «скрытые коллизии», то унификации коллизионных норм, содержащих указанные понятия, должна предшествовать масштабная гармонизация норм материального права государств. Показано, что наиболее перспективной формой сближения права в сфере регулирования правоотношений собственности является создание модельных законов.

10. Делается вывод о том, что расширение сферы действия принципа автономии воли сторон при регулировании отношений собственности различным образом осуществляется в праве государств. Возможные направления расширения сферы действия этого принципа определяются тем, в какой форме и с какими ограничениями закрепляется данный принцип в праве конкретного государства. Диссертант выделяет две формы автономии воли сторон: прямую, при которой стороны осуществляют выбор применимого права напрямую без обращения к обязательственному статуту, и опосредованную, предполагающую, что стороны могут выбрать только право, применимое к договору.

Выделяются также следующие ограничения сферы применения принципа автономии воли сторон:

1) действие принципа только в отношениях между сторонами (оговорка «без ущерба для прав третьих лиц»);

2) действие только в отношении отдельных категорий имущества (например, товаров в пути) либо в отношении отдельных аспектов правоотношения собственности (возникновение права собственности);

3) закрепление фиксированного перечня возможных вариантов для выбора применимого права (т.н. «локализация» автономии воли);

4) действие под условием наступления определённых законодателем событий.

В различных правовых системах указанные ограничения и формы автономии воли образуют уникальное сочетание - особую для каждой правовой системы модель применения автономии воли сторон в коллизионном регулировании права собственности. Отказ от этих ограничений и определяет потенциал для расширения сферы действия автономии воли сторон в праве конкретного государства.

В российском праве потенциально возможными направлениями расширения сферы действия данного принципа могли бы стать введение прямой автономии воли, снятие оговорки «без ущерба для прав третьих лиц», введение автономии воли в отношении права собственности на все движимые вещи.

Однако действительные будущие пределы его распространения не могут быть спрогнозированы, поскольку зависят от ценностного выбора российского законодателя – в пользу правовой определённости, прозрачности правового регулирования (т.н. «интересов правопорядка») либо в пользу частного интереса. Диссертантом делается вывод о целесообразности умеренного расширения сферы действия данного принципа в российском праве - путём распространения его на отношения по возникновению права собственности на товары в пути и на имущество, являющееся предметом обеспечения, без изменения формы закрепления данного принципа или устранения иных ограничений, закреплённых в ст. 1206 ГК РФ.

Показано, что неограниченное расширение сферы действия автономии воли сторон (введение «прямой» автономии воли, распространение её действия в отношении третьих лиц) повышает степень неустойчивости правового титула собственности в МЧП.

Применение принципа автономии воли сторон в коллизионном регулировании отношений собственности характеризуется также тем, каким образом устанавливается его соотношение с принципом наиболее тесной связи во внутреннем праве каждого государства. Подходы государств к закреплению соотношения этих принципов могут быть объединены в группы по макрорегионам мира¹⁷. Диссертантом было выявлено и описано противоречие между подходами, заключающимися в приоритетном применении принципа наиболее тесной связи либо, наоборот, принципа автономии воли сторон, на примере государств Европы и Восточной Азии. Показано, что данное противоречие может приводить к тому, что результаты рассмотрения судами споров о праве собственности между частными лицами государств, относящихся к этим макрорегионам, могут не соответствовать ожиданиям сторон правоотношения. Делается вывод о том, что в целях недопущения возникновения указанной проблемы в российском праве необходимо сохранять ранее принятое соотношение

¹⁷ См. «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике», разработанные Секретариатом ООН.

указанных принципов, согласно которому случаи, когда стороны уже договорились о праве, применимом к переходу права собственности, исключаются из сферы применения принципа наиболее тесной связи.

Проведенное диссертационное исследование позволило автору сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства:

А) Содержание ст. 1205.1 ГК РФ обозначить как пункт 1 и дополнить статью пунктом 2 следующего содержания: «Положения пункта 1 настоящей статьи, за исключением подпункта 5, не применяются для целей толкования статьи 1207 ГК РФ.»

Б) Исключить возможность возникновения ситуации конфликта квалификаций путём дополнения пункта 1 статьи 1206 ГК РФ абзацем вторым следующего содержания: «Для целей разрешения спора, возникшего между собственником и добросовестным приобретателем вещи, таким моментом считается момент выбытия вещи из владения собственника».

В) Расширить сферу действия принципа автономии воли сторон в отношении вещных прав на товары в пути путём изложения пункта 3 статьи 1206 ГК РФ в следующей редакции: «Стороны могут договориться о применении к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав на движимое имущество, *в том числе на находящееся в пути движимое имущество*, права, подлежащего применению к их сделке, без ущерба для прав третьих лиц.»

Г) Дополнить пункт 4 статьи 1206 ГК РФ абзацем вторым следующего содержания: «Изменение местонахождения вещи не прерывает течения срока приобретательной давности.»

Д) Дополнить статью 1206 ГК РФ пунктом 5 следующего содержания:

«Стороны могут договориться о применении к сохранению или возникновению у кредитора в обеспечительном обязательстве права собственности на предназначенное к вывозу за рубеж имущество (предмет обеспечения) закона страны места назначения имущества без ущерба для прав третьих лиц.

Если сохранение или возникновение права собственности у кредитора в обеспечительном обязательстве на имущество (предмет обеспечения), находившееся за рубежом в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для сохранения или возникновения права собственности на это имущество, соответствует требованиям российского законодательства, то такое сохранение или возникновение права собственности признаётся действительным на территории Российской Федерации.»

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что формулируемые выводы и предложения призваны способствовать углублению теории МЧП, могут быть использованы при проведении исследований в области МЧП, а также в ходе преподавания дисциплины «Международное частное право». Автором были выявлены общие тенденции развития коллизионного регулирования права собственности, исследованы закономерности формирования сферы применения привязки «закон страны места нахождения имущества». В работе выделены особенности механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности и особенности правовых режимов имущества в МЧП. Значение для теории МЧП также имеет проведённое автором исследование пределов расширения сферы применения коллизионного принципа автономии воли сторон при регулировании правоотношений собственности.

Практическая ценность диссертационного исследования обусловлена, прежде всего, тем, что выводы, полученные в рамках исследования, могут способствовать формированию национальными судебными органами и международными коммерческими арбитражными судами единообразной практики применения норм о защите права собственности частных лиц в спорах, осложнённых иностранным элементом. Прикладное значение диссертационной работы состоит в возможности использования предложений диссертанта относительно путей совершенствования коллизионного регулирования отношений собственности в процессе разработки международно-правовых актов и внесения изменений в национальное законодательство в данной сфере.

Апробация результатов исследования. Материалы настоящего исследования использовались диссертантом в процессе научной и педагогической деятельности на юридическом факультете Южного федерального университета (ЮФУ), а именно - в ходе проведения семинарских занятий по курсу «Международное частное право». Основные положения и выводы, представленные в настоящей работе, отражены также в 11 статьях, опубликованных автором во всероссийских и одном международном научном изданиях, в т.ч. в четырёх статьях, опубликованных в изданиях, входящих в перечень научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации. Кроме того, основные выводы, сформулированные в процессе проведения диссертационного исследования, прошли апробацию путём обсуждения их в ходе следующих научных мероприятий:

1. Пленарное заседание II научно-практической конференции с международным участием им. С.А. Зинченко «Актуальные проблемы правового регулирования и нотариального удостоверения сделок в РФ», состоявшейся в ЮРИУ РАНХиГС 24 мая 2019 г. Доклад на тему: «Конкуренция вещного и обязательственного статутов при регулировании перехода права собственности по трансграничным сделкам»;

2. Ежегодная международная научно-практическая конференция «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2017», состоявшаяся в ЮФУ 20 октября 2017 г. Доклад на тему: «Соотношение правового регулирования трансграничных частноправовых отношений собственности на международно-правовом и национально-правовом уровнях»;

3. Ежегодная международная научно-практическая конференция «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2016», состоявшаяся в ЮФУ 18 ноября 2016 г. Доклад на тему: «Соотношение «мягкого» и «жёсткого» подходов к правовому регулированию отношений собственности с иностранным элементом»;

4. Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию со дня основания ЮФУ, «Развитие юридической науки в новых условиях:

единство теории и практики», состоявшаяся в ЮФУ 17 октября 2015 г. Доклад на тему: «Различия в коллизионном регулировании отношений собственности в законодательстве некоторых государств»;

5. Международная научно-практическая конференция, посвящённая 150-летию Судебной реформы 1864 года, «Юридическая наука и практика: традиции и новации», состоявшаяся в ЮФУ 22 ноября 2014 г. Доклад на тему: «Способы защиты объектов права собственности частных лиц в международном частном праве»;

6. Заседание кафедры гражданского права юридического факультета ЮФУ;

7. Заседания отдела международного частного права ИГиСП.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ, ОСЛОЖНЁННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

§1.1. Современные подходы к определению юридической природы права собственности как центрального института вещного права

В этом параграфе рассматриваются основные концепции права собственности (вещно-правовая и ценностная концепции, модели унитарной и расщеплённой собственности) и системы перехода права собственности (консенсуальная система и система традиции, модели каузального и абстрактного перехода права собственности), закреплённые в национальном праве государств и оказывающие влияние на правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Делается вывод о том, что в каждой правовой системе образуется определённое сочетание этих концепций, которое даёт представление в целом о модели права собственности, закреплённой в праве этого государства и оказывающей непосредственное влияние на правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Это, в частности, позволяет сформулировать доктринальные ограничения для выделения особенностей коллизионного регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, в соответствии с моделью права собственности, закреплённой в российском праве.

Сравнение концепций права собственности и систем перехода права собственности проведено с использованием сравнительно-правового метода. Для раскрытия понятия права собственности в гражданском и международном частном праве применялся метод обобщения. Метод анализа и синтеза использовался в процессе определения того, какое влияние принятые в национальном праве государств концепции права собственности и системы

перехода права собственности оказывают на коллизионное регулирование отношений собственности.

Римские юристы понимали собственность как некое наиболее широко понимаемое господство лица (собственника) над вещью, исключающее вмешательство любых третьих лиц в сферу его господства. Важным аспектом в понимании собственности римскими юристами является то, что собственность признавалась правовым (идеальным) господством лица над вещью ввиду противопоставления самой идеи господства (права) реально осуществляемому владению (факту)¹⁸. В рамках классической юриспруденции собственность рассматривалась как право, неограниченное по своей природе, для которого характерен абсолютный характер защиты права¹⁹.

В современной отечественной науке гражданского права право собственности рассматривается как наиболее неограниченное право, предоставляющее управомоченному лицу наиболее широкие возможности для использования принадлежащей ему вещи²⁰. Признаётся абсолютный характер правоотношений собственности. Так, проф. Скловский К.И. выделяет пять существенных свойств права собственности, отличающих его от иных вещных прав, а именно: абсолютность, исключительность, полнота господства собственника, бессрочность и эластичность права собственности.²¹

По мнению ряда авторитетных учёных, главным признаком, выделяющим право собственности среди всех вещных прав, является возможность осуществлять

¹⁸ Зайков А.В. Римское частное право в систематическом изложении: Учебник / А. В. Зайков. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — с. 231.

¹⁹ Римское частное право. Учебник под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского – с. 104.

²⁰ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. С. 206-208.; У.Маттеи, Е.А.Суханов. Основные положения права собственности. Москва. Юрист, 1999 – с. 299-318.

²¹ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве, М.: Статут, 2010. С. 208–211. Свойство полноты права собственности предполагает, что, в отличие от иных вещных прав, для определения содержания права собственности недостаточно простого перечисления правомочий собственника. Свойство эластичности права собственности отражает способность восстанавливаться во всей полноте по отпадении ограничений права собственности.

правомочия собственника по своему усмотрению (проф. Толстой Ю.К., Суханов Е.А., Скловский К.И.). Так, власть всех третьих лиц в отношении вещи обусловлена волей собственника этой вещи, в то время как власть собственника независима от власти третьих лиц. В ситуации, когда собственник позволяет другому лицу пользоваться вещью, то пользование вещью возможно только потому, что на то есть воля собственника. Всё, что вещь претерпевает, происходит не в связи с имеющимся ограничением права собственности, но по воле собственника²².

Отметим, что в российской науке гражданского права получила поддержку точка зрения об отсутствии частноправового понятия права собственности и наличии единого публично-частного понятия права собственности, поскольку собственник обязан также соблюдать интересы общества (проф. Мозолин В.П., проф. Гаджиев Г.А.)²³. Проф. Суханов Е.А. подчёркивает комплексный (многоотраслевой) характер института права собственности, в котором, по его мнению, основное место занимают нормы гражданского права²⁴.

Наибольшие расхождения в позициях российских учёных-специалистов в области гражданского права вызывают вопросы, связанные с закреплением триады правомочий собственника и определением круга объектов права собственности. Так, по мнению ряда учёных, триада правомочий собственника, состоящая из правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, носит абстрактный, универсальный характер и поэтому даёт возможность закреплять правоотношения собственности в различных их формах (проф. Якушев В.С., проф. Толстой Ю.К.)²⁵. Одновременно, в российской правовой науке была высказана критическая точка зрения относительно достаточности триады правомочий для

²² У.Маттеи, Е.А.Суханов. Основные положения права собственности. Москва. Юристъ, 1999 – с. 299-318.; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве, М.: Статут, 2010. С. 208–211.

²³ См.: Мозолин В.П. Модернизация права собственности в экономическом измерении// Журнал российского права. 2011. №1. – с. 26-30.; Право собственности: актуальные проблемы /Отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М., 2008 С. 13-15.

²⁴ У.Маттеи, Е.А.Суханов. Основные положения права собственности. Москва. Юристъ, 1999 – с. 299-318.

²⁵ См.: Якушев В.С. О самостоятельности института права государственной социалистической собственности и его государственно-правовой природе // Учёные труды Свердловского юрид. института. 1970. Вып. 13. - С. 110.; Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. - С. 54.

выражения содержания права собственности (проф. Суханов Е.А., проф. Скловский К.И.)²⁶. Так, указанные правомочия могут по отдельности или все вместе концентрироваться у иного законного владельца имущества (например, у арендатора), но это обстоятельство не делает его собственником. Отмечается, что содержание права собственности определяется не количеством правомочий, а мерой юридической власти, предоставляемой собственнику действующим законодательством²⁷.

Вопрос об определении круга объектов права собственности будет подробнее рассмотрен в контексте противопоставления вещно-правовой и ценностной концепций права собственности. Отметим, однако, что доминирующей в отечественном гражданском праве является точка зрения о том, что объектами права собственности являются вещи как материальные, телесные объекты.

Российские исследователи международного частного права в основном заимствуют определение права собственности из гражданского права, признавая его как полное господство лица над вещью²⁸, отмечая его абсолютный характер, а также и то, что объектом права собственности являются вещи как объекты материального мира²⁹. Учёными-международниками в целом разделяется получившая распространение в гражданском праве точка зрения о том, что правовое понятие собственности относится к категориям частного и публичного права³⁰. Право собственности признаётся центральным институтом вещного

²⁶ У.Маттеи, Е.А.Суханов. Основные положения права собственности. Москва. Юристъ, 1999 – с. 299-318.; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве, М.: Статут, 2010. С. 208–211.

²⁷ У.Маттеи, Е.А.Суханов. Основные положения права собственности. Москва. Юристъ, 1999 – с. 299-318.

²⁸ См.: Дмитриева Г.К. Международное частное право. Учебник. – с. 244-245.; Вилкова Н.Г. Право собственности в международном частном праве Российской Федерации. Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: Сборник статей. Под ред. И.П. Грешникова. Статут. 2015; Н. Ю. Ерпылева. Международное частное право»: Издательский дом Высшей школы экономики; Москва; 2015 – с. 186-188

²⁹ Гетьман-Павлова, И. В. Г44 Международное частное право : учебник / И. В. Гетьман-Павлова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2013. – с. 382-383

³⁰ Волова Л.И. Сущность международного имущественного права. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 13 (19). – с. 15.

права³¹. Отмечается также, что особенность права собственности в международном частном праве, отличающая его от иных вещных прав, состоит в том, что оно является единственным вещным правом, бесспорно признаваемым в национальном законодательстве любого государства. Право собственности признаётся повсеместно, однако его содержание в национальном праве государств значительно отличается. Из этого можно сделать вывод о том, что в российской доктрине международного частного права в целом не проводится различия между понятием права собственности, принятым в международном частном праве, и соответствующим понятием, принятым в российском гражданском праве. Заимствование понятия собственности из гражданского права объясняется тем, что на сегодняшний день различия в материальном праве государств настолько велики, что формулирование универсального понятия права собственности, так необходимого науке международного частного права, не представляется возможным.

Вместе с тем, российскими учёными – специалистами в области международного частного права отмечается наличие особенностей правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, по сравнению с внутренними правоотношениями собственности. Так, подчёркивается, что правовое регулирование отношений собственности с иностранным элементом, в отличие от правового регулирования внутренних отношений собственности, не осложнённых иностранным элементом, обладает определённой спецификой, выражающейся, в первую очередь, в круге вопросов, подлежащих регулированию нормами международного частного права³². Речь идёт, прежде всего, о том, что само по себе явление осложнения правоотношения собственности иностранным элементом преобразует правовое регулирование права собственности таким образом, что возникает необходимость использования коллизионных механизмов.

³¹ Вилкова Н.Г. Право собственности в международном частном праве Российской Федерации. // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: Сборник статей. Сост. и отв. ред. И.П. Грешников. «Статут», 2015.

³² Ерпылёва Н. Ю. Международное частное право»: Издательский дом Высшей школы экономики, Москва, 2015. – С. 186-188.

Существуют также различия в подходах, принятых в российской и зарубежной науке международного частного права и используемых в процессе правового регулирования права собственности. Существенным отличием является включение некоторых вопросов наследственных и брачно-семейных отношений в предмет института права собственности, а именно – вопросов наследования недвижимого имущества и вопросов определения правового режима совместной собственности супругов. Это во многом связано с тем, что к соответствующим отношениям в различных правовых порядках может применяться коллизионная привязка *lex rei sitae* – основная коллизионная привязка, содержащаяся в коллизионных нормах, определяющих вещный статут (подробнее об этом см. в пар. 1.3). В зарубежной доктрине международного частного права правовое регулирование отношений собственности связывается со сферой применения вещного статута, поэтому в процессе выделения существенных черт коллизионно-правового регулирования права собственности в международном частном праве зачастую производится обобщение судебной практики не только по спорам о праве собственности, но и по спорам, связанным с указанными аспектами наследственных и брачно-семейных отношений. Вместе с тем, указанные категории правоотношений значительно различаются, поэтому возможность формулирования системы особенностей коллизионного регулирования, характерных как для отношений собственности в чистом виде, так и имущественных отношений, складывающихся в ходе наследования или в рамках семейных отношений, представляется нам маловероятной.

Вещно-правовая и ценностная концепции права собственности. В сфере коллизионного регулирования права собственности большое практическое значение имеет то, какие объекты гражданских прав могут быть отнесены к объектам права собственности. В зависимости от того, является ли спорный объект объектом права собственности, осуществляется квалификация правоотношения и выбор соответствующей коллизионной нормы. При этом круг объектов права собственности различается в национальном праве государств.

В доктрине международного частного права сформировались различные подходы к определению содержания права собственности. Базовым для российского права считается **вещно-правовой подход**³³. Конструкцию права собственности здесь формирует триада правомочий собственника, включающая владение, пользование и распоряжение имуществом. В праве иностранных государств, относящихся к континентальной системе права, данная триада может быть дополнена иными правомочиями. Большое значение для коллизионного регулирования отношений собственности имеет тот факт, что вещный подход включает в понятие объекта права собственности только вещи как объекты материального мира³⁴.

Вещно-правовой концепции противопоставляется **ценностная концепция права собственности**. Она распространяет действие норм о праве собственности на все вещи и невещественные объекты, являющиеся оборотоспособными и обладающие признаками реальности (объект является наличным и безусловно принадлежит лицу) и экономической ценности³⁵. При этом для различных видов объектов (имущества) устанавливаются дифференцированные правовые режимы.³⁶

Считается, что ценностная концепция наиболее близка к экономическому содержанию права собственности³⁷, поскольку она в условиях развития экономических отношений, появления в хозяйственном обороте невещественных объектов гражданских прав обосновывает необходимость расширения правового института права собственности вслед за изменениями в экономическом понимании

³³ Мингазова И.В. Право собственности в международном праве. - "Волтерс Клувер", 2007. – С. 15-17.

³⁴ Старженецкий, В. В. Соотношение международного (европейского) и российского правового регулирования института собственности: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. 12.00.03. Москва, 2003. – С. 11.

³⁵ Хлуднева Ю.В. Конституционное закрепление права частной собственности в России и странах Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. 12.00.02. Москва, 2013. – С. 11.

³⁶ В частности, ценностный подход предполагает включение прав, возникших из обязательственных правоотношений, в круг объектов права собственности. Так, право требования становится объектом права собственности, если оно способно иметь денежную оценку и существуют основания полагать, что данное право требования будет исполнено.

³⁷ Старженецкий, В. В. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2005. – С. 15.

содержания права собственности. Особенностью ценностной концепции права собственности является то, что она возлагает на государство активную обязанность по обеспечению и защите субъективного права собственности³⁸.

Интерес представляет реализация ценностного подхода в гражданском праве государств, поскольку именно гражданское право содержит определение понятия «имущество». Так, в французской правовой доктрине телесное и бестелесное имущество являются объектами права собственности, только нематериальные блага не могут участвовать в имущественном обороте³⁹. По законодательству Германии, бездокументарные и обездвиженные в депозитариях ценные бумаги признаются объектами права общей долевой собственности⁴⁰. Англо-саксонское право допускает право собственности на вещи и права, имеющие экономическую ценность⁴¹. В праве США, Великобритании клиент банка рассматривается как собственник средств, перевод безналичных денежных средств представляет собой переход права собственности;⁴² признаётся также право собственности на

³⁸ Ценностная концепция права собственности получила развитие в практике Европейского и Межамериканского Судов по правам человека и Африканской комиссии по правам человека. Позиция Судов и Комиссии в вопросе отнесения широкого перечня невещественных объектов к объектам права собственности является во многом общей. Подробнее об этом см.: Савельева Е.Г. Защита права собственности в рамках международных региональных организаций (на примере Совета Европы и Организации Американских государств) // Российский юридический журнал, № 4 (85).2012, Екатеринбург. – С. 89.

³⁹ Согласно ст. 529 ФГК, объектами вещных прав (движимым имуществом) признаются права на акции и доли в промышленных, финансовых и торговых компаниях. В последние годы в судебной практике начало признаваться право собственности на номер кредитной карты. В условиях неточности формулировок законодателя и формирования разнородной судебной практики во Франции широко обсуждается вопрос о том, возможно ли вещное право на право требования. См.: Faber W., Lurger B. National Reports on the Transfer of Movables in Europe. Vol. 4: France, Belgium, Bulgaria, Poland, Portugal. /European Legal Studies, vol. 13. Sellier European law publishers, 2011. - p. 13.; Storck M., La propriété d'un portefeuille de valeurs mobilières //Le droit privé français à la fin du XXe siècle, Litec, 2001, p. 695; Emerich Y., La propriété des créances: approche comparative. Librairie générale de droit et de jurisprudence, Bibliothèque de droit privé, 2007, p. 459.

⁴⁰ Eva Micheler. Property in Securities. Comparative Study. 2007. – P. 204.

⁴¹ Ласк Г. Гражданское право США. Москва, 1961. - С.461.

⁴² В деле «Lena Goldfields Ltd.» суд штата Нью-Йорк пришёл к выводу о том, что безналичные деньги могут рассматриваться в качестве объектов права собственности. См. подробнее: Брагинский М.И. Гражданский кодекс и объекты права собственности // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С.85.; Трофимов К.Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения. С.143.

бездокументарные ценные бумаги, однако для владения ими предусматриваются специальные правовые конструкции⁴³.

Ценностный подход находит отражение в кодификациях международного частного права некоторых иностранных государств. Например, согласно п. 2 ст. 36 Закона Республики Албания о международном частном праве 2011 г., «прибыль или убыток от собственности» рассматривается в качестве отдельного объекта коллизионного регулирования, для которого закрепляется специальная коллизионная привязка «закон страны места нахождения имущества на момент установления фактических обстоятельств, определяющих прибыль или убыток от собственности»⁴⁴. Коллизионные нормы о праве собственности на невещественное (бестелесное) имущество закрепляются в законодательстве Бельгии (коллизионные нормы о праве собственности на оборотные документы)⁴⁵ и Нидерландов (коллизионные нормы о праве собственности на акции, оборотные документы и долговые требования)⁴⁶. В законодательстве Аргентины не конкретизируются разновидности невещественного имущества, но закрепляется общий принцип, в соответствии с которым права на имущество, в силу своей природы не имеющее фактического места нахождения, регулируются правом места жительства их владельца⁴⁷.

Ценностный подход получил отражение также в некоторых международно-правовых актах. Например, в ст. 107 Кодекса Бустаманте 1928 г. указывается, что

⁴³ В английском праве используется правовая конструкция («equitable title»), в соответствии с которой формальный собственник ценных бумаг является управляющим ценными бумагами (трасти), приобретатель признаётся выгодоприобретателем по данному трасту. В праве США предусмотрен особый тип права собственности в отношении бездокументарных ценных бумаг, сочетающий вещные и обязательственные элементы, называемый «security entitlement». Аналогом этого титула в российском праве являются права собственника вещи, переданной на хранение с обезличением (Никифоров А.Ю. Бездокументарные ценные бумаги. Система КонсультантПлюс).

⁴⁴ В п.2 ст. 36 Закона установлена следующая коллизионная норма: «Прибыль или убыток от собственности, владения и вещных прав регулируется законом государства, на территории которого находилась вещь в момент установления фактических обстоятельств, которые определяют прибыль или убыток по этим правам».

⁴⁵ Ст.91 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г.

⁴⁶ Ст.134-141 ГК Нидерландов 2011г.

⁴⁷ Ст.2599 ГК Республики Аргентина 2015г.

местом нахождения долговых обязательств считается место их платежа, а если место платежа не указано, - то место постоянного проживания должника.

Таким образом, влияние ценностного подхода на коллизионное регулирование отношений собственности выражается, во-первых, в расширении сферы применения норм о праве собственности за счёт включения невещественных объектов гражданских прав в перечень объектов права собственности, и, во-вторых, в закреплении специальных коллизионных норм, содержащих коллизионные привязки, ориентированные на свойства невещественных объектов, признаваемых объектами права собственности в национальном праве государств.

Недостатком ценностной концепции права собственности является то, что применение ценностного подхода к определению перечня объектов права собственности, в отличие от вещно-правового подхода, не имеет ограничений. Постоянное расширение этого перечня должно обеспечиваться постоянно обновляющейся судебной практикой и, как следствие, либо использованием судебного прецедента и признанием его источником права, либо применением правовых норм по аналогии. Постоянное применение норм по аналогии в долгосрочной перспективе чревато формированием несогласованной судебной практики, непредсказуемостью будущих судебных решений. С тем чтобы снять противоречия, необходимо будет вносить изменения в законодательство, закреплять новые виды объектов права собственности. В условиях постоянного расширения перечня объектов права собственности в рамках ценностной концепции права собственности процесс внесения изменений в законодательство бесконечен. Ценностный подход возможен в прецедентной системе права, но не в континентальной. Представляется вполне закономерным тот факт, что на международно-правовом уровне система юридических прецедентов по спорам о праве собственности формируется судами по правам человека.

Ценностный подход к пониманию права собственности поддерживается рядом российских учёных, специализирующихся в области международного публичного права. Так, Савельева Е.Г. предлагает расширить перечень объектов права собственности, включив в него требование о выплате пенсии,

невыплаченную задолженность по облигациям и т.д.⁴⁸ Старженецкий В.В. предлагает причислять к объектам права собственности все объекты, обладающие свойствами экономической ценности и реальности⁴⁹.

В российской науке гражданского права отдельными учёными разделяется точка зрения о необходимости расширить перечень объектов права собственности за счёт включения в него невещественных объектов. Проф. Зинченко С.А., проф. Галов В.В. предлагают в рамках понятия права собственности выделять три элемента: вещное право собственности, невещное имущественное право собственности (на невещественное имущество) и невещное неимущественное право собственности, опосредующее право индивида на нематериальные блага⁵⁰. В то же время предпринимаются попытки «вписать» категорию имущественных прав в структуру вещно-правового подхода, разграничивая вещи на телесные и бестелесные.⁵¹ Однако доминирующей в российской доктрине гражданского права является точка зрения, согласно которой объектом права собственности является вещь как объект материального мира (проф. Толстой Ю.К.⁵², проф. Суханов Е.А.), поэтому следует говорить о господстве вещно-правового подхода в российской науке частного права.

Российский законодатель следует вещно-правовой концепции в описании правомочий собственника с помощью триады правомочий, закреплённой в ст. 209 ГК РФ. Однако в тексте этой статьи используется термин «имущество» вместо термина «вещь». В соответствии со ст. 128 ГК РФ, в понятие «имущество» включается также «иное имущество», а именно - имущественные права, безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. В российском гражданском праве понятия «имущество» и «объект права

⁴⁸ Савельева Е.Г. Защита права собственности как одного из основополагающих прав человека (международно-правовые аспекты). 12.00.10. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Москва, 2013. – С. 15, с. 27-28.

⁴⁹ Старженецкий В.В. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2005. С. 23-25.

⁵⁰ Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение). Ростов-н/Д: Профпресс, 2013. – С. 40-45.

⁵¹ Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Москва, 1998. – С.90-97.

⁵² Гражданское право. Учебник под ред. Ю.К. Толстого. – С. 407-408.

собственности» не являются тождественными, а термин «имущество» обладает различным содержанием в зависимости от того, какие правоотношения подлежат регулированию с его использованием⁵³. В свою очередь, международное частное право «заимствует» понятие права собственности из гражданского права: в ст. 1205, ст.1206 ГК РФ, содержащих коллизионные нормы о праве собственности, также используется термин «имущество». Возникает вопрос о том, возможно ли применение этих норм при установлении права, применимого к правам на невещественные объекты гражданских прав.

Выбор терминологии ГК РФ можно объяснить тем, что отдельные категории невещественных объектов гражданских прав признаются объектами права собственности в целом ряде правовых систем. Однако в результате использования термина «имущество» вместо термина «вещь» в тексте ст. 209 ГК РФ, а также в тексте ст. 1205-1206 ГК РФ, «заимствующих» понятие собственности из гражданского права, создаются предпосылки для распространения сферы применения этих норм в отношении невещественного имущества, что приближает подход к пониманию права собственности, принятый в российском праве, к ценностной концепции. Вместе с тем, систематическое толкование норм, закреплённых в разделе II ГК РФ «Право собственности и другие вещные права», позволяет сделать вывод о том, что объектом права собственности являются вещи как материальные, телесные объекты, поскольку только материальные объекты могут быть переданы, потеряны и пр.⁵⁴ Таким образом, в российском праве принята вещно-правовая концепция права собственности.

Рассмотренные выше подходы к пониманию права собственности имеют как значительные достоинства, так и ярко выраженные недостатки. Ценностная

⁵³ Понятие «имущество» в российском праве может иметь различное содержание в зависимости от того, какие правоотношения подлежат регулированию с использованием этого понятия. Например, в ст.ст. 301-303, 305 ГК РФ под имуществом, которое может быть истребовано из чужого незаконного владения, понимаются вещи. Одновременно, в п. 4 ст. 63 ГК РФ понятие имущества ликвидируемого юридического лица, продаваемого с публичных торгов, включает как вещи, так и имущественные права.

⁵⁴ Рудоквас А.Д., Александрова М.А., Рыбалов А.О. «Право собственности и способы его защиты в гражданском праве», 2017. – С.10.

концепция в бóльшей степени соответствует потребностям имущественного оборота, реализуя частный интерес в праве, в то время как вещно-правовой подход, напротив, в меньшей степени опосредует реально существующие экономические отношения, однако способствует системности и правовой определённости при регулировании права собственности.

Достоинства вещно-правовой и ценностной концепций сочетает в себе так называемая «концепция двухуровневого регулирования права собственности» (*le double niveau d'opération de la réglementation du droit des biens*). В рамках данной концепции собственность признаётся двойственным объектом правового регулирования: выделяется уровень материальных объектов права собственности (нижний уровень) и уровень всех объектов – вещей и невещественных объектов – постольку, поскольку признаётся их способность быть объектами права собственности (верхний уровень). Верхний уровень гарантирует собственнику правомочия владения и распоряжения имуществом. В то время как нижний уровень регулирования, нормы которого носят специальный характер по отношению к верхнему, дополнительно наделяет собственника правомочием пользования имуществом⁵⁵. Таким образом, с одной стороны, на нижнем уровне регулирования сохраняется классическое содержание права собственности, классический круг объектов, ограничивающийся вещами. Регулирование права собственности на вещи и на невещественные объекты разделено. С другой стороны, данная модель в большей степени соответствует современному этапу развития общественных отношений, когда всё большее число объектов, ранее не обладавших признаком товарности, приобретают это свойство.

Ярким примером закрепления концепции двухуровневого регулирования права собственности является ГК Нидерландов 1992 г., разработанный на основе трудов известного голландского учёного - специалиста в области частного права Э.-М. Майерса (Eduard Maurits Meijers). В новом ГК Нидерландов 2011 г. также был реализован указанный подход. Так, регулирование права собственности

⁵⁵ d'Avout L. Sur les solutions du conflit de lois en droit des biens. *Economica*. Paris, 2006. – С. 16-19.

разделяется на две части: нормы, посвящённые всем объектам права собственности в целом, содержатся в Книге третьей, в то время как в положениях Книги пятой в качестве объектов права собственности рассматриваются исключительно материальные объекты, вещи. Этот способ регулирования разрешает болезненный вопрос о том, каким образом возможно было бы осуществить применение правовых конструкций, изначально предназначенных для регулирования права собственности на вещи, в отношении прав на невещественное имущество. В данном случае этот вопрос снимается, поскольку нормы, регулирующие право собственности на вещи, обособлены.

Однако данная конструкция, в рамках которой нормы о праве собственности разделены на верхний (общий) и нижний (частный) уровень, не может быть перенесена в плоскость коллизионного регулирования отношений собственности. В гражданском праве объекты верхнего уровня могут быть объединены способностью к свободному владению и распоряжению ими. В то время как коллизионные нормы формируются на основании связи правоотношения с определённым правопорядком. Считается, что наилучшим образом спорное правоотношение, осложнённое иностранным элементом, может быть урегулировано наиболее «близким» к нему правом. Вещные права на невещественные объекты и на вещи имеют различные «центры тяготения» правоотношения, что делает невозможным возникновение основы для частичного объединения коллизионных норм либо использования одних и тех же подходов. Поэтому, хотя концепция двухуровневого регулирования права собственности имеет большое значение для международного частного права - в части закрепления перечня объектов, относимых к категории «имущество», установлении содержания права собственности на конкретные категории объектов и т.д., однако сама структура регулирования, раскрытая в этой модели, не может быть применена в сфере коллизионного регулирования правоотношений собственности.

Действительно, реализация двухуровневой концепции права собственности в ГК Нидерландов не повлекла за собой применение этой же модели в коллизионном регулировании. Так, Глава 10 Книги 10 ГК Нидерландов, посвящённая

определению права, применимого к вещным правоотношениям, содержит равнозначные друг другу разделы о праве собственности на вещи (движимые и недвижимые), на долговые требования и на акции в корпорациях. Закреплённые в этой главе нормы о праве собственности на вещи не носят специального характера по отношению к коллизионным нормам других разделов.

Учитывая тот факт, что процесс создания российского Гражданского кодекса происходил под влиянием ГК Нидерландов 1992 г. и что в этой связи российский и голландский ГК имеют генетическую связь⁵⁶, учитывая также, что межотраслевые кодификации МЧП в России и Нидерландах осуществлялись практически одновременно, можно предположить, что дальнейшее развитие правового регулирования права в российском гражданском праве также может развиваться в соответствии с двухуровневой концепцией права собственности. Однако, в связи с тем, что данная структура правового регулирования не может быть перенесена в область коллизионного регулирования права собственности, для международного частного права имеет значение только факт расширения перечня объектов права собственности в рамках данного подхода.

Концепция унитарной собственности и концепция расщеплённой собственности. В различных правовых системах приняты разные концепции права собственности в зависимости от наличия или отсутствия функционального расщепления собственности, что в условиях заимствования коллизионным регулированием понятия собственности из материального права государств оказывает значительное влияние на правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом.

Концепция унитарной собственности предполагает, что одной вещи ставится в соответствие единое право собственности и невозможно существование двух прав собственности на одну и ту же вещь. В рамках модели расщеплённой собственности, напротив, устанавливается, что имуществом, способным выполнять несколько функций, может обладать одно лицо в части, касающейся

⁵⁶ Feldbrugge F.J.M. The codification process of Russian civil law // Lawmaking for Development/ ed. by J. Arnscheidt, J. M. Otto, B. van Rooij. Leiden, 2008. - P. 232–244.

некоторых функций этого имущества, а иным субъектам могут принадлежать права, соответствующие другим функциям этого имущества⁵⁷. Эти субъекты будут считаться собственниками имущества в части, касающейся выполнения им определённой функции.

Концепция расщеплённой собственности оказала влияние на нормы, закреплённые в ст. 1636, ст. 1638 ГК Испании, в которых и собственник земельного участка, и эфитевт рассматриваются как, соответственно, прямой и подчинённый собственники этого участка. Аналогичная правовая конструкция закрепляется в ст. 310 ГК Мальты, в ст. 1497 ГК Пуэрто-Рико. Концепция расщеплённой собственности применяется также в английской праве: ряд функционально ограниченных прав собственности на недвижимое имущество противопоставляется правам на чужие вещи. Модель расщеплённой собственности выражается и в сложившейся правовой конструкции траста. Так, в английском праве бенефициарные собственники и доверительный собственник считаются собственниками имущества, в отношении которого был учреждён траст.

Российским правом была воспринята унитарная модель права собственности. Статья 209 ГК РФ содержит определение права собственности, в соответствии с которым собственник имущества может совершать «любые действия» в отношении данного имущества, за исключением действий, запрещённых законом. Это, в свою очередь, означает, что одна вещь может принадлежать на праве собственности только одному собственнику.

По мнению Рыбалова А.О., применение концепции унитарной собственности, в отличие от концепции расщеплённой собственности, упрощает имущественный оборот. Это связано с тем, что в рамках модели унитарной собственности единственный собственник вещи может пользоваться этой вещью любыми способами и, следовательно, обладает относительно полной информацией о наличии прав иных лиц в отношении данной вещи⁵⁸.

⁵⁷ Рудоквас А.Д., Александрова М.А., Рыбалов А.О. Право собственности и способы его защиты в гражданском праве. 2017 г. – С. 14-21.

⁵⁸ Указ. соч. – С.18-22.

Системы перехода права собственности. Различия в системах перехода права собственности являются одной из причин возникновения коллизий в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, и, в частности, ситуации т.н. «мобильного конфликта» (см. подробнее пар. 1.3). Определение момента перехода права собственности и установление самого факта этого перехода имеет важное значение не только для сторон договора, но также для третьих лиц, поскольку момент перехода права собственности связывается с моментом, когда покупатель приобретает, а продавец утрачивает правомочия собственника вещи. С этого момента кредиторы покупателя получают возможность требовать обращения взыскания на эту вещь.

В зависимости от того, с какими юридическими фактами связывается переход права собственности на вещь, выделяются две системы перехода права собственности - **консенсуальная система и система традиции**. Также выделяется **система регистрации**.

В рамках консенсуальной системы переход права собственности на индивидуально-определённую вещь происходит в момент заключения договора, а на вещь, определённую родовыми признаками, - в момент её индивидуализации, то есть в момент её передачи приобретателю. Данная система по сути является дуалистической⁵⁹. Консенсуальная система перехода права собственности принята в французском праве (ст. 1583, ст. 1585 ФГК), в английском праве (ст. 16, ст. 18 Закона о купле-продаже товаров 1979 г.).

Согласно системе традиции, право собственности – независимо от того, является ли вещь индивидуально-определённой или определённой родовыми признаками, - переходит к приобретателю по договору с момента передачи вещи. Система традиции принята в праве США (п. 2 ст. 2-401 ЕТК США), в немецком праве (§ 929 ГГУ), а также в праве Швейцарии, Австрии, Нидерландов.⁶⁰

⁵⁹ Хаскельберг Б.Л. Об основании и моменте перехода права собственности на движимые вещи по договору. //Правоведение. -2000. - № 3. - С. 121 – 132.

⁶⁰ Васильев Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств. 1993.

Вместе с тем, сторонам договора может быть предоставлено право самостоятельно определить момент перехода права собственности на имущество. Соответствующие нормы закреплены в праве США (ст. 2-401 ЕТК США), в английском праве (п. 1 ст. 17 Закона о купле-продаже товаров 1979 г.). Отметим, что, если правило о переходе права собственности, действующее в рамках системы традиции, сформулировано как диспозитивное, то оно также позволяет связать момент перехода права собственности на индивидуально-определённую вещь с моментом заключения договора или с возникновением иного юридического факта – например, с моментом полной уплаты цены покупателем.

В российском праве закрепляется система традиции (п.1 ст.223 ГК РФ). Вместе с тем, в отношении перехода права собственности на недвижимое имущество применяется система регистрации, связывающая момент перехода права собственности с моментом его регистрации. Публичность регистрации снижает уровень неопределённости в вопросе о юридической принадлежности вещи, позволяя всем третьим лицам получить соответствующую информацию. Однако издержки на поддержание системы регистрации высоки, и данная система отчасти замедляет имущественный оборот. Поэтому систему регистрации применяют в основном в отношении недвижимого имущества.

По мнению проф. Дж. Ф. Стагля (Jakob Fortunat Stagl), консенсуальная система перехода права собственности предоставляет преимущество кредиторам покупателя, т.к., согласно этой системе, право собственности переходит к покупателю раньше, чем в соответствии с системой традиции. Так, немецкий и австрийский законы, следуя системе традиции, отдают предпочтение кредиторам продавца, поскольку предоставляют ему возможность отсрочить переход права собственности. Согласившись с проф. Дж. Ф. Стаглем, отметим тот факт, что система традиции в меньшей степени, чем консенсуальная система, способствует интенсификации имущественного оборота и поэтому представляется менее благоприятной для развития экономической сферы. Применение норм о переходе права собственности в условиях системы традиции не всегда удобно в тех случаях,

когда отчуждение вещи связано с дополнительными условиями, касающимися обязательств сторон.

Достоинством консенсуальной системы является то, что такой переход права собственности соответствует действительным отношениям отчуждателя и приобретателя вещи: момент достижения соглашения и момент перехода права совпадают. Однако, консенсуальная система также создаёт ситуацию неопределённости в гражданском обороте, поскольку третьи лица не имеют возможности достоверно определить, кто является собственником вещи, до тех пор, пока переход права собственности не станет публичным. Система традиции, напротив, не обладает данным недостатком, поскольку связывает момент перехода права собственности с передачей вещи: предполагается, что владелец имущества является также его собственником. Система традиции, принятая в российском праве, в большей степени способствует реализации интересов общества в правовой определённости и защите прав третьих лиц в гражданском обороте.

В зависимости от связи действительности перехода права собственности и действительности лежащей в его основе сделки выделяют **системы каузального и абстрактного перехода права собственности**. В соответствии с каузальной системой, переход права собственности осуществляется на основании и во исполнение договора, которым устанавливается обязательство прежнего собственника передать право собственности приобретателю вещи.⁶¹ В случае отпадения этого договора – в частности, признания его недействительным – переход права собственности считается не состоявшимся. Такая модель перехода права собственности закреплена в российском законодательстве (п. 1 ст. 223 ГК РФ, абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ).

В рамках системы абстрактного перехода права собственности, применяемой в праве Турции, Греции, ФРГ, переход права происходит на основании отдельного договора (вещного договора). При этом юридическая связь между вещным договором и обязательственным договором отсутствует, вследствие чего

⁶¹ Гражданское и торговое право зарубежных стран. Зенин И.А. Москва: МЭСИ, 2005. – С. 232.

признание обязательственного договора недействительным не влечёт отпадения вещного договора – переход права собственности считается состоявшимся. Считается, что система абстрактного перехода права собственности стабилизирует имущественный оборот, препятствуя широкому применению последствий признания сделок недействительными. Это, в свою очередь, снижает издержки покупателя имущества по изучению правового титула продавца на предмет наличия пороков в его титуле либо в титулах предшествующих собственников этого имущества⁶².

Доктринальные ограничения выделения особенностей коллизионного регулирования отношений собственности, обусловленные применением рассмотренных концепций права собственности. Коллизионное регулирование отношений собственности сосредоточено в основном на национально-правовом уровне. Кроме того, понятие права собственности заимствуется международным частным правом из гражданского права. Поэтому концепции права собственности, принятые в национальном праве государств, оказывают непосредственное влияние на процесс формирования коллизионного регулирования отношений собственности, характеризуемых иностранным участием.

Так, в рамках вещной концепции права собственности объектами права собственности признаются только вещи как объекты материального мира, поэтому коллизионные привязки, содержащиеся в коллизионных нормах, определяющих право, применимое к указанным правоотношениям, формулируются, в первую очередь, исходя из чувственно определяемых (устанавливаемых с помощью зрения, осязания), фактических признаков⁶³, которые могут быть дополнены логическим образом – путём фиксации места нахождения имущества в конкретный, определённый законодателем момент времени (см. подробнее пар. 1.3). То обстоятельство, что указанные коллизионные привязки в основе своей имеют

⁶² Тезисы Р.С. Бевзенко к круглому столу «Абстрактная передача права собственности vs каузальный переход права собственности» Режим доступа: http://m-logos.ru/img/Tezisy_Bevzenko_k.s._09.10.13.pdf (дата обращения - 16.06.2020 г.)

⁶³ Carruthers J.M. The Transfer of Property in the Conflict of Laws: Choice of Law Rules in Inter Vivos Transfers of Property (Oxford Private International Law Series). OUP Oxford. 2005. – P. 100.

чувственно определяемые характеристики объекта права собственности – вещи, - является одной из особенностей института права собственности в международном частном праве, отличающего его от всех иных институтов, предметом которых являются частноправовые отношения, осложнённые иностранным элементом⁶⁴.

Ценностная концепция права собственности, напротив, признаёт в качестве объектов права собственности любые оборотоспособные объекты, соответствующие признакам экономической ценности, наличности и реальности⁶⁵. Эти признаки не имеют прямой связи с вещественными характеристиками объекта права собственности и выводятся логическим путём. Очевидно, что коллизионные привязки, формулируемые под влиянием ценностной концепции, будут также иметь логический характер и не будут обязательным образом связаны с применением территориального принципа. Следует учесть, что невещественные объекты не могут иметь своего фактического местонахождения. Поэтому, даже если коллизионные привязки, используемые для установления права, применимого к вещным правам на невещественные объекты, в своей формулировке содержат термин «местонахождение» (например, в ст.ст. 106-109 Кодекса Бустаманте 1928 г.), то это означает лишь попытку распространить сферу действия методов коллизионного регулирования права собственности на вещи в отношении невещественных объектов путём использования приёма юридической фикции.

Применение ценностной концепции в международном частном праве означает, что в этом случае коллизионное регулирование возникновения (прекращения) права собственности, связанное, в частности, с классификацией способов возникновения (прекращения) права собственности, установленных в гражданском праве государств и различающихся для вещей и невещественных объектов, а также регулирование защиты и осуществления права собственности в международном частном праве должны быть пересмотрены. Коллизионное

⁶⁴ Carruthers J.M. *Transfer of Property and Private International Law*. Edward Elgar Publisher, 2016. – Pp. 111-119.

⁶⁵ Хлуднева Ю.В. Конституционное закрепление права частной собственности в России и странах Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. 12.00.02. Москва, 2013. – С. 11.

регулирование отношений собственности, возникающих по поводу вещей и по поводу невещественных объектов, не может быть сформулировано в рамках единых коллизионных норм.

Концепция унитарной собственности предполагает, что собственником признаётся лишь то лицо, которое обладает всей полнотой власти над объектом права собственности. В рамках концепции разделённой собственности, напротив, один и тот же объект права собственности может принадлежать двум собственникам. Право, называемое «правом собственности» в условиях модели расщеплённой собственности, по сути, представляет собой ограниченное вещное право и по своему содержанию не тождественно пониманию права собственности, принятому в рамках концепции унитарной собственности.

Указанное обстоятельство имеет важные следствия для правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Во-первых, неизбежно расщепление применимого права, когда отдельные аспекты одного правоотношения подчинены различным правовым порядкам, поскольку лица, обладающие правами в отношении одного и того же объекта права собственности, могут различным образом «привносить» иностранный элемент в правоотношение собственности⁶⁶. Во-вторых, особенностью коллизионного регулирования отношений собственности в условиях унитарной концепции собственности является то, что, в отличие от иных вещных прав, право собственности является повсеместно признаваемым вещным правом в национальном праве большинства государств мира. В результате проблема признания права собственности на имущество в иностранном правовом порядке не является столь актуальной, как в случае признания ограниченных вещных прав, подходы к пониманию которых значительно различаются в национальном праве государств. Противоположно тому, концепция расщеплённой собственности, приравнивающая содержание права собственности к содержанию ограниченного вещного права, осложняет процесс

⁶⁶ Например, в английском праве бенефициарные собственники и доверительный собственник, считающиеся собственниками имущества, в отношении которого был учреждён траст, могут совершать действия, способствующие осложнению правоотношения собственности иностранным элементом.

признания такого «права собственности» за рубежом. Кроме того, различное понимание содержания права собственности осложняет процесс унификации соответствующих норм, использование одного и того же термина, значение которого может изменяться в зависимости от принятой концепции права собственности, а также исходя из объёма прав, принадлежащих «собственнику» в рамках расщеплённой концепции права собственности, не позволяет сформулировать унифицированные нормы.

Так, профессором Дж. Стерн (James Y. Stern) была предложена система особенностей правового регулирования отношений собственности с иностранным элементом, методологической основой которой является концепция расщеплённой собственности. Влияние данной концепции можно наблюдать на примере одной из особенностей, выделяемых проф. Стерном, а именно – высокой сложности правового регулирования отношений собственности, характеризующихся иностранным участием. Проф. Дж. Стерн выделяет два измерения сложности: горизонтальное измерение, в рамках которого интересы всех акторов, обладающих правами в отношении вещи, взаимосвязаны, поскольку увеличение объёма прав одного из них происходит за счёт снижения объёма прав в отношении этой вещи у других. Вертикальное измерение предполагает, что отношения собственности взаимосвязаны во времени: последующий переход права собственности может быть признан несостоявшимся в случае, если отчуждателем имущества изначально не были соблюдены условия приобретения им права собственности на это имущество. В целях снижения степени «сложности», имеющей место сразу в двух измерениях, автором обосновывается применение ряда правовых средств, одним из которых является т.н. «овеществление» права собственности, выражающееся в том, что право на вещь само по себе рассматривается как объект вещных прав.⁶⁷

Применение концепции унитарной собственности, в отличие от концепции расщеплённой собственности, упрощает имущественный оборот. В рамках модели унитарной собственности единственный собственник вещи может пользоваться

⁶⁷ Stern J.Y. Property, Exclusivity and Jurisdiction. // Virginia Law Review. N 100. 2014. – Pp. 343-345.

этой вещью любыми способами и, следовательно, обладает относительно полной информацией о наличии прав иных лиц в отношении данной вещи⁶⁸. Вероятность того, что вещь будет истребована у собственника в связи с наличием порока в правовом титуле одного из его предшественников (предшествующих собственников), ниже, чем в ситуации применения модели расщеплённой собственности.

Различия между системами перехода права собственности, принятыми в национальном праве государств, порождают множество коллизий в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Коллизионное регулирование отношений собственности ориентировано на преодоление значительных различий в материальном праве государств. Подтверждением тому служит применение в праве ряда государств способа квалификации по праву, регулиующему основное материальное правоотношение (*lex causae*), при толковании понятий, содержащихся в коллизионных нормах о праве собственности (см. подробнее в пар. 3.2).

В каждой правовой системе образуется определённое сочетание указанных выше концепций права собственности и систем перехода права собственности, которое даёт представление в целом о модели права собственности, закреплённой в праве этого государства. Эта модель оказывает непосредственное влияние на процесс формирования коллизионного регулирования отношений собственности, поскольку понятие права собственности «заимствуется» международным частным правом из гражданского права государств. Представляется закономерным, что коллизионное регулирование отношений собственности, закреплённое в российском законодательстве, ориентировано, в первую очередь, на концепции права собственности, принятые в российском гражданском праве.

Модель права собственности, принятая в российском праве, основана на вещно-правовой концепции права собственности и концепции унитарной собственности. Применение данной модели предполагает, что перечень объектов

⁶⁸ Рудоквас А.Д., Александрова М.А., Рыбалов А.О. Право собственности и способы его защиты в гражданском праве. 2017 г. – с. 14-21.

права собственности ограничивается вещами, а также и то, что круг лиц, имеющих власть над объектом права собственности, уже, чем в ситуации применения концепции расщеплённой собственности. Поэтому система особенностей коллизионного регулирования отношений собственности, сформулированная в рамках противоположного подхода, вряд ли будет применима в процессе совершенствования российского законодательства в сфере коллизионного регулирования права собственности.

Таким образом, в связи с тем, что в российском праве приняты вещно-правовая концепция и концепция унитарной собственности, доктринальными ограничениями в процессе выделения системы существенных черт коллизионного регулирования отношений собственности являются следующие:

1. Объектами права собственности являются вещи; невещественные объекты не включаются в круг объектов права собственности.

2. Собственником вещи признаётся лицо, обладающее всей полнотой власти над объектом права собственности.

3. Предмет института права собственности в МЧП рассматривается в узком смысле и не включает имущественные отношения частных лиц, связанные с брачно-семейными, наследственными отношениями, а также отношениями в сфере несостоятельности (банкротства).

Анализ вышеуказанных концепций права собственности показывает, что принятая в российской правовой системе модель регулирования права собственности, основанная на вещно-правовой концепции и концепции унитарной собственности, а также предполагающая применение системы традиции, ориентирована, в первую очередь, не на интенсификацию экономической деятельности, но её применение направлено на достижение более высокого уровня правовой определённости и системности правового регулирования.

§1.2. Коллизионное регулирование отношений собственности на международно-правовом и национально-правовом уровнях

В этом параграфе рассматриваются источники правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, и проводится их сопоставление. Делается вывод о преимущественно внутригосударственном способе регулирования правоотношений собственности с иностранным элементом, осуществляемом в основном с применением коллизионного метода правового регулирования. В результате сопоставления коллизионного регулирования правоотношений собственности на национально-правовом и международно-правовом уровне формулируются предложения по совершенствованию коллизионных норм международных договоров с участием Российской Федерации.

В процессе проведения анализа источников правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, и определения соотношения коллизионного регулирования на международно-правовом и внутригосударственном уровнях применялся метод индукции.

История совершенствования коллизионного регулирования отношений собственности в России. Русская научная школа международного частного права дореволюционного периода занимала одно из ведущих мест в мире.⁶⁹ Точно так же, говоря о коллизионном регулировании правоотношений собственности, можно утверждать, что русское право находилось «на шаг впереди» многих европейских государств. В праве Российской Империи уже с конца XIX века закреплялись коллизионные нормы о вещных правах: 1) нормы, разрешающие вещные коллизии между правом Российской Империи и правом царства Польского (ст.14 Свода законов о состояниях, изд. в 1899г.), 2) нормы, разрешающие вещные коллизии между правом Российской Империи и правом губерний и областей, состоящих на

⁶⁹ Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К. Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с.47.

особых правах (ст.ст. 1279, 1284 Закона Гражданского, изд. 1900 г.)⁷⁰. Для сравнения, принятое в 1900 г. Германское Гражданское уложение «обходило молчанием» вещные коллизии, хотя действие территориального закона в отношении вещных прав немецкими судами признавалось обязательным⁷¹.

Несмотря на отмену частной собственности и упразднение деления имущества на движимое и недвижимое⁷², раннее советское право содержало коллизионные нормы о вещных правах. Так, принцип подчинения вещных прав на имущество закону страны места нахождения вещи (*lex rei sitae*) должен был применяться при разрешении возможных вещных коллизий внутри СССР⁷³.

В дальнейшем процесс совершенствования коллизионного регулирования отношений собственности в советском праве соответствовал мировым стандартам. Так, абз.2 и 3 ст. 566 ГК РСФСР 1964 г. (ред. 1977г.) устанавливают правила определения применимого права в отношении возникновения и прекращения права собственности на вещь и права собственности на находящиеся в пути вещи. Недостатком и особенностью коллизионного регулирования этого периода является ограничение сферы применения этих коллизионных норм исключительно правоотношениями собственности, возникающими по внешнеторговой сделке. Вместе с тем, революционным для доктрины международного частного права XX века является закрепление в ст. 566 ГК РСФСР 1964 г. достаточно широкой сферы применения принципа автономии воли сторон в области вещных правоотношений. Коллизионное регулирование правоотношений собственности, закреплённое в

⁷⁰ В этих статьях право, применимое к вещным правам на недвижимость определялось законом местонахождения имущества, а право, применимое к движимостям, - личным законом собственника, то есть законом местожительства, определяемым как закон той местности, откуда лицо родом.

⁷¹ Нольде Б.Э. Логика правовой системы. Вступительная лекция к курсу энциклопедии права, прочтённая в Императорском Александровском лицее 6 сентября 1908 г. – С.1759-1761.

⁷² Ст. 21 Гражданского Кодекса РСФСР 1922 г.

⁷³ Согласно ст.13 Положения о Верховном Суде СССР, спорные правоотношения регулируются законом места их возникновения, а местом возникновения вещного права считалось место нахождения вещи. См. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.: Юридическое изд-во Наркомюста РСФСР, 1924. – с.86.

современных кодификациях МЧП некоторых уважаемых стран, например, Люксембурга, по своей полноте не сопоставимо со ст. 566 ГК РСФСР 1964 г.

В ст. 164 Основ гражданского законодательства СССР и республик 1991г. положения, посвященные разрешению вещных коллизий, были усовершенствованы: закреплялись правила установления права, применимого к праву собственности, не только для случая возникновения права собственности по внешнеэкономической сделке, но применительно ко всем случаям возникновения права собственности. Кроме того, была введена коллизионная норма о праве собственности на подлежащие государственной регистрации транспортные средства (абз. 2 п. 1 ст. 164 ОГЗ 1991 г.), о правах собственника в случае предъявления ему вещно-правового иска (п. 4 ст. 164 ОГЗ 1991 г.). Идея предоставления собственнику спорного (виндицируемого) имущества права выбора применимого права из нескольких вариантов, закреплённая в п. 4 ст. 164 ОГЗ 1991 г., была продолжена и развита в ст. 92 Кодекса МЧП Бельгии 2004 г.

В конце XX века в законодательстве многих развитых стран отсутствовало полноценное коллизионное регулирование правоотношений собственности. Проф. Крейцер (Karl Kreuzer) в 1997 году отмечал, что из пятнадцати стран-участниц Европейского союза законодательство лишь пяти государств – Австрии, Греции, Италии, Португалии и Испании – содержало коллизионные нормы о праве собственности с иностранным элементом. В законодательстве Франции, Бельгии и Нидерландов закреплялась коллизионная норма о вещных правах на недвижимость, содержащая коллизионную привязку «закон страны места нахождения вещи» (*lex rei sitae*); эта норма применялась к правам на движимое имущество по аналогии. В судебной практике других государств, например, в Германии, право, применимое к отношениям собственности, определялось с помощью неписаных правил (за исключением прав на подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда)⁷⁴.

⁷⁴ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997.- pp. 47-48.

Таким образом, даже несмотря на ограничения, налагаемые политическим режимом, действовавшим в России после революции 1917 года и до начала 90-х годов, процесс совершенствования коллизионного регулирования правоотношений собственности развивался опережающими темпами по сравнению с общемировым уровнем.

На сегодняшний день содержание коллизионных норм о вещных правах, закреплённых в части третьей ГК РФ, - в частности, содержание ст. 1205¹ ГК РФ - имеет аналоги только в праве Бельгии, Нидерландов и Венгрии, доктрина международного частного права которых является весьма развитой. Как справедливо отмечает проф. Асосков А.В., уровень коллизионного регулирования в РФ вполне сопоставим с кодификациями международного частного права ведущих государств мира⁷⁵.

Вместе с тем, чем более полно и подробно осуществляется правовое регулирование отношений собственности в коллизионном праве государства, тем сложнее становится согласовать действие соответствующих коллизионных норм. В связи с этим в наиболее прогрессивных, новейших кодификациях международного частного права закрепляются нормы, регулирующие правоотношения собственности, при применении которых возникают сложнейшие проблемы коллизионного регулирования: проблема конкуренции коллизионных норм, проблема конфликта квалификаций и др. Это обуславливает необходимость обращения к теоретическим основам коллизионного регулирования права собственности и осмысления их особенностей, используя для анализа и обобщения как отечественный, так и зарубежный опыт коллизионного регулирования права собственности.

Источники коллизионного регулирования отношений собственности на международно-правовом и национально-правовом уровнях. Подходы к пониманию права собственности, принятые в материальном праве государств, значительно различаются. В связи с этим унификация – как материально-правовая,

⁷⁵ Асосков А.В. Уровень нашего коллизионного регулирования вполне можно сопоставить с ведущими странами // Закон. 2016. № 8. – с.30.

так и унификация коллизионных норм – в сфере регулирования правоотношений собственности осложнена, а сами нормы, регулирующие правоотношения собственности с иностранным элементом, сосредоточены в основном на национально-правовом уровне регулирования. Международные конвенции, в тексте которых затрагиваются вопросы правового регулирования вещных прав, содержат преимущественно материально-правовые нормы, регулирующие лишь отношения собственности, возникающих по поводу отдельных видов объектов права собственности, а именно – подлежащих государственной регистрации транспортных средств и космических объектов.

Коллизионное регулирование отношений собственности на международно-правовом уровне. Соотношение коллизионного и материально-правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Коллизионные нормы, определяющие право, регулирующее правоотношения собственности, закрепляются в тексте международно-правовых актов разного уровня: универсальных конвенциях, региональных конвенциях и двусторонних договорах. Вместе с тем, в тексте **универсальных международных конвенций** соответствующие коллизионные нормы закрепляются достаточно редко и, как правило, посвящены вещным правам на транспортные средства. Так, согласно п. 2 ст. II Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г., действие записи о праве собственности на воздушное судно в отношении третьих лиц регулируется законом государства, в котором произведена эта запись. Другой пример - статья 10 Протокола №1 к Конвенции о регистрации судов внутреннего плавания 1965 г.⁷⁶, в соответствии с которой вещные права на судно внутреннего плавания определяются законом страны регистрации судна, за исключением передачи права собственности и прекращения других вещных прав в связи с принудительным исполнением и случаев, установленных Протоколом. В целом же действующие универсальные конвенции, посвящённые отдельным видам транспортных средств,

⁷⁶ В настоящее время участниками Конвенции являются девять государств: Австрия, Беларусь, Люксембург, Нидерланды, Сербия, Франция, Хорватия, Черногория и Швейцария.

практически не содержат коллизионных норм, определяющих право, регулирующее отношения собственности.

Особое место занимает так и не вступившая в силу Гаагская конвенция о праве, применимом к переходу права собственности при международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей), 1958 г. Характерной особенностью данной конвенции является то, что большинство вопросов перехода права собственности между продавцом и покупателем разрешается с применением к ним обязательственного статута, а не с использованием основной коллизионной привязки, с помощью которой определяется вещный статут, - привязки «закон страны местонахождения имущества».

При этом материально-правовые нормы, регулирующие отношения собственности – преимущественно по поводу отдельных видов транспортных средств и космических объектов, - закреплены в ряде универсальных международно-правовых актов: Конвенции УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г., Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г., Конвенции о регистрации судов внутреннего плавания 1965 г.

Так, Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. предусматривает создание международной системы регистрации прав в отношении трёх видов подвижного оборудования: авиационных двигателей и воздушных судов, железнодорожного подвижного состава и космических средств. Эта система обеспечивает признание и защиту прав на подвижное оборудование, возникших по соглашениям об обеспечении исполнения обязательств, о предварительной продаже с применением оговорки о сохранении права собственности или о лизинге, на территории государств-участников Конвенции.

Женевская конвенция о международном признании прав на воздушные суда 1948 года обеспечивает признание права собственности в отношении воздушных судов, с тем чтобы права собственника были защищены при пересечении судном государственной границы. Многие современные кодификации международного

частного права содержат отсылку к данной Конвенции. Так, в соответствии со ст. 165.1 Книги 10 ГК Нидерландов, права на воздушные суда, определяемые Женевской конвенцией, признаются на указанных в ней условиях и порождают предусмотренные Конвенцией последствия.

Анализ универсальных конвенций, содержащих нормы, регулирующие правоотношения собственности, показывает, что в рамках указанных актов закрепляются преимущественно материально-правовые нормы. Круг вопросов, урегулированных унифицированными материально-правовыми нормами о праве собственности, закреплёнными в тексте универсальных международных конвенций, включает вопросы признания права собственности на отдельные виды имущества (транспортные средства), а также некоторые вопросы перехода права собственности на такие объекты, а именно:

- вопросы признания права собственности на воздушное судно, его регистрации и правила о переходе права собственности в случае продажи воздушного судна во исполнение решения суда⁷⁷;

- вопросы создания международной гарантии в отношении подвижного оборудования, а также вопросы защиты права собственности потенциального продавца подвижного оборудования или лизингодателя в случае, соответственно, неисполнения обязательства, предусмотренного соглашением о сохранении права собственности за продавцом или соглашением о лизинге⁷⁸;

- вопросы признания права собственности на суда внутреннего плавания и перехода права собственности на них в связи с принудительным исполнением⁷⁹ и др.

Необходимо отметить, что отдельные частноправовые аспекты правоотношений собственности урегулированы материально-правовыми нормами

⁷⁷ Ст. I, ст. V Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г.

⁷⁸ Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г.

⁷⁹ Ст. 5 Протокола №1 и ст. 6 Протокола № 2 к Конвенции о регистрации судов внутреннего плавания 1965 г.

Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. (ст. 6 Конвенции), Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (пп. 1-3 ст. 11, п. 1 ст. 12 Соглашения), Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (ст. VIII Договора)⁸⁰. Закрепление норм, регулирующих частноправовые аспекты права собственности, в тексте международно-правовых актов, посвящённых правоотношениям, относящимся к предмету международного публичного права, отражает смешанную публично-правовую и частноправовую природу понятия «право собственности».

В отличие от универсальных конвенций, содержащих преимущественно материально-правовые нормы, регулирующие отношения собственности по поводу отдельных видов имущества, в рамках **региональных конвенций**, как правило, урегулированы коллизионные вопросы возникновения (прекращения), осуществления и защиты права собственности на движимое и недвижимое имущество. Среди региональных конвенций, в тексте которых закрепляются коллизионные нормы, посвящённые правоотношениям собственности, необходимо выделить Кодекс Бустаманте 1928 г., Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (Минская конвенция), Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по

⁸⁰ Так, в ст. 6 Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. урегулированы вопросы выплаты возмещения добросовестному приобретателю похищенной или незаконно вывезенной культурной ценности, а также установлены критерии добросовестности владельца такого объекта. В п. 3 ст. 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. закрепляется принцип, согласно которому поверхность или недра Луны не могут принадлежать частным лицам, а размещение на её поверхности оборудования и установок, пусть даже неразрывно связанных с поверхностью Луны, не влечёт возникновения права собственности на поверхность Луны или её участки. Кроме того, в соответствии с п.1 ст.12 Соглашения, права собственности на космические средства и оборудование остаются незатронутыми в период их нахождения на поверхности Луны. Этот же принцип устанавливается в ст. VIII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.: право собственности на объекты, запущенные в космическое пространство, остаётся незатронутым в период их нахождения в космическом пространстве, а также по возвращении на Землю.

гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (Кишинёвская конвенция), Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г. (г. Киев).

Кодекс Бустаманте 1928 г.⁸¹ (Международная конвенция о международном частном праве, принятая на VI Панамериканской конференции) – всемирно известный памятник права, целью создания которого была унификация права стран Латинской Америки, - содержит коллизионные нормы, определяющие право, регулирующее правоотношения собственности. Ст. 105 Кодекса подчиняет правоотношения собственности закону страны места её нахождения, который применяется также для разграничения движимого и недвижимого имущества (ст. 112 Кодекса), к иным правовым классификациям собственности (ст. 113 Кодекса), а также к способам приобретения права собственности (ст. 140 Кодекса). Вместе с тем, вводятся исключения из этого правила: в отношении движимой собственности, права на которую подчинены закону страны места постоянного проживания собственника или владельца (ст. 110 Кодекса); в отношении движимого имущества личного характера и документов, представляющих долговые обязательства, права на которые регулируются законом страны их обычного местонахождения (ст. 106 Кодекса) и др.

В положениях Кодекса Бустаманте, посвящённых регулированию права собственности, получили выражение наиболее прогрессивные подходы, некоторые из которых обсуждаются в науке международного частного права и сегодня, а именно: выделение общей и особенной частей коллизионного регулирования отношений собственности, расширение перечня объектов права собственности за счёт включения невещественных объектов и закрепление специальных коллизионных норм с указанием на то, закон какого государства следует считать местом нахождения невещественного объекта права собственности (ст.ст. 106-109 Кодекса), закрепление коллизионных норм, посвящённых праву собственности на

⁸¹ Кодекс Бустаманте 1928 г. сохраняет своё действие по настоящее время. Кодекс Бустаманте ратифицировали Бразилия, Панама, Боливия, Мексика, Венесуэла, Никарагуа и др. В праве некоторых государств-участников (например, в праве Кубы) Кодекс сохранил значение источника внутригосударственного права.

имущество, являющееся предметом обеспечения (ст. 111 Кодекса) и др. При этом особенностью данного международно-правового акта является то, что он, с одной стороны, позволяет государствам-участникам самим определять границы действия своего закона в пространстве и не обязывает их менять своё национальное право и, с другой стороны, обеспечивает взаимодействие правовых систем.⁸²

К числу региональных конвенций с участием РФ, содержащих коллизионные нормы, определяющие право, регулирующее право собственности, относятся **Соглашение СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, (Киев, 1992 г.)⁸³** и **Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993 г.)⁸⁴**. Так, согласно п. (б) ст. 11 Соглашения СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, правоотношения собственности регулируются законом места нахождения имущества. Исключение из этого правила предусмотрено только для категории подлежащих государственной регистрации транспортных средств, права на которые подчинены закону страны регистрации транспортного средства. Другое исключение, связанное с вопросами возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав на имущество, предусмотрено пунктом (в) данной статьи.

Положения Минской конвенции 1993 года не только повторяют коллизионные нормы, закреплённые в тексте Соглашения СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, но также дополнены другими коллизионными нормами. Так, вопрос о квалификации имущества как недвижимости разрешается в соответствии с законом страны места нахождения имущества (п. 1 ст. 38 Конвенции). Отметим, что коллизионная

⁸² Доронина Н.Г. Особенности экономической интеграции стран Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, №4, 2016. – С.151.

⁸³ Вступило в силу для России, Белоруссии, Украины, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Армении, Таджикистана, Туркмении.

⁸⁴ Участниками Конвенции являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина (с оговорками), Азербайджан.

привязка *lex rei sitae* выражена в Минской конвенции иначе – не как «закон места нахождения имущества» (п. (б) ст. 11 Соглашения СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности), а как «законодательство Договаривающейся стороны, на территории которой находится недвижимое имущество» (п.1 ст.38 Минской конвенции). Формулировка «закон страны места», а не «закон места» является более точной и отражает более высокий уровень юридической техники. С другой стороны, в отличие от п. (б) ст. 11 Соглашения СНГ 1992 г., п.1 ст. 38 Минской конвенции урегулирует лишь вопросы права собственности на недвижимое имущество, подчиняя их *lex rei sitae*, в то время как вопросы осуществления и защиты права собственности на движимое имущество оставлены без внимания.

Коллизионное регулирование отношений собственности в рамках Минской конвенции 1993 г. расширено также благодаря закреплению коллизионной нормы, посвящённой праву собственности и иным вещным правам на имущество, являющееся предметом сделки, и подчиняющей его закону места совершения сделки (п. 4 ст. 38 Конвенции). Хотя норма, аналогичная данной по содержанию, отсутствует в российском законодательстве, однако её можно обнаружить в тексте двусторонних соглашений РФ.⁸⁵ Коллизионная норма, определяющая право, применимое к праву собственности на имущество, являющееся предметом сделки, закрепляется также в коллизионном праве иных государств-участников Минской конвенции, но урегулирует указанные правоотношения не в соответствии с законом места совершения сделки, а по «праву страны, которому подчинена сделка, если иное не установлено соглашением сторон».⁸⁶

Примечательно то, что как положения Соглашения СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г., так и положения Минской конвенции 1993 г. в полной мере не обладают единством. Так, закреплённое в этих актах общее правило, предполагающее

⁸⁵ См., например, п.3 ст.38 Договора между РФ и Республикой Мали о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным от 31.08.2000 г.

⁸⁶ Например, абз. 3 ст. 1185 ГК Узбекистана 1996 г. (ред. 2015 г.), п. 2 ст. 1108 ГК Казахстана 1999 г.

применение привязки *lex rei sitae*, урегулирует лишь право собственности, но не затрагивает иные вещные права, в то время как коллизионные нормы – исключения из общего правила посвящены «праву собственности или иным вещным правам». Указанное единство коллизионного регулирования достигнуто в ст.ст. 1205-1207 ГК РФ, посвящённых регулированию права собственности и иных вещных прав.

Кишинёвская конвенция 2002 г.⁸⁷ - в части регулирования вещных правоотношений - текстуально повторяет положения Минской конвенции 1993 г.

Правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, практически полностью выражается в коллизионных нормах. Исключение составляют §§ 8-12 Общих условий поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. В частности, Общие условия поставок товаров СЭВ устанавливают правило, в соответствии с которым право собственности и риск случайной гибели переходят с продавца на покупателя одновременно. Данное правило представляет собой единственный успешный опыт унификации этого сложного вопроса.

Нормы, регулирующие правоотношения собственности с иностранным элементом, закрепляются также в тексте **двусторонних договоров** о правовой помощи и правовых отношениях между государствами⁸⁸. В этих договорах так же, как и на региональном уровне унификации, закрепляются коллизионные нормы, определяющие право, регулирующее возникновение и прекращение, осуществление и защиту права собственности в отношении основных категорий имущества, выделяемых в международном частном праве. Подходы к коллизионному регулированию правоотношений собственности, закреплённые в

⁸⁷ Кишинёвская конвенция 2002 г. прекращает действие Минской конвенции 1993 г. в отношениях между подписавшими и ратифицировавшими её государствами. Конвенция вступила в силу для Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Армении, Таджикистана. Россия Кишинёвскую конвенцию не ратифицировала.

⁸⁸ См., например, Договор между РФ и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 3.10.2000 г., Договор между РФ и Республикой Мали о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным от 31.08.2000 г., Договор между РФ и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 22.12.1992 г. и т.д.

тексте двусторонних договоров РФ и в тексте Минской конвенции 1993 г., совпадают.

Соотношение коллизионного и материально-правового регулирования отношений собственности на международно-правовом уровне. Сопоставляя коллизионное и материально-правовое регулирование отношений собственности, закреплённое в тексте универсальных и региональных соглашений, а также двусторонних договоров, можно прийти к выводу о неоднородности норм, входящих в институт права собственности в международном частном праве. Формируется следующая тенденция: в рамках региональных конвенций и двусторонних договоров закрепляются в основном унифицированные коллизионные нормы, определяющие право, применимое к возникновению (прекращению), осуществлению и защите права собственности в отношении основных категорий имущества, выделяемых в международном частном праве. Причём содержание этих коллизионных норм, перечень выделяемых категорий имущества в значительной степени совпадает с регулированием правоотношений собственности с иностранным элементом, закреплённым в национальном законодательстве государств-участников международного договора. Вместе с тем, в тексте универсальных конвенций закрепляются унифицированные материально-правовые нормы, регулирующие право собственности преимущественно в отношении транспортных средств – воздушных судов, судов внутреннего плавания, железнодорожного транспорта.

Логично, что коллизионные нормы, определяющие право, применимое к возникновению (прекращению), осуществлению и защите права собственности в отношении основных категорий имущества (в первую очередь, категорий движимого и недвижимого имущества), выделяемых в международном частном праве, на сегодняшний день не могут быть унифицированы в рамках универсальных международно-правовых актов в связи с большим числом скрытых коллизий. На региональном уровне унификация норм становится возможной ровно в той степени, в которой гармонизировано внутреннее право государств-участников регионального соглашения.

В этой связи представляется необычным тот факт, что в тексте универсальных конвенций были закреплены материально-правовые нормы, регулирующие правоотношения собственности, осложнённые иностранным элементом. Ведь унификация материального частного права (материально-правовой метод) представляет собой наиболее совершенный способ регулирования. По мнению проф. Дмитриевой Г.К., материально-правовая унификация требует более высокого уровня сотрудничества государств, чем унификация коллизионных норм, и в таких областях, как право собственности, где материальное право государств сильно различается, применение коллизионного метода регулирования остаётся единственной возможностью для разрешения возникающих коллизий.⁸⁹ Однако на практике можно видеть совершенно обратную ситуацию: более сложный в применении, более совершенный материально-правовой метод не применяется на региональном уровне регулирования, но используется на уровне универсальных конвенций, тем самым «опережая» коллизионный метод регулирования.

Как уже было отмечено, унифицированные материально-правовые нормы о праве собственности, закреплённые в тексте универсальных конвенций, посвящены в основном отдельным категориям объектов права собственности, а именно – воздушным судам, судам внутреннего плавания и подвижному оборудованию, включающему воздушные суда, железнодорожный подвижной состав и космические объекты. Унификация норм о праве собственности на транспортные средства и космические объекты представляет собой интерес для международного сообщества, поскольку все эти объекты обладают высокой стоимостью и пересекают границы государств. Правоотношения собственности по поводу этих объектов связаны, как правило, с большим числом правопорядков – государств, относящихся к различным макрорегионам мира⁹⁰. Следовательно, для международного сообщества интерес представляет, прежде всего, не региональная,

⁸⁹ Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К.Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с.20-21.

⁹⁰ См. «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике», разработанные Секретариатом ООН.

а универсальная международно-правовая унификация норм о праве собственности на указанные виды имущества.

Факт унификации материально-правовых норм, регулирующих право собственности в отношении отдельных категорий имущества, в рамках универсальных конвенций может объясняться также и тем, что с инициативой унификации норм о правах на отдельные виды транспортных средств изначально выступили соответствующие отраслевые сообщества и организации. Например, «отправной точкой» создания Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г. стала Международная конференция по гражданской авиации, проходившая в г. Чикаго в 1944 году, на что специально указывается в тексте Конвенции. Возможно, по этой причине унифицированные нормы о праве собственности, закреплённые на универсальном уровне, содержатся в комплексных актах, посвящённых отдельным видам транспортных средств – объектов права собственности.

Национально-правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. В российском законодательстве, как и в большинстве зарубежных кодификаций МЧП, выделяются следующие категории объектов права собственности: движимое и недвижимое имущество, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, находящееся в пути движимое имущество («товары в пути»). Вместе с тем, в российском коллизионном законодательстве выделяются также и иные, редко встречающиеся в зарубежном праве, разновидности имущества, указанные в тексте коллизионных норм, а именно – подлежащие государственной регистрации космические объекты и суда внутреннего водного плавания (ст. 1207 ГК РФ).

Право собственности на движимое и недвижимое имущество, по общему правилу, подчинено закону страны местонахождения вещи (ст. 1205 ГК РФ). Право, применимое к вещным правам на подлежащие государственной регистрации суда и космические объекты, определяется по закону страны места регистрации этих объектов (ст. 1207 ГК РФ). Коллизионной привязкой, определяющей возникновение и прекращение права собственности на находящееся в пути

движимое имущество, является привязка «закон страны отправления» (п. 2 ст. 1206 ГК РФ). Закрепляется также коллизийная норма, посвящённая возникновению права собственности на имущество в силу приобретательной давности и подчиняющая указанное правоотношение закону страны, где имущество находилось в момент завершения срока приобретательной давности (п. 4 ст. 1206 ГК РФ).

В соответствии с Федеральным законом от 30.09.2013 № 260-ФЗ "О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации", коллизийные нормы, определяющие право, применимое к отношениям собственности, были дополнены новой нормой статьи 1205.1 ГК РФ, определяющей сферу действия права, подлежащего применению к вещным правам. Согласно данной статье, виды объектов права собственности, их оборотоспособность, виды и содержание вещных прав, а также возникновение, прекращение, осуществление и защита вещных прав подчинены праву, применимому к вещным правоотношениям. Кроме того, в ходе реформирования Раздела VI части третьей ГК РФ статья 1206 ГК РФ была дополнена важным правилом, в соответствии с которым стороны договора, по которому переходит право собственности на движимое имущество, вправе предусмотреть применение к возникновению права собственности на это имущество права, применимого к договору, без ущерба для прав третьих лиц (п. 3 ст. 1206 ГК РФ).

Коллизийные нормы, посвящённые праву собственности, закреплены в ст.ст. 415, 417 Кодекса торгового мореплавания РФ, а также в ст. 23 Кодекса внутреннего водного плавания РФ. Указанные нормы носят специальный характер по отношению к коллизийным нормам Раздела VI части третьей ГК РФ.⁹¹

Отметим, что, если привязка «закон страны места нахождения вещи» является универсальной, закрепляется в национальном законодательстве большинства государств мира, то в отношении других объектов права собственности могут применяться иные коллизийные привязки. Например, в

⁹¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). Отв. ред. К.Б. Ярошенко, Н.И. Марышева. Юрид. фирма «Контракт», Москва, 2015. – С. 382.

законодательстве ряда государств для установления права, применимого к возникновению и прекращению права собственности на товары в пути, используется коллизионная привязка «закон страны назначения»⁹². Коллизионные нормы, определяющие право, регулирующее вещные права на подлежащие государственной регистрации морские и воздушные суда, могут содержать различные коллизионные привязки: «право государства, под флагом или иным опознавательным знаком которого передвигается транспортное средство»⁹³, «право государственной принадлежности судна» для морских и речных судов⁹⁴ и для воздушных судов⁹⁵, «закон страны порта приписки»⁹⁶.

В законодательстве некоторых государств дополнительно закрепляются иные виды объектов права собственности, отличные от тех, которые указываются в российских коллизионных нормах, причём отсутствует единство в подходах к выбору коллизионных привязок, используемых в соответствующих нормах. Так, при определении права, регулирующего вещные права на железнодорожный транспорт, в различных правовых порядках применяются: коллизионная привязка «право государства, в котором железнодорожное предприятие, в чьей эксплуатации находятся средства передвижения, имеет фактическое местонахождение своего главного органа управления»⁹⁷, привязка «закон государства допуска в эксплуатацию»⁹⁸, привязка «закон места регистрации или внесения в реестр»,⁹⁹ а также привязка «закон страны, осуществляющей техническое обслуживание»¹⁰⁰.

⁹² См, например, п.2 ст. 45 ГК Восточного Тимора 2011 г., п.2 ст. 766 ГК Вьетнама 1995 г., §38 Закона КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г., ст. 22 Закона Республики Корея о коллизиях законов 1962 г., ред. 2001 г.

⁹³ П. 1 § 23 Указа 1979 г. № 13 о МЧП Венгерской Республики

⁹⁴ Абз.4 §38 Закона о международном частном праве Республики Китай на Тайване 2010 г.

⁹⁵ Ст. 20 Закона Республики Корея о коллизиях законов 1962 г., ред. 2001 г., п. 1 ст. 45 Вводного закона 1896 г. к ГГУ, ред. 2009 г.

⁹⁶ П. 2 ст. 10 ГК Испании 1889 г., ред. 2013 г.

⁹⁷ П. 1 § 23 ФЗ 1978 г. о МЧП Австрии

⁹⁸ П. 1 ст. 45 Вводного закона 1896 г. к ГГУ, ред. 2009 г.

⁹⁹ П. 2 ст. 10 ГК Испании 1889 г., ред. 2013 г.

¹⁰⁰ Ст. 20 Закона Республики Корея о коллизиях законов 1962 г., ред. 2001 г.

Соотношение коллизионного регулирования отношений собственности на национально-правовом и международно-правовом уровне. Выше было показано, что коллизионное регулирование правоотношений собственности в основном осуществляется на внутригосударственном уровне регулирования¹⁰¹. Коллизионные нормы, определяющие право, применимое к праву собственности, также закреплены в некоторых региональных конвенциях и двусторонних договорах. Причём подходы к коллизионному регулированию отношений собственности, получившие выражение во внутреннем законодательстве стран-участниц соглашений, принятых в рамках СНГ, в значительной степени совпадают с коллизионным регулированием отношений собственности, закреплённым в тексте соответствующих региональных соглашений и двусторонних договоров о правовой помощи.¹⁰² Так, в коллизионном праве государств, участвующих в Минской конвенции 1993 г., выделяются те же категории имущества - недвижимое имущество, подлежащие государственной регистрации транспортные средства, - а указанным категориям имущества соответствуют те же коллизионные привязки, что указаны в ст. 38 Минской конвенции. При этом в указанных национальных кодификациях МЧП не закрепляются специальные коллизионные нормы о праве собственности на невещественное имущество, как это распространено, например, в коллизионном праве государств Европы. Кроме того, ни принцип автономии воли сторон, ни принцип наиболее тесной связи не введены в качестве основного коллизионного начала для регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, и применяются субсидиарно по отношению к основной коллизионной привязке *lex rei sitae*. Всё перечисленное указывает на сходство коллизионного регулирования отношений собственности на национальном и региональном уровне в рамках СНГ.

¹⁰¹ Немногочисленные коллизионные нормы, закреплённые в тексте универсальных международных конвенций, как правило, посвящены вещным правам на транспортные средства (например, п.2 ст. II Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г.).

¹⁰² Ст. 1205, ст. 1206-1207 ГК РФ, ст.ст. 1107-1110 ГК Казахстана 1999 г., ст.ст. 1119-1122 ГК Белоруссии 1998 г. (ред. 2014 г.), ст.ст. 1213-1216 ГК Таджикистана 2005 г., ст.ст. 20-23 Закона Азербайджана о МЧП 2000 г. и др.

Вместе с тем коллизионное регулирование отношений собственности на национально-правовом уровне отличается большей выраженностью тенденции либерализации коллизионного регулирования права собственности – сфера применения иностранного права значительно расширена. Например, в отличие от Минской конвенции 1993 г. и - в части регулирования вещных правоотношений повторяющей её - Кишинёвской конвенции 2002 г., в национальном коллизионном законодательстве государств-участников этих конвенций закрепляется возможность применения принципа автономии воли сторон при регулировании отношений собственности (п.3 ст.1206 ГК РФ, п.1 ст.1120 и ст.1122 ГК Белоруссии, п.2 ст.39 и ст.41 Кодекса МЧП Украины, п.2 ст.1108 и ст. 110 ГК Казахстана и др.). Процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности на национальном уровне проявляется также и в увеличении числа специальных коллизионных норм, не имеющих аналогов в тексте региональных международных актов, а именно – норм, посвящённых возникновению права собственности на товары в пути¹⁰³, возникновению права собственности на имущество в силу приобретательной давности¹⁰⁴, защите права собственности,¹⁰⁵ что также способствует расширению сферы применения иностранного права.

Помимо указанных выше различий между коллизионными нормами, закреплёнными в региональных конвенциях и национальном законодательстве, дополнительно необходимо указать на отличия коллизионного регулирования отношений собственности в российском праве. Так, в ходе реформирования Раздела VI части третьей ГК РФ была введена новая статья 1205.1 ГК РФ, которая, кроме установления сферы действия права, подлежащего применению к вещным правам, закрепляет также способ квалификации понятий, содержащихся в коллизионных нормах ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ, в соответствии с правом,

¹⁰³ П.2 ст.1206 ГК РФ, ст. 1122 ГК Белоруссии 1998 г. (ред. 2014 г.), ст. 22.2 Закона Азербайджана о МЧП 2000 г. и др.

¹⁰⁴ П.4 ст. 1206 ГК РФ, п.3 ст. 1214 ГК Таджикистана 2005 г., п.3 ст. 1108 ГК Казахстана 1999 г., абз.3 ст. 1185 ГК Узбекистана 1996 г. (ред. 2015 г.), абз.2 п.2 абз.1120 ГК Белоруссии 1998 г. (ред. 2014 г.)

¹⁰⁵ Ст.1111 ГК Казахстана 1999 г., ст. 1123 ГК Белоруссии 1998 г. (ред. 2014 г.)

применимым к основному материальному правоотношению (*lex causae*). Данный способ квалификации предполагает возможность квалификации понятий в соответствии с иностранным правом, что также расширяет сферу его применения и соответствует тенденции либерализации коллизионного регулирования права собственности.

Необходимо также отметить, что в отличие кодификаций МЧП иных государств-участников Минской конвенции 1993 г., в российском коллизионном праве процесс либерализации коллизионного регулирования ограничен: вводятся ограничения сферы применения принципа автономии воли сторон, во-первых, с помощью оговорки «без ущерба для прав третьих лиц» и, во-вторых, путём закрепления единственного варианта для выбора применимого права – права, применимого к договору (п. 3 ст. 1206 ГК РФ).

Предложения по совершенствованию коллизионного регулирования отношений собственности на международно-правовом уровне. Представляется, что недостатком коллизионного регулирования отношений собственности на международно-правовом уровне является закрепление нормы п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г. – и аналогичных норм п. 4 ст. 41 Кишинёвской конвенции 2002 г. и абз. 2 п.(в) ст. 11 Киевского соглашения СНГ 1992 г., а также аналогичных норм двусторонних договоров РФ. Неясно соотношение понятия «имущество, являющееся предметом сделки» (п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г.) с иными видами объектов права собственности, указанными в тексте Конвенции, что может повлечь возникновение ситуаций конкуренции коллизионных норм (см. подробнее пар. 3.1).

Неточность формулировки п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г. влечёт возможность применения неограниченной автономии воли при регулировании отношений собственности. Указанная коллизионная норма определяет право, применимое к праву собственности на имущество, являющееся предметом сделки, с оговоркой «если иное не предусмотрено соглашением Сторон». Данная оговорка обычно не рассматривается как выражение принципа автономии воли сторон, поскольку под термином «Стороны» должны пониматься государства-участники

Конвенции, а не стороны сделки, предметом которой является спорное имущество. Вместе с тем, в преамбуле к Конвенции указывается, что участники Конвенции именуются далее как «Договаривающиеся Стороны», но не как «Стороны». Кроме того, в этом случае указанная оговорка не имеет практического смысла, поскольку, согласно ст. 82 Минской конвенции 1993г., она не затрагивает положений иных международных договоров, заключённых между Договаривающимися Сторонами.

В этой связи более убедительным представляется толкование термина «Стороны», закреплённого в п. 4 ст. 38 Минской конвенции, как «стороны сделки», а оговорки «если иное не предусмотрено соглашением Сторон» - как выражения принципа автономии воли сторон при регулировании отношений собственности.

Таким образом, возможны два подхода к толкованию коллизионной нормы п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г. (и аналогичных коллизионных норм, закреплённых в тексте Киевского соглашения СНГ 1992 г., Кишинёвской конвенции 2002 г. и двусторонних соглашений РФ). Первый подход предполагает толкование, из которого следует, что в тексте этой нормы закреплён принцип автономии воли сторон, действие которого не ограничено какими-либо условиями. Второй подход, напротив, предполагает, что принцип автономии воли сторон, применяемый при регулировании отношений собственности, не нашёл выражения в тексте Конвенции.

При применении как первого, так и второго подхода возникает противоречие между коллизионными нормами, закреплёнными, соответственно, в п. 4 ст. 38 Минской конвенции и п.п. 1, 3 ст. 1206 ГК РФ. Круг объектов права собственности, указанный в этих статьях, совпадает: и в одном, и в другом случае речь идёт об имуществе, право собственности на которое переходит по договору. Но, во-первых, различаются коллизионные привязки, с помощью которых определяется применимое право в отсутствие волеизъявления сторон, а именно – «закон страны места совершения сделки» (п. 4 ст. 38 Конвенции) и «закон страны, где имущество находилось в момент, когда имели место действие или обстоятельство, послужившие основанием для возникновения права собственности» (п. 1 ст. 1206 ГК РФ). Во-вторых, различается сфера действия принципа автономии воли сторон,

закрепленного в п. 4 ст. 38 Конвенции и п. 3 ст. 1206 ГК РФ. Если следовать толкованию п. 4 ст. 38 Конвенции, предполагающему применение принципа автономии воли сторон без каких-либо ограничений, то возникает противоречие, поскольку в п.3 ст. 1206 ГК РФ принцип автономии воли сторон, закрепляемый в опосредованной форме, отсылает к праву, применимому к договору, а его действие ограничено оговоркой «без ущерба для прав третьих лиц» (подробнее о формах закрепления принципа автономии воли сторон и способах ограничения сферы его действия см. пар. 3.5). Если же следовать толкованию п. 4 ст. 38 Конвенции, не предполагающему применение принципа автономии воли сторон, то также имеет место противоречие, поскольку в п. 3 ст. 1206 ГК РФ закрепляется применение этого принципа.

Таким образом, возникает два вопроса: возможно ли при отсутствии в международном договоре нормы об автономии воли сторон всё-таки применить её, если во внутреннем законодательстве применение её предусмотрено? В какой форме и с какими ограничениями может применяться принцип автономии воли сторон при регулировании отношений собственности, если в тексте международного договора и во внутреннем законодательстве сфера действия этого принципа определяется различным образом?

С одной стороны, согласно ст. 15 Конституции РФ, в случае противоречия между нормой международного договора РФ и нормой внутреннего законодательства следует применить норму международного договора. Это правило находит продолжение в абз. 1 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. N 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации", согласно которому в этом случае суд должен руководствоваться коллизионными нормами международного договора. С другой стороны, в абз. 4 п. 4 Постановления указывается, что по вопросу, не урегулированному ни одним международным договором, в сферу действия которых входит соответствующее гражданское правоотношение, суд должен руководствоваться соответствующей коллизионной нормой российского права.

Следовательно, если в тексте международного договора Российской Федерации закрепляется принцип автономии воли сторон, применяемый при регулировании отношений собственности, без указания на сферу его действия, то вопрос о форме закрепления данного принципа (прямой или опосредованной) и возможных ограничениях сферы его применения - как не урегулированный в тексте международных договоров с участием РФ - разрешается в соответствии с отечественными коллизионными нормами. Если же в тексте международного договора прямо указывается, что принцип автономии воли сторон не применим при регулировании отношений собственности либо применим с определёнными ограничениями, то, согласно ст. 15 Конституции РФ, вопрос о сфере действия данного принципа должен разрешаться в соответствии с правилами международного договора.

Во втором случае, если во внутреннем законодательстве предусмотрено применение принципа автономии воли сторон при регулировании отношений собственности, но соответствующая норма отсутствует в тексте международного договора, применение коллизионной нормы внутреннего права возможно постольку, поскольку данный вопрос не урегулирован указанным международным договором или иными международными договорами с участием РФ, в сферу действия которых входит данное правоотношение.

Таким образом, представляется целесообразным устранить указанный выше недостаток коллизионного регулирования отношений собственности на международно-правовом уровне в рамках заключаемых в будущем региональных и двусторонних соглашений с участием Российской Федерации путём не включения в их текст нормы, аналогичной п.4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г., и введения принципа автономии воли с оговоркой «без ущерба для прав третьих лиц» в отношении прав на все движимые вещи (включая товары в пути).

§1.3. Понятие вещного статута. Изменение вещного статута в пространстве (мобильный конфликт). Сфера применения коллизионной привязки «закон страны места нахождения вещи»

В данном параграфе анализируются основные понятия, используемые в коллизионном регулировании права собственности, а именно – понятие «вещный статут» и «мобильный конфликт». Сформулированы условия применения коллизионной привязки «закон места нахождения вещи» (lex rei sitae). Делается вывод о том, что специальные коллизионные привязки – модификации lex rei sitae образуются в тех случаях, когда, с одной стороны, имело место повторяющееся нарушение хотя бы одного из указанных условий применения привязки lex rei sitae либо, с другой стороны, когда имеется заинтересованность государств в обособлении соответствующей этой привязке категории объектов права собственности. Выделяются специфические приёмы коллизионно-правового регулирования отношений собственности, основным из которых является приём фиксации места нахождения имущества в определённый законодателем момент времени.

В процессе проведения анализа содержание понятий «вещный статут» и «мобильный конфликт» применялись методы историко-правового анализа и теоретического моделирования. Методы анализа и синтеза использовались при формулировании условий применения коллизионной привязки lex rei sitae.

Понятие вещного статута. В современной отечественной доктрине международного частного права понятие «вещный статут» определяется как «право государства, которое компетентно регулировать основной круг отношений собственности и других вещных прав». ¹⁰⁶ Основной коллизионной привязкой, применяемой при установлении вещного статута, является «закон страны места нахождения вещи» (lex rei sitae). Характерной особенностью содержания понятия

¹⁰⁶ Дмитриева Г.К. Комментарий к ГК РФ, части третьей, разделу VI «Международное частное право». М., 2002. С. 146.

«вещный статут» на современном этапе является то, что сфера действия вещного статута распространяется как на недвижимое, так и на движимое имущество. Вместе с тем имеются предпосылки для сужения сферы действия вещного статута в связи с расширением сферы применения коллизионного принципа автономии воли сторон в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом.

Кроме того, формируется тенденция увеличения числа субсидиарных (специальных) коллизионных норм о праве собственности, выделение которых связано с усложнением экономических отношений и необходимостью адаптации коллизионного регулирования к возникающим изменениям в общественных (экономических) отношениях. Происходит расщепление статута правоотношения¹⁰⁷ (расщепление коллизионных норм), когда к различным элементам одного правоотношения собственности применяется право разных государств. Правовая ситуация расщепления коллизионных норм представляется весьма нежелательной, поскольку является причиной повышения уровня сложности коллизионного регулирования отношений, осложнённых иностранным элементом. В случае применения к различным аспектам одного правоотношения права разных государств и суду, и сторонам спора приходится проводить анализ правовых норм сразу нескольких правовых систем, что вряд ли может способствовать быстрому разрешению спора, возникшего между сторонами.

Вместе с тем расщепление коллизионных норм о праве собственности является объективной тенденцией развития коллизионного регулирования отношений собственности, поскольку, право собственности, отражая имущественные отношения в их статике, призвано соответствовать уровню развития экономических отношений. Усложнение экономических отношений, таким образом, логически ведёт к усложнению коллизионного регулирования отношений собственности и появлению субсидиарных (специальных) коллизионных норм.

¹⁰⁷ Понятие «расщепления» понимается нами в широком смысле.

Предпосылки расщепления вещного статута и сужения сферы его применения. Деление статутов на реальный (вещный) и личный встречается ещё в XIV веке в работах французского юриста, постглоссатора Иоанна Фабера.¹⁰⁸ Однако ещё с XIII века в европейской науке установилась тенденция рассмотрения правил по установлению права, применимого к правам на имущество, в контексте разрешения наследственных споров с иностранным элементом. В рамках этой концепции исследовали вопросы права собственности постглоссаторы Жак де Ревиньи, Иоанн Фабер, Бартол, Бальд.¹⁰⁹ Впервые принцип «закон места нахождения имущества» был разработан итальянским юристом Бальдом в XIV веке.

В трудах постглоссаторов, как и в последующие эпохи, вещный статут предназначался исключительно для регулирования отношений по поводу недвижимого имущества. Считалось, что движимое имущество не имеет столь прочной связи с местом своего нахождения, должно следовать за собственником, а потому права на это имущество должны регулироваться его личным законом, согласно правилу *mobilia personam sequuntur*. Эта точка зрения поддерживалась д'Аржантрэ, Буллинуа, П. Фушем и другими представителями науки международного частного права вплоть до середины XIX века. Утверждение этого правила в доктрине привело к закреплению его в законодательстве некоторых государств. Так, Прусское Земское Уложение 1794 г., Австрийское уложение 1811 г.¹¹⁰, Прибалтийский кодекс 1864 г., Испанский кодекс 1889 г. подчиняли право собственности на движимости закону нормальной подсудности управомоченного лица (собственника).

Однако уже в конце XIX века концепция отдельного регулирования вещных прав на движимое и недвижимое имущество в научной литературе отвергалась. Решающее влияние на процесс «объединения» вещного статута оказала критика проф. Вехтером К.Ф. (Carl Friedrich Wächter) господствовавшей ранее точки зрения. Проф. Вехтер поставил вопрос о том, личный закон какого лица следует применить

¹⁰⁸ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права, 1915. – с. 54.

¹⁰⁹ Брун М.И. Указ. соч. С. 42-58.

¹¹⁰ Foelix M. Traité du Droit International Privé, ou du conflit des lois de différentes nations en matière de droit privé. Paris: Joubert, Libraire de la Cour de Cassation, 1843. - pp. 58-59.

в случае спора о праве собственности между лицами, личный закон которых не совпадает. В этой ситуации применение личного закона собственника оказывается неспособным разрешить коллизионную проблему. К данной аргументации, несмотря на своё несогласие с теорией Вехтера¹¹¹, присоединился великий немецкий учёный Ф.К. фон Савиньи (Friedrich Karl von Savigny): в качестве единого правила, определяющего право, регулирующее вещные права на движимое и недвижимое имущество, он признал *lex rei sitae*. Эта точка зрения получила широкое признание и была закреплена в Саксонском Кодексе 1863 г., Японском Уложении 1890 г., Договоре Монтевидео 1889 г.

В начале XX века проф. Макаров А.Н. отмечал, что даже в тех государствах, где коллизионное регулирование отношений собственности построено на принципе *mobilia personam sequuntur* (во Франции, в Великобритании), судебная практика склонялась к подчинению всех правоотношений собственности (как по поводу движимого, так и недвижимого имущества) закону страны местонахождения вещи¹¹².

С течением времени идея единства вещного статута закреплялась всё прочнее в доктрине международного частного права¹¹³. Коллизионная привязка «закон страны местонахождения имущества» практически вытеснила «личный закон собственника» из сферы коллизионного регулирования правоотношений собственности.¹¹⁴ Однако, несмотря на закрепление *lex rei sitae* в качестве

¹¹¹ Мережко А. Наука международного частного права: история и современность. Киев, изд-во «Таксон», 2006. - С. 92-99.

¹¹² Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.: Юридическое изд-во Наркомюста РСФСР, 1924. – С. 84.

¹¹³ Так, если Савиньи указывал на возможные исключения из сферы применения вещного статута в отношении объектов, местонахождение которых трудно установить в каждый конкретный момент времени, - в отношении товаров в пути, имущества путешественника, - то в дальнейшем доктриной (в частности, Э. Циттельман) не допускались даже такого рода исключения.

¹¹⁴ В качестве коллизионной привязки, используемой для установления права, применимого к праву собственности, «личный закон собственника» закрепляется сегодня лишь в некоторых национальных кодификациях. Так, коллизионная привязка «личный закон собственника» применяется в отношении движимого имущества в праве некоторых штатов США (см., например, ст. 946 ГК штата Калифорния). Привязка «личный закон собственника» также устанавливается в качестве специальной привязки для категории «личное имущество путешественника» (например, в ст. 46 ГК Португалии 1966 г., ст. 46 ГК Восточного Тимора 2011 г.).

коллизии привязки, применимой к вещным правоотношениям, в некоторых национальных и международно-правовых актах, в большинстве правовых систем на протяжении всего XX века этот принцип применялся как норма обычного международного частного права¹¹⁵.

Уже в конце XX века привязка *lex rei sitae* получила повсеместное закрепление на национально-правовом уровне в качестве основной коллизии привязки, определяющей право, применимое к вещным правам на движимое и недвижимое имущество. Интересно, что задолго до этого из сферы применения *lex rei sitae* уже выделились и получили специальное регулирование в национальном законодательстве и в тексте международно-правовых актов правоотношения собственности по поводу отдельных видов подлежащих государственной регистрации транспортных средств, а также по поводу широко обсуждавшейся в доктрине категории «товары в пути» («находящееся в пути движимое имущество»).¹¹⁶ В зарубежной научной литературе процесс обособления отдельных групп объектов права собственности и закрепления для них специальных коллизионных норм был назван «усыплением» *lex rei sitae* («*assouplissement*»)¹¹⁷.

Характеризуя процесс «усыпления» *lex rei sitae* и соответствующий ему процесс образования специальных коллизионных норм и коллизионных привязок, проф. д'Аву (Louis d'Avout) отмечает наличие «дискриминации» в отношении иных движимых объектов права собственности, участвующих в международном

¹¹⁵ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. - pp. 47-48.

¹¹⁶ Например, согласно ст. 1 немецкого Закона о правах на зарегистрированные морские суда 1940 г., прекращение права собственности на морское судно, зарегистрированное в Германии, регулируется немецким правом. Другой пример – норма, закреплённая в ст. 55 Бернской конвенции о железнодорожном транспорте 1952 г., в соответствии с которой железнодорожный подвижной состав может быть арестован только по решению суда государства, к которому относится железнодорожный состав. Вопросы выбора наилучшей коллизии привязки, соответствующей категории «товары в пути», обсуждались на 7-ой сессии Гаагской конференции по международному частному праву (октябрь 1951 г.). Подробнее об этом см.: Markianos D. Die res in transitu im deutschen internationalen privatrecht. Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht, 23. Jahrg., N. 1 (1958), pp. 21-43.

¹¹⁷ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. - p. 67.

имущественном обороте и не получающих специального регулирования. Профессор д'Аву указывает на тот факт, что причиной обособления правоотношений собственности по поводу отдельных видов имущества в коллизионном регулировании отношений собственности, таких как воздушные, морские суда, космические объекты, ценные бумаги, является их высокая стоимость и заинтересованность соответствующих профессиональных сообществ в установлении «привилегированного» правового режима в отношении этих категорий объектов¹¹⁸.

Отметим, что обособление правоотношений собственности по поводу отдельных категорий объектов права собственности (транспортных средств, космических объектов, прав требования и ценных бумаг) и выделение их из сферы применения *lex rei sitae* не означает того, что право собственности на эти объекты больше не подчинено вещному статусу. Как будет показано ниже, образуемые в результате этого процесса коллизионные привязки так или иначе основаны на применении территориального закона и содержат указание на местонахождение имущества, но с определёнными оговорками. В этой связи специальные коллизионные привязки, отличные от *lex rei sitae*, необходимо также рассматривать в качестве коллизионных привязок, с помощью которых определяется вещный статус.

Достоинства и недостатки применения территориального закона при установлении права, применимого к праву собственности на движимое имущество. Одной из причин признания коллизионной привязки «закон страны места нахождения имущества» в качестве основной коллизионной привязки, применяемой в отношении движимого имущества, - является необходимость учёта интересов имущественного оборота. Если правомочия собственника имущества подчинены закону государства, на территории которого имущество фактически находится, то это обстоятельство делает для контрагентов и третьих лиц очевидным, право какого государства регулирует содержание, осуществление и

¹¹⁸ d'Avout L. Sur les solutions du conflit de lois en droit des biens. *Economica*. Paris, 2006.- pp. 11-13.

защиту права собственности на имущество¹¹⁹. Прозрачность имущественного оборота явилась положительным аспектом применения привязки *lex rei sitae*, способствовавшим повсеместному её закреплению.

Однако в доктрине международного частного права высказываются аргументы, направленные против применения *lex rei sitae*, которые можно свести к следующему: данную коллизионную привязку критикуют за её «механистичность», жёсткость, безразличность к результату её применения, не позволяющие учесть все значимые для правоотношения обстоятельства, что на практике приводит к несправедливым результатам¹²⁰. Частичный отказ от применения *lex rei sitae* демонстрирует подход, принятый в США. Так, отношения между сторонами договора, по которому переходит право собственности на движимое имущество, подчинены правопорядку, определяемому в соответствии с принципом наиболее тесной связи, но в отношениях с третьими лицами применяется закон страны, где имущество находилось в момент перехода права собственности¹²¹. Известные американские исследователи – Я. Бакстер (Baxter), М. Хэнкок (Hancock), П. Хей (Hay), - высказываются против использования данной коллизионной привязки¹²².

Отметим, что критика в адрес коллизионной привязки *lex rei sitae* в равной степени относится и к специальным коллизионным привязкам, применяемым при установлении вещного статута, то есть к применению территориального закона в

¹¹⁹ Коллизионная привязка «личный закон собственника» уступила место *lex rei sitae* во многом потому, что не вполне соответствовала интересам имущественного оборота. Применение «личного закона собственника» при определении права, применимого к праву собственности на движимое имущество, порождает массу проблем: в частности, третьи лица, намеревающиеся приобрести движимое имущество, в этом случае не защищены от риска того, что права на это имущество могут быть подчинены иностранному закону, в соответствии с которым данная сделка может быть признана судом недействительной. Кроме того, проблемными являются также вопросы установления domicilia собственника в случае его длительного нахождения поочерёдно в нескольких государствах.

¹²⁰ Плеханов В.В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук по специальности 12.00.03. Москва, 2008 г. - С. 266.

¹²¹ Пар. 222, 244, 245 Свода норм деликтного права США. Подробнее об этом см.: Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М.: Статут, 2015. – С.146-147.

¹²² См., например, Hay P. The situs rule in European and American conflicts law: comparative notes. Legal Essays in honor of John E. Cribbet. University of Illinois Press, 1988. - Pp. 108-110.

целом, поскольку «скорректированные» коллизионные привязки в той же мере обладают свойством жёсткости, указываемом в отношении *lex rei sitae*. Так, отдельные отечественные авторы высказываются за необходимость пересмотра коллизионных привязок, установленных для категорий товаров в пути, транспортных средств и ценных бумаг.¹²³

Вместе с тем большинство исследователей – представителей континентального права, - выступающих с критикой в адрес *lex rei sitae*, как правило, не предлагает полностью отказаться от данной коллизионной привязки, но некоторым образом модифицировать её. Так, проф. д'Аву (Louis d'Avout) выступил с предложением признать *lex rei sitae* неким общим коллизионным началом, являющимся «отправной точкой» для всех иных коллизионных привязок, содержащихся в коллизионных нормах, определяющих вещный статут.¹²⁴

Изменение вещного статута в пространстве («мобильный конфликт»). Применение коллизионной привязки «закон местонахождения вещи» не создаёт каких-либо значительных трудностей до тех пор, пока объект права собственности не перемещается в иностранный правопорядок. Определение вещного статута в данной ситуации подразумевает, что право собственности на имущество, перемещённое на территорию другого государства, подчинено правопорядку «нового» местонахождения начиная с момента пересечения границы государств. Поэтому изменение места нахождения вещи влечёт за собой последовательное применение норм нескольких правопорядков по отношению к одному и тому же правоотношению собственности. Таким образом, речь идёт об изменении статута в пространстве, в научной литературе получившем название «мобильный конфликт» (*conflit mobile*).

В случае возникновения ситуации мобильного конфликта могут возникать проблемы правового регулирования – особенно в вопросах возникновения права собственности на движимое имущество, в частности, при переходе права

¹²³ См., например, Любарская Т.С. Коллизионная привязка к местонахождению вещи для определения права, применимого к вещным правам: достоинства и недостатки. //Закон. -2016. - № 8. - С. 48-61.

¹²⁴ d'Avout L. Sur les solutions du conflit de lois en droit des biens. *Economica*. Paris, 2006. – с. 20-21.

собственности по договору, когда юридический состав, необходимый для перехода права собственности и определённый на основании «старого» *lex rei sitae*, не завершившись, должен быть изменён на юридический состав, устанавливаемый в соответствии с нормами правопорядка, в который имущество перемещено.

По общему правилу, закреплённому в целом ряде национальных кодификаций МЧП, возникновение и прекращение права собственности на движимое имущество регулируется законом страны местонахождения имущества в момент наступления юридических фактов, явившихся основанием возникновения или прекращения права собственности¹²⁵. Однако в том случае, когда накопление юридических фактов, необходимых для перехода права собственности, происходило на территории различных государств, возникает вопрос о том, как определить момент наступления юридических фактов, на которых основывается переход права. В этом случае в доктрине и судебной практике было выработано правило, согласно которому таким моментом является *момент завершения юридического состава*, необходимого для возникновения (прекращения) права собственности¹²⁶. Иными словами, завершение юридического состава перехода права собственности определяется в соответствии с законом страны местонахождения имущества, куда оно было перемещено («новым» *lex rei sitae*) – если, учитывая ранее накопленную совокупность юридических фактов, он может быть завершён. Удачным примером закрепления правила об установлении права, применимого к возникновению (прекращению) права собственности, является норма п. 1 ст. 34 Закона Лихтенштейна о МЧП 1996 г., учитывающая критерий завершённости юридического состава.

Термин «мобильный конфликт» отражает конкуренцию между «старым» и «новым» *lex rei sitae*. Такая конкуренция может приводить к совершенно различным результатам. Так, например, в случае если юридический состав, необходимый для перехода права собственности на товар, не был бы завершён в

¹²⁵ См., например, п. 1 ст. 100 ФЗ Швейцарии о МЧП 1987 г.

¹²⁶ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. - с. 57.

условиях действия предшествующего *lex rei sitae*, предусматривающего переход права к покупателю с момента передачи вещи (например, в Германии), то в случае отправки данного товара покупателю на территорию государства, в котором установлена консенсуальная модель перехода права собственности (например, во Францию или Италию), юридический состав будет считаться завершённым¹²⁷. Право собственности будет считаться перешедшим к покупателю с момента пересечения границы государства назначения. В данном случае ситуация мобильного конфликта не приводит к какому-либо отрицательному результату.

Представим другую ситуацию: в момент заключения сделки купли-продажи вещь находилась на территории ФРГ, но требование о передаче вещи выполнено не было, поэтому переход права собственности не состоялся. Того факта, что впоследствии данное имущество было передано покупателю на территории Франции, а также того, что не завершённый в соответствии с немецким правом юридический состав считался бы завершённым на территории Франции, недостаточно для того, чтобы считать переход права собственности состоявшимся, поскольку в момент совершения купли-продажи данное имущество не находилось на территории Франции.

Особенностью новейших кодификаций международного частного права является использование в них термина «мобильный конфликт». Новый Закон XXVIII о МЧП Венгрии от 2017 года содержит вариант разрешения ситуации мобильного конфликта, согласно которому к правоотношениям собственности применяются нормы права «нового» местонахождения имущества, то есть права того государства, в котором имущество находится в момент рассмотрения спора. Согласно п. 2 ст. 41 Закона, если по праву предшествующего местонахождения имущества приобретение вещного права на это имущество не состоялось, то при его перемещении из одного правового порядка в другой приобретение вещного права подчиняется закону «нового» местонахождения имущества. Аналогичная норма закрепляется в п. 3 ст. 21 Закона о МЧП Хорватии 2017 года – с тем отличием, что

¹²⁷ Oberlandesgericht Hamm, 14 august 1985, Die deutsche Rechtsprechung auf dem Gebiete des Internationalen Privatrechts, 1985. № 143. - p. 392.

данный способ разрешения проблемы мобильного конфликта устанавливается не только в отношении приобретения вещного права, то также в отношении его прекращения. Этот же принцип применяется и в новой редакции 2016 года Закона о МЧП Грузии¹²⁸. В целом же закрепление коллизионных норм, посвящённых разрешению проблемы мобильного конфликта, является редкостью и характерно только для национальных кодификаций международного частного права.

Конкуренция «старого» и «нового» *lex rei sitae* влечёт ситуацию неопределённости для участников отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, а также создаёт широкие возможности для злоупотребления правом. Проблема возможного злоупотребления правом может быть частично решена путём введения нормы, аналогичной той, которая устанавливается в п. 1 ст. 34 Закона Лихтенштейна о МЧП 1996 г.: «Изменения места [местонахождения имущества – прим. автора], которые были предприняты с очевидным намерением обхода закона, во внимание не принимаются.»

Условия применения коллизионной привязки *lex rei sitae*. Причины образования специальных коллизионных привязок, с помощью которых определяется вещный статут. Как отмечает проф. Маковский А.Л., «место нахождения имущества» необходимо понимать как действительное, фактическое место его нахождения, установление которого не зависит ни от каких иных критериев. Однако, несмотря на кажущуюся простоту применения коллизионной привязки *lex rei sitae* («закон страны, где имущество находится»), её использование предполагает выполнение ряда условий:

1. Объект права собственности - вещь (объект материального мира), ограниченный в пространстве, в отношении которого возможно определить его местонахождение. Коллизионная привязка *lex rei sitae* в своём исходном виде не применима для установления права, применимого к правам на невещественные

¹²⁸ П.2 ст.32 Закона о МЧП Грузии 1998 г. (ред. 2016 г.)

объекты, признаваемые объектами права собственности в праве некоторых иностранных государств¹²⁹.

2. Объект права собственности находится в пределах территориальной юрисдикции некоторого государства. В теории международного права выделяется не только государственная территория, но и территории с международным правовым режимом – пространства вне государственной юрисдикции (открытое море, космическое пространство), в рамках которых определение *lex rei sitae* не представляется возможным. В пределах таких территорий могут находиться участки газовых трубопроводов, нефтегазовые платформы, космические спутники и т.д. В зарубежной доктрине международного частного права выделяется категория объектов права собственности, находящихся на территории с международным правовым режимом¹³⁰. Упоминания о таких объектах можно обнаружить как в тексте международных конвенций¹³¹, так и в российском законодательстве¹³². Тем не менее, коллизионная привязка *lex rei sitae* также не пригодна для определения права, применимого к вещным правам на эти объекты права собственности.

3. Объект права собственности находится на территории одного государства некоторое относительно продолжительное время. Невыполнение этого условия обуславливает невозможность установления *lex rei sitae*. Так, если самолёт пересекает воздушное пространство нескольких государств, в воздушном пространстве каждого из них находясь незначительное время, то определение

¹²⁹ В отношении установления права, применимого к правам на невещественное имущество, в праве некоторых иностранных государств, а также в тексте международно-правовых актов закрепляются нормы, согласно которым под *lex rei sitae* понимается право определённого государства. См., например, ст.107, ст. 108, ст. 109 Кодекса Бустаманте 1928 г.

¹³⁰ Kreuzer K. *La propriété mobilière en droit international privé.* /Academie de droit international de la Haye. 1997. - P. 28.

¹³¹ Например, согласно ст. VIII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., нахождение доставленных или сооружённых космических объектов на небесном теле или в космическом пространстве не затрагивает права собственности на них.

¹³² В соответствии с п. 2 ст. 417 КТМ РФ, к вещным правам на затонувшим в открытом море грузам и иному имуществу, находящимся на морском судне, применяется закон государства флага судна.

закона государства, в котором имущество – самолёт – находится, представляет собой технически сложную задачу. Кроме того, правоотношение собственности должно иметь тесную правовую связь с правопорядком, в котором находится, поскольку считается, что наилучшим образом правоотношение будет урегулировано наиболее близким ему правом.¹³³ Представляется, что закон страны транзита, устанавливаемый в таком случае в соответствии с *lex rei sitae*, оказывается менее близким к правоотношению собственности, чем закон страны регистрации воздушного судна.

Аналогично, определение права, применимого к праву собственности на товары в пути, в соответствии с *lex rei sitae*, также может оказаться случайным, не имеющим реальной связи с правоотношением. Это стало основанием для обособления категории товаров в пути как отдельной категории имущества, выделяемой в международном частном праве (п. 2 ст. 1206 ГК РФ). Коллизионная привязка *lex rei sitae* закрепляется в отношении товаров в пути лишь в некоторых национальных кодификациях (ст. 60 Кодекса МЧП Туниса 1998 г.).

Коллизионное регулирование отношений собственности предполагает, что каждой категории объектов права собственности, выделяемой в международном частном праве, ставится в соответствие определённая коллизионная привязка. Очевидно, что выбор коллизионной привязки для некоторого вида объектов обусловлен особыми свойствами этих объектов и функцией, для выполнения которой они предназначены. Так, если в процессе установления применимого права в отношении некоторого вида имущества многократно складывается ситуация, при которой применение *lex rei sitae* оказывается невозможным в силу невыполнения хотя бы одного из указанных выше ограничений, то появляются предпосылки для образования специальной коллизионной привязки – модификации *lex rei sitae*¹³⁴ либо для отказа от применения привязки *lex rei sitae* и её модификаций и закрепления иной коллизионной привязки.

¹³³ Hill D. Private International Law. Edinburgh University Press, 2014. – P. 133.

¹³⁴ Коллизионные привязки, производные от *lex rei sitae*: коллизионная привязка «закон страны отправления» («закон страны назначения»), привязка «закон страны (места) регистрации», привязка «право страны местонахождения имущества в момент окончания срока

Множественность коллизионных привязок, понимаемая нами в широком смысле¹³⁵, влечёт создание субсидиарных (специальных) коллизионных норм, регулирующих отдельные аспекты правоотношения собственности, осложнённого иностранным элементом. В целом же коллизионное регулирование права собственности строится по принципу «общее правило – исключение из него». «Общим правилом» является коллизионная норма, определяющая право, применимое к вещным правам на движимое и недвижимое имущество. Коллизионные нормы, посвящённые иным объектам права собственности, а также норма, касающаяся возникновения (прекращения) вещных прав на имущество, носят по отношению к ней специальный характер.

Увеличение числа специальных коллизионных привязок-модификаций *lex rei sitae*, используемых в процессе установления вещного статута, расширяет сферу применения иностранного права постольку, поскольку это предполагает применение коллизионных привязок, отличных от *lex rei sitae*, результат действия которого зачастую совпадает с действием привязки «закон страны суда». В свою очередь, общее повышение уровня специализации коллизионного регулирования отношений собственности способствует более справедливому разрешению споров, при котором специальная коллизионная норма, определяющая вещный статут, в большей степени соответствует существу конкретного правоотношения. Расщепление коллизионных норм и образование специальных коллизионных привязок, содержащихся в коллизионных нормах, определяющих вещный статут, представляет собой одно из проявлений процесса либерализации коллизионного

приобретательной давности» (п. 4 ст. 1206 ГК РФ, ст. 53 Закона Италии №218 «Реформа итальянской системы МЧП» 1995 г.), привязка «закон страны местонахождения имущества в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения права собственности» (п. 1 ст. 1206 ГК РФ), привязка «закон страны, где имущество затонуло» (п. 1 ст. 417 КТМ РФ), привязка «закон государства, где имущество принято к постройке или строится» (п. 3 ст. 415 КТМ РФ), привязка «закон государства, в котором судно зарегистрировано непосредственно до смены флага» (п. 2 ст. 415 КТМ РФ) и др.

¹³⁵ Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора юрид. наук. Специальность 12.00.03. - Москва, 2011. - с.101.

регулирования отношений собственности и способствует созданию более благоприятных условий для международного коммерческого оборота.

Особым приёмом коллизионного регулирования отношений собственности, с помощью которого осуществляется образование специальных коллизионных привязок – модификаций привязки *lex rei sitae*, является приём фиксации места нахождения имущества в конкретный, определённый законодателем, момент времени. Так, в зависимости от категории имущества его местонахождением в целях определения *lex rei sitae* будет считаться его фактическое место нахождения на момент регистрации транспортного средства, на момент отправки товара (для категории товаров в пути) или на момент возникновения права собственности.

Наиболее распространёнными в коллизионном законодательстве государств критериями (дополнительными условиями) определения вещного статута, закреплёнными в формулировках специальных коллизионных привязок, являются следующие: местонахождение имущества в момент, когда имел место юридический факт, ставший основанием для возникновения права собственности¹³⁶, местонахождение имущества в момент окончания срока приобретательной давности¹³⁷, местонахождение движимого имущества в момент его отправки¹³⁸ и др. В российском праве применяются также иные критерии, с помощью которых формулируются специальные коллизионные привязки, используемые при установлении вещного статута, а именно - место, где имущество затонуло¹³⁹, место, где морское судно принято к постройке или строится,¹⁴⁰ и др.

По мнению проф. Лунца Л.А., вопрос о переходе права собственности на товары в пути может быть решён лишь путём условного принятия закона некоторого одного пункта, в котором товары в пути находятся, в качестве основного критерия¹⁴¹. В отношении требующих государственной регистрации

¹³⁶ Например, п.1 § 31 ФЗ Австрии «О международном частном праве» 1978 г. (ред. 2004 г.)

¹³⁷ Например, ст.53 Закона Италии №218 «Реформа итальянской системы МЧП» 1995 г.

¹³⁸ Например, ст. 10. 1 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.)

¹³⁹ П. 1 ст. 417 КТМ РФ

¹⁴⁰ П. 3 ст. 415 КТМ РФ

¹⁴¹ Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. - М., 1973. - с. 112–113.

транспортных средств проф. Маковский А.Л. отмечает факт создания «fikции постоянного нахождения» судов в государстве их регистрации, что обеспечивает стабильность правового режима этих объектов. Однако в данном случае нельзя говорить о юридической fikции в чистом виде, поскольку юридическая fikция предполагает приписывание объекту характеристики, которой он в действительности не обладает или, наоборот, отрицание присутствующей у объекта характеристики. В рассмотренных случаях, напротив, объекты права собственности в действительности находились в установленном для них месте в определённый момент времени. Это фактическое обстоятельство было юридически «продлено», зафиксировано, а правовой режим данного вида имущества, установленный в соответствии с единожды определённым его местонахождением, был распространён на правоотношение собственности в целом.

Из этого утверждения можно сделать два исключения. Первое касается коллизионной привязки «закон страны назначения», применяемой в некоторых государствах для установления права, применимого к вещным правам на товары в пути. На момент установления применимого права этот вид имущества может ещё не достичь пункта назначения, поэтому обстоятельства его местонахождения, устанавливаемые для определения применимого права, не являются фактическими.¹⁴² В данном случае имеет место юридическая fikция в чистом виде. Второе исключение связано с признанием отдельных видов невещественного имущества объектами права собственности в зарубежном материальном праве (а также в некоторых международно-правовых актах) и с попыткой распространения сферы применения *lex rei sitae* в отношении этих объектов. Так, согласно ст. 107 Кодекса Бустаманте 1928 г., местом нахождения долговых обязательств считается место их платежа, а если место платежа не указано, - то место постоянного проживания (домицилий) должника. Ввиду того, что невещественное имущество по своей природе не может иметь фактического местонахождения, то указание такого места также является следствием применения приёма юридической fikции.

¹⁴² Harding M. Conflict of Laws (Fifth edition). Routledge, 2014. – P. 215.

Ярким примером применения приёма фиксации местонахождения имущества в определённый момент времени являются коллизионные нормы, закреплённые в ст. 5 Гаагской конвенции о праве, применимом к переходу права собственности при международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей), 1958 г. Так, согласно ст. 5 Конвенции, права, которые покупатель может противопоставить третьему лицу, предъявившему требования относительно права собственности на проданный товар, подчинены закону страны местонахождения этого товара в момент предъявления требования. При этом права, перешедшие к покупателю, должны быть признаны таковыми по закону страны места нахождения проданного товара в момент их возникновения. В соответствии с указанными коллизионными нормами, место нахождения товара «фиксируется» в момент предъявления требования и в момент возникновения права собственности. В обоих случаях имеют место фактические обстоятельства, наличие которых устанавливается постоянным в целях определения применимого права.

В процессе расщепления коллизионных норм, определяющих вещный статут, образуются специальные коллизионные привязки-модификации коллизионной привязки *lex rei sitae*. Примеры новых специальных коллизионных привязок, при формулировании которых был использован приём фиксации местонахождения имущества, можно обнаружить в новейших кодификациях международного частного права: «закон страны, где находится главная вещь»¹⁴³, «закон страны, куда временно перемещено находящееся в пути движимое имущество»¹⁴⁴ и др.

Таким образом, в процессе совершенствования коллизионного регулирования отношений собственности и применения отдельных приёмов коллизионного регулирования свойства объекта права собственности, в частности, его местонахождение, постепенно теряют действительный, фактический характер. В результате адаптации коллизионной привязки *lex rei sitae* к усложняющимся экономическим отношениям возникают новые коллизионные привязки,

¹⁴³ П.3 ст.39 Закона XXVIII от 2017 г. о МЧП Венгрии

¹⁴⁴ Пп.б ст. 2.618 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.)

устанавливаемые согласно не тому месту, где объект фактически находится, но где он считается находящимся.

Либерализация коллизионного регулирования отношений собственности. Анализ тенденций развития коллизионного регулирования отношений собственности на национально-правовом и международно-правовом уровне, а также закономерностей формирования сферы применения коллизионной привязки «закон страны местонахождения вещи» и её модификаций, с помощью которых определяется вещный статут, показал, что на сегодняшний день формируется тенденция либерализации коллизионного регулирования права собственности. Представляется, что под «либерализацией» следует понимать тенденцию совершенствования законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности с целью создания благоприятных условий для ведения коммерческой деятельности с иностранным элементом. Процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности представляет собой совокупность различных форм его проявления, а именно:

- расщепление коллизионных привязок и образование специальных коллизионных норм: новые специальные коллизионные нормы были закреплены, например, в п. 4 ст. 1206 ГК РФ, а также в новых кодификациях МЧП Венгрии, Румынии¹⁴⁵ и др.

- расширение сферы применения принципа автономии воли сторон: например, в законодательстве КНР закрепляется неограниченная автономия воли при регулировании отношений собственности¹⁴⁶.

В последующих параграфах будет показано, что ещё одной формой проявления тенденции либерализации коллизионного регулирования отношений собственности является квалификация понятий, содержащихся в коллизионных нормах, посвящённых вещным правам, по праву, регулируемому основное материальное правоотношение (*lex causae*). Данный способ квалификации

¹⁴⁵ П.3 ст. 39 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., ст.ст. 2.613, 2.614 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.)

¹⁴⁶ §37 Закона КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г.

закреплён в новой ст. 1205¹ ГК РФ, а также в нормах, содержащихся в кодификациях МЧП Венгрии, Бельгии, Нидерландов.¹⁴⁷

Перечисленные формы проявления процесса либерализации оказывают непосредственное влияние на коллизионное регулирование отношений собственности. Ниже будет показано, что в случае, если какая-либо из указанных выше форм либерализации коллизионного регулирования отношений собственности осуществляется без учёта его особенностей (см. подробнее пар. 2.1 и пар. 2.2), это приводит к возникновению новых и к усугублению уже имеющихся проблем коллизионного регулирования отношений собственности (см. подробнее пар. 3.1 - 3.5). По нашему мнению, процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности не может быть неограниченным, поскольку в противном случае он влечёт чрезмерное усложнение коллизионного регулирования права собственности и снижение уровня правовой определённости.

Конкуренция правовых режимов имущества, усугубляемая расщеплением коллизионных норм, приводит к возникновению проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее право собственности на одну и ту вещь. В случае, если данный процесс сопровождается также расширением сферы применения автономии воли сторон в отношении отдельных видов имущества, то эта проблема может быть ещё больше осложнена конкуренцией вещного и обязательственного статутов (см. подробнее пар. 3.1).

«Размытость» сфер действия правовых режимов имущества в МЧП в сочетании с процессом расщепления коллизионных норм способна привести к возникновению ситуации конфликта квалификаций при регулировании правоотношений собственности (см. подробнее пар. 3.2).

¹⁴⁷ Например, ст. 40 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., §1 ст.94 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г., п.4 ст.127 Книги 10 ГК Нидерландов 2011г.

ГЛАВА 2. СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

§2.1. Особенности функционирования механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности

В этом параграфе выделяются элементы механизма коллизионного регулирования отношений собственности. В результате определения субъектного состава механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности делается вывод о неустойчивости правового титула собственности в международном частном праве. Кроме того, отмечается, что третьи лица являются потенциально более слабой стороной в правоотношении собственности, осложнённом иностранным элементом, что оказывает влияние на правовое регулирование права собственности в международном частном праве.

В процессе выделения и описания элементов механизма коллизионного регулирования отношений собственности применяются методы анализа и синтеза.

Под механизмом правового регулирования понимается система юридических средств, закреплённых в целях наиболее эффективного удовлетворения отражённых в праве интересов отдельных социальных групп, государства, общества в целом. В процессе формирования механизма правового регулирования моделируется желаемый результат его воздействия на общественные отношения и закрепляется комплекс правовых средств, позволяющий этот результат достичь. К таким средствам относятся нормы права, субъективные права и юридические обязанности, правовые стимулы, правовые ограничения, правовые поощрения, юридическая ответственность и т.д.

Отметим, что механизм правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, носит двойственный характер, так как в процессе его действия используется два метода международного частного права -

коллизийный и материально-правовой методы. В отличие от материально-правового метода, коллизийный метод не регулирует отношения собственности напрямую, он лишь отсылает к правовой системе, закон которой должен быть применён. Соответственно, двойственный характер механизма правового регулирования отношений собственности в международном частном праве означает выделение двух направлений его воздействия на отношения собственности: непосредственное воздействие на правоотношения с помощью материально-правовых норм и опосредованное воздействие, осуществляемое коллизийными нормами.

Коллизийное регулирование отношений собственности хотя и носит опосредованный характер, но в нём также выражается воля законодателя, направленная на достижение определённого правового результата. Так, закрепление привязки *lex destinationis*, или "закон страны отправления", (ст. 1206 ГК РФ) обеспечивает единое регулирование вопросов перехода права собственности на находящееся в пути движимое имущество вне зависимости от последующей его перепродажи¹⁴⁸. Иногда действие коллизийной нормы может быть направлено на защиту прав определённой категории субъектов правоотношений собственности с иностранным элементом – например, в отношении т.н. «добросовестных третьих лиц»¹⁴⁹. Хотя коллизийный метод не регулирует отношения собственности напрямую, но, тем не менее, содержит волю законодателя, направленную на преобразование общественных отношений с целью достижения определённого результата. Поэтому воздействие на отношения собственности, осуществляемое коллизийными нормами, можно также

¹⁴⁸ Толстых В.Л. Международное частное право: коллизийное регулирование. Изд-во «Юридический центр Пресс»; СПб.; 2004 - С. 263.

¹⁴⁹ К примеру, согласно ст. 36 Закона Лихтенштейна о МЧП 1996 г., требования публичности, предъявляемые к праву собственности, для действия в отношении добросовестных третьих лиц определяются законом места нахождения имущества. Другой пример – п. 3 ст. 102 ФЗ Швейцарии о МЧП 1987 г., не допускающей ссылки на условие о сохранении права собственности за продавцом, установленное за границей, в отношениях с добросовестными третьими лицами.

рассматривать как частный случай действия механизма коллизионно-правового регулирования права собственности.

Механизм правового регулирования формируется как сочетание следующих элементов: норма права, фактический состав, правоотношение, права и обязанности участников правоотношения, а также охранительный правоприменительный акт. Каждому из указанных элементов ставится в соответствие определённый этап действия механизма правового регулирования.

На первом этапе действия механизма коллизионно-правового регулирования права собственности происходит **регламентация соответствующих правоотношений**: закрепляются коллизионные нормы, посвящённые регулированию права собственности (вещных прав). Особенность этого этапа заключается в том, что, как было показано в § 1.2, коллизионное регулирование отношений собственности в основном осуществляется на внутригосударственном уровне регулирования. Это связано с тем, что право собственности лежит в основе хозяйственно-экономической сферы каждого государства и в условиях значительных межстрановых различий в подходах к регулированию права собственности государства не склонны подчинять указанные правоотношения международно-правовому регулированию. Ввиду того, что нормы, посвящённые регулированию права собственности в международном частном праве, - это в основном коллизионные нормы внутреннего права государств, можно прийти к выводу о близости понятий «механизм правового регулирования права собственности в международном частном праве» и «механизм коллизионно-правового регулирования права собственности».

Заметим, что коллизионные нормы о праве собственности могут отсылать как к праву государства, в котором находится имущество, так и к праву места, где находится имущество, что проявляется в формулировке коллизионных привязок - «закон страны места нахождения имущества» (применяется в праве РФ, Австрии, Венгрии, ФРГ, Греции) и «закон места нахождения имущества» (закреплена в законодательстве Испании, Латвии, Лихтенштейна). Данное различие в своей

работе отмечает проф. К. Крэйцер (Karl Kreuzer), указывая, что применение этих привязок может приводить к различным результатам разрешения спора в случае, когда имущество находится на территории государства с множественностью правовых систем. Так, привязка «закон страны места нахождения имущества», по сути, отсылает к внутриколлизийному праву государства, в соответствии с которым устанавливается, какой из правовых систем подчинено спорное правоотношение собственности. Коллизийная привязка «закон места нахождения имущества», напротив, сразу указывает на применимое право, минуя стадию внутриколлизийного права государства. Формулировка данной коллизийной привязки либо позволяет избежать обращения к внутриколлизийному праву государств, что облегчает процесс установления применимого права, либо, наоборот, влечёт принятие такого судебного решения, как если бы оно было принято судом государства места нахождения имущества, что способствует установлению международного единообразия решений и исполнимости соответствующего судебного решения на территории этого государства. В российском праве избран второй подход, что подтверждается, с одной стороны, формулировкой коллизийной привязки, закреплённой в ст. 1205 ГК РФ, и, с другой стороны, правилом о применении права государства с множественностью правовых систем, установленным в ст. 1188 ГК РФ.

Ещё одной особенностью действия коллизийных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности, является то, что эти нормы, как правило, носят императивный характер, что обусловлено интересами оборота (интересами третьих лиц).¹⁵⁰ Исключение составляют коллизийные нормы, касающиеся вопросов перехода права собственности на движимые вещи на основании договора (п.3 ст.1206 ГК РФ), позволяющие сторонам договора выбрать правопорядок, которому будет подчинён переход права собственности. В §3.5 будет подробнее рассмотрена тенденция, в соответствии с которой в государствах континентальной системы права правовое регулирование перехода права

¹⁵⁰ Briggs A. (2013) *The Conflict of Laws*. Oxford University Press, 2013. – P. 288.

собственности на движимое имущество по договору осуществляется на уровне законодателя (с помощью коллизионных привязок), на уровне правоприменителя (по принципу наиболее тесной связи) и на уровне частных лиц (в соответствии с правилом автономии воли сторон). Эта тенденция имеет место благодаря расширению сферы применения принципа автономии воли сторон и принципа наиболее тесной связи. Поэтому механизм коллизионного регулирования правоотношений собственности носит двойственный характер также потому, что регулирование перехода права собственности на движимые вещи по договору осуществляется сразу на трёх уровнях – законодателя, правоприменителя и частных лиц, - а регулирование иных аспектов указанных правоотношений собственности происходит на уровне законодателя.

На втором уровне (этапе) действия механизма коллизионно-правового регулирования права собственности выделяют **юридические факты (фактический состав)**, вследствие возникновения которых применяется соответствующая коллизионная норма. Можно выделить следующие обстоятельства, обуславливающие осложнение правоотношения собственности иностранным элементом, т.е. те обстоятельства, в связи с которыми эти правоотношения подпадают под действие коллизионных норм о праве собственности (вещных правах), а именно:

1) Вещь перемещена в иностранный правовой порядок. Ввиду применения территориального принципа определения права, регулирующего право собственности на вещь, при её перемещении на территорию иностранного государства может измениться содержание права собственности, вид объекта права собственности как движимой или недвижимой вещи и т.д. Право, применимое к указанным аспектам права собственности, определяется в ст. 1205.1 ГК РФ. Правоотношение собственности, возникшее по поводу этого имущества, осложнено иностранным элементом и попадает в сферу действия коллизионных норм о праве собственности (вещных правах).

2) Возникновение, прекращение или переход права собственности осложнены иностранным элементом:

2.1) Имущество находится на территории иностранного государства в момент возникновения, прекращения или перехода права собственности на него. В этом случае к правоотношению собственности применяется право того государства, где имущество находилось в момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения (прекращения) права собственности. Возможно, что только лишь местонахождение вещи в иностранном правовом порядке в момент возникновения этих юридических фактов влечёт осложнение перехода права собственности иностранным элементом, в то время как договор, по которому переходит право собственности, был заключён в отечественном правовом порядке. Данная ситуация не приводит к возникновению «хромяющих правоотношений» тогда, когда имущество находится в правовом порядке, где принята консенсуальная модель перехода права собственности, не требующая передачи имущества покупателю; либо в правовом порядке, где действует система традиции, однако диспозитивные нормы о переходе права собственности позволяют установить иной момент перехода права.

2.2) Накопление фактического состава, необходимого для возникновения или прекращения права собственности на имущество, завершено на территории иностранного государства. Например, в ситуации, когда накопление юридических фактов, необходимых для возникновения права собственности на вещь в силу приобретательной давности, началось в отечественном правовом порядке, а срок приобретательной давности завершился в момент, когда данное имущество находилось за рубежом, к возникновению права собственности должно быть применено иностранное право.

2.3) Переход права собственности осуществляется в процессе транспортировки имущества через границы государств. В данном случае речь о категории «находящееся в пути движимое имущество», или «товары в пути», в отношении которой в законодательстве большинства государств мира закрепляется отдельная коллизионная норма, содержащая либо коллизионную привязку «закон страны назначения», либо привязку «закон страны прибытия».

3) Право собственности на вещь принадлежит иностранному частному лицу. В некоторых зарубежных правовых порядках право, применимое к праву собственности на движимое имущество, принадлежащее иностранному лицу, может определяться в соответствии с личным законом этого лица¹⁵¹. При рассмотрении спора о праве собственности в судах этих государств правоотношение собственности будет считаться осложнённым иностранным элементом и, соответственно, будет отнесено к сфере применения норм международного частного права при наличии иностранного элемента, «привнесённого» личностью собственника.

Последний случай осложнения правоотношения собственности иностранным элементом встречается достаточно редко, в то время как наиболее частым является «привнесение» иностранного элемента в правоотношение собственности за счёт изменения местонахождения имущества в пространстве, т.е. ситуация т.н. «мобильного конфликта» (подробнее об этом см. §1.1). Причём наиболее сложными, с точки зрения разрешения коллизионного вопроса, являются те случаи, когда возникновение (переход) права собственности на движимое имущество осложнён иностранным элементом. Возможно, что именно данное обстоятельство стало побудительным мотивом для выделения именно этого аспекта правоотношений собственности как сферы применения принципа автономии воли сторон.

На третьем этапе (уровне) действия механизма коллизионно-правового регулирования права собственности определяются **объект и субъекты правоотношения собственности**, выделяются их права и обязанности, соответствующие модели поведения, заложенной в правовой норме. Особенностью объекта права собственности в международном частном праве является то, что он не является единым. Так, в ходе расщепления коллизионных норм о праве

¹⁵¹ Например, коллизионная привязка «личный закон собственника» устанавливается в качестве специальной привязки для категории «личное имущество путешественника» в законодательстве Венгрии (п. 3 § 23 Указа № 13 о МЧП Венгерской Республики 1979 г. (ред. 2010 г.)), Португалии (ст. 46 ГК Португалии 1966 г.), Восточного Тимора (ст. 46 ГК Восточного Тимора 2011 г.), Бразилии (§ 1 ст. 8 Вводного закона 1942 г. к ГК Бразилии).

собственности и образования новых субсидиарных коллизионных норм по принципу «общее правило – исключение из правила» происходит выделение из объекта правоотношения собственности, осложнённого иностранным элементом, иных категорий объектов. Так, категории «затонувшее морское судно», «строящееся морское судно», закреплённые в КТМ РФ, представляют собой частные случаи категории «морское судно», указанной в ст. 1207 ГК РФ, а морское судно, в свою очередь, является разновидностью понятия «недвижимое имущество», упомянутого в ст. 1205 ГК РФ. Причиной такого деления объекта права собственности является адаптация правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, к усложняющимся хозяйственным отношениям.

Объект права собственности в международном частном праве характеризуется также сложностью определения его границ.¹⁵² В международном частном праве не выработано универсальное определение понятия «объект права собственности», поскольку подходы к установлению круга объектов права собственности в материальном праве государств сильно отличаются. Поэтому международное частное право «заимствует» определение понятия «объект права собственности» из гражданского права. В российском праве понятие объекта права собственности не совпадает с понятием имущества, при этом понятие имущества размыто и в разных случаях обладает различным содержанием: понятие «имущество» может быть как тождественно понятию вещи, так и включать невещественное имущество. В ст. 1205-1206 ГК РФ используется именно термин "имущество" и коллизионная привязка "закон места нахождения имущества".

Кроме того, в законодательстве разных стран понятие объекта права собственности не совпадает. Во-первых, существуют объекты права собственности, характерные только для конкретной правовой системы (например, общинная собственность в Африке).¹⁵³ Во-вторых, даже деление вещей на движимые и

¹⁵² Cuniberti G. (2017) Conflict of Laws: A Comparative Approach: Text and Cases. Edward Elgar Publishing. – Pp. 222-223.

¹⁵³ Hill J., Shúilleabháin M.N. Clarkson & Hill's Conflict of Laws (Fifth edition). OUP Oxford, 2016. – Pp. 437-444.

недвижимые осуществляется по-разному в праве государств. Законодатели разных стран относят к категории недвижимого имущества разный круг объектов, поэтому, например, при пересечении границы государств объект права собственности может "перейти" из категории недвижимости в категорию движимого имущества. В ситуации осложнения частноправовых отношений собственности иностранным элементом размытость понятия "объект права собственности" усиливается за счёт межстрановых различий в подходах к регулированию отношений собственности в материальном праве государств.

Субъектами правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, являются, прежде всего, отечественные и иностранные физические и юридические лица. В законодательстве многих государств закрепляются ограничения на приобретение определенных объектов права собственности иностранцами - прежде всего, недвижимости¹⁵⁴. Также каждое государство определяет виды имущества, ограниченного в обороте. Возможно ограничение перемещения имущества на территорию государства, даже если это имущество признаётся оборотоспособным по праву этого государства¹⁵⁵. Таким образом, круг субъектов и круг объектов права собственности может быть ограничен государством места нахождения имущества и различается между правовыми системами.

¹⁵⁴ Например, статья 3 ФЗ от 24.07.2002 г. №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» разрешает иностранным частным лицам, а также отечественным юридическим лицам, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных частных лиц превышает 50 процентов, обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения только на праве аренды.

¹⁵⁵ Например, ст. 23, ст. 23.1 КВВТ РФ ограничивает возможность перемещения иностранных судов внутреннего водного транспорта, случаями, когда продвижение этого судна разрешается постановлением правительства РФ, когда это судно относится к категории спортивных парусных или прогулочных судов, либо если данное судно арендовано российскими частными лицами при соблюдении ряда условий. Аналогичное ограничение содержится в праве ФРГ: навигация иностранных судов по федеральным внутренним водным путям требует специального разрешения («Erlaubnis zur Fahrt»); данное ограничение не распространяется на суда, плавающие под флагами государств Европейского союза. См. подробнее: Strengthening Inland Waterway Transport Pan-European Co-operation for Progress: Pan-European Co-operation for Progress. European Conference of Ministers of Transport. OECD Publishing, 2006 г. – с. 101-106.

Особенность субъектного состава правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, проявляется в участии т.н. «добросовестных третьих лиц» - более слабой стороны в правоотношении собственности, осложнённом иностранным элементом, - права которых стремится защитить и национальный законодатель, и составители проектов международных конвенций (например, ст. 5. Гаагской конвенция 1958 года).

Учёт интересов оборота (интересов третьих лиц) является важным условием правового регулирования отношений собственности в международном частном праве, поскольку сторонами спора о праве собственности, осложнённого иностранным элементом, зачастую являются лица, не связанные между собой договором и не имеющие возможности заранее предвидеть правовые риски, связанные с осложнением правоотношения собственности иностранным элементом. Ведь споры о праве собственности возникают, например, между первоначальным собственником и добросовестным приобретателем имущества. Или другой пример – спор между продавцом, заключившим с покупателем соглашение о сохранении титула собственности за продавцом до момента полной оплаты товара, передавшим товар покупателю, но не получившим полной оплаты, и последующим покупателем, которому этот товар был перепродан и который оплатил покупную цену этого товара.¹⁵⁶

Необходимость учёта интересов третьих лиц усиливается, поскольку отношение собственности осложняется иностранным элементом и третьи лица как более слабая сторона правоотношения собственности, осложнённого иностранным элементом, могут не знать об этом и не иметь возможности выяснить содержание иностранного права. Именно поэтому сфера применения коллизионного правила (принципа) автономии воли сторон при установлении права, применимого к вещным правам на движимое имущество, традиционно ограничивается действием *inter partes* (между сторонами договора), а в тексте соответствующей нормы, как

¹⁵⁶ Суздалева А.Д. Механизм правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019.№ 9 (112). С. 65.

правило, содержится оговорка «без ущерба для прав третьих лиц». Отсутствие этого ограничения в Законе КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г. (§37 Закона) привлекло внимание большого числа китайских и зарубежных учёных, неоднократно подвергалась критике со стороны китайских юристов-международников¹⁵⁷. Кроме того, новый Закон XXVIII о МЧП Венгрии 2017 года, предоставляя сторонам договора право выбрать право, применимое к переходу права собственности на движимое имущество, не ограничивает его с помощью оговорки «без ущерба для прав третьих лиц»¹⁵⁸, как это закреплено в российском праве, а также в большинстве зарубежных правопорядков.

Вместе с тем, отступление от принципа ограничения сферы применения принципа автономии воли сторон в связи с необходимостью защиты прав третьих лиц также нельзя считать случайностью. В зарубежной доктрине высказывается точка зрения о целесообразности отказа от «неприкасаемости» третьих лиц в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Так, по мнению проф. Ю. Базедов, разрешение спора о праве собственности между продавцом, передавшим товар покупателю на основании соглашения о сохранении титула собственности за продавцом до момента полной оплаты товара, и кредиторами покупателя в пользу кредиторов покупателя в связи с непризнанием действия указанной оговорки в отношении третьих лиц предоставляет им неза заслуженные выгоды¹⁵⁹.

Другой особенностью субъектного состава правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, является возможность существования притязаний одновременно двух лиц в отношении одного и того же объекта права собственности, осуществляемых условиях концепции унитарной собственности, причём требование каждого из них является правомерным. Например, в разных

¹⁵⁷ Leibkühler, P. (2013). Symposium “International Private Law in China and Europe”. *Zeitschrift für Chinesisches Recht*, pp. 361-369.

¹⁵⁸ п.1 ст. 45 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г.

¹⁵⁹ Jürgen Basedow. *Lex situs and Beyond - the Case of Movable*. *Korea Private International Law Journal* 22(2), 2016, - с. 437-440.

правовых системах приняты различные подходы к вопросу о добросовестном приобретении ранее похищенного имущества. Допустим, вещь выбыла из владения собственника (украдена) на территории государства А, затем была вывезена в государство В и там продана добросовестному приобретателю. Право государства А допускает правомерное приобретение титула собственности добросовестным приобретателем в отношении похищенных вещей¹⁶⁰, а право государства В не позволяет добросовестному приобретателю краденой вещи стать её собственником. Кроме того, в коллизионном праве государства А термин «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения (прекращения) права собственности» означает момент утраты владения собственником, а в праве государства В - момент приобретения имущества добросовестным приобретателем. Получается, что если невладеющий собственник обратится в суд государства В с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения, то будет применено право государства В, и тогда он будет признан собственником этой вещи. Если же добросовестный приобретатель обратится в суд государства А с иском о признании права собственности, то будет применено право государства А, и добросовестный приобретатель будет признан собственником вещи. С точки зрения коллизионного права, до момента принятия судебного решения оба они могут рассматриваться как собственники одной и той же вещи.¹⁶¹ Причём действия каждого из них являются правомерными и осуществляются в рамках концепции унитарной собственности.

Право собственности предполагает исключение всех третьих лиц из сферы хозяйственного господства собственника над вещью. Однако в рассмотренной выше ситуации получается, что в рамках правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, все лица, никто из которых потенциально

¹⁶⁰ В целях защиты легального оборота собственности многие современные правовые порядки предусматривают возможность правомерного приобретения права собственности добросовестными приобретателями, даже в отношении похищенных вещей (например, ст.1153 ГК Италии).

¹⁶¹ Суздалева А.Д. Механизм правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019.№ 9 (112). С. 65-66.

не может быть признан собственником вещи, должны воздерживаться от посягательств на эту вещь в отношениях с любым лицом, которое потенциально может быть признано собственником этой вещи. Для собственника движимой вещи и третьих лиц это означает наличие высоких издержек на выяснение круга лиц, которые могут быть признаны собственником конкретной вещи, участвующей в имущественном обороте. Причём «действующий» собственник (добросовестный приобретатель) вещи может не знать об осложнении правоотношения собственности иностранным элементом. Например, в ситуации, когда переход права собственности на движимую вещь был осложнён иностранным элементом лишь однажды, а затем эта вещь многократно перепродавалась внутри территории одного государства, так что «действующий» собственник не имеет возможности выявить порок правового титула каждого из своих предшественников. Появление в этом случае «альтернативного» собственника, оспаривающего всю цепочку переходов права собственности, в результате которых «действующий» собственник приобрёл правовой титул, может привести к негативным для него последствиям.

Указанная ситуация показывает одну из главных особенностей механизма правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, - неустойчивость правового титула собственности в международном частном праве по сравнению с внутренними правоотношениями собственности. Неустойчивость правового титула собственности, когда два лица являются собственниками одной вещи и признание собственником одного из них зависит от того, в суде какого государства будет рассматриваться спор между ними, означает угрозу невыполнения важнейшей функции права собственности, заключающейся в разграничении имущественных прав и интересов отдельных субъектов.

В связи с этим модель правомерного поведения, заложенная в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, включает противоречие: субъекты указанных правоотношений, действуя правомерно и в соответствии с моделью поведения, заложенной в соответствующем механизме правового регулирования, не во всех случаях

способствуют эффективности правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, – основной цели механизма правового регулирования. Иными словами, механизм правового регулирования отношений собственности в международном частном праве не всех случаях способен достигнуть своей цели.

Кроме того, в сфере правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, не существует единой модели поведения субъектов, единого перечня субъективных прав и юридических обязанностей для всех собственников, реализующих своё право в рамках указанных правоотношений. Это связано с тем, что правовые системы сильно различаются в вопросах регулирования права собственности, а универсальная конвенция, содержащая материально-правовые нормы, до сих пор отсутствует.

Четвёртый уровень действия механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности предполагает **реализацию прав и обязанностей субъектов** соответствующих правоотношений, то есть такое поведение субъектов правоотношения собственности, осложнённого иностранным элементом, которое приводит к изначально задуманному законодателем (составителем текста международного договора) результату. Как было показано выше, правомерное поведение субъектов правоотношений собственности с иностранным элементом, выражающееся в приобретении титула собственности, может впоследствии быть признано неправомерным. В ситуации с высокой степенью неопределённости факт правомерного приобретения титула собственности на вещь в конечном итоге устанавливается судом - может быть пересмотрена вся цепочка предшествующих переходов права собственности на данную вещь. Тот, кто действовал как собственник правомерно по закону одного государства, может быть признан действующим неправомерно в случае применения закона другого государства, хотя предвидеть применение этого закона данное лицо не могло. Поэтому понятие правомерного поведения собственника и иных лиц, обязанных воздерживаться от посягательств на имущество собственника, размыто.

Кроме того, понятие правомерности поведения субъектов правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, носит относительный характер. Так, предвидя возникновение спора о праве собственности на движимую вещь, субъект указанного правоотношения может переместить эту вещь на территорию иного государства, что может повлечь изменение права, применимого к впоследствии возникшему спору. Таким образом, одни субъекты правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, имеют возможности для воздействия на процесс установления применимого права (и, следовательно, на результат функционирования механизма правового регулирования права собственности в международном частном праве) в ущерб другим субъектам отношений, что недопустимо.

Это утверждение справедливо, например, для случая, когда покупатель перемещает вещь, приобретённую им по договору с условием о сохранении титула собственности за продавцом до момента полной уплаты цены, в правопорядок, не признающий такого рода оговорок. Покупатель ещё не оплатил полную стоимость вещи, но продаёт её третьим лицам на территории этого государства. В случае рассмотрения спора о праве собственности между продавцом вещи и её последующими приобретателями в суде государства местонахождения этой вещи право собственности, вероятнее всего, будет признано за последними. Намерением покупателя по договору с условием о сохранении титула собственности за продавцом было причинение вреда имущественной сфере продавца, однако действия его не рассматриваются как неправомерные с точки зрения закона местонахождения имущества.

В коллизионном праве некоторых государств предусматривается отдельная норма, действие которой направлено на недопущение недобросовестных действий субъектов правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Например, в п. 1 ст. 34 Закона Лихтенштейна о МЧП 1996 г. закрепляется следующее правило: «Изменения места [местонахождения имущества – прим. автора], которые были предприняты с очевидным намерением обхода закона, во внимание не принимаются.»

Пятый уровень действия механизма правового регулирования отношений собственности в международном частном праве предполагает **издание правоприменительного акта** (вынесение судебного решения), в частности, признающего собственником конкретное лицо и признающего действительной всю цепочку предшествующих переходов права собственности, которая в конечном итоге привела к правомерному приобретению титула собственности на эту вещь действующим собственником. В условиях неустойчивости правового титула собственности в сфере правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, этап издания правоприменительного акта играет ключевую роль в регулировании этих правоотношений, поскольку в значительной степени снижает степень изначально свойственной для них правовой неопределённости.

Шестой этап – этап **защиты нарушенного права** - осуществляется, как правило, в национальных судах каждого государства. Споры о праве собственности обычно не рассматриваются в третейских судах - их нет в практике международных коммерческих арбитражных судов. Это отчасти объясняется правовой природой права собственности. Так, потенциальными нарушителями прав собственника имущества являются все иные участники имущественного оборота¹⁶². Поэтому стороны спора о праве собственности, как правило, не знакомы, не могут предвидеть возникновение спора и заранее договориться о рассмотрении его в третейском суде.

Таким образом, выделяются следующие особенности механизма правового регулирования отношений собственности с иностранным элементом, связанные между собой:

¹⁶² В обязательственных правоотношениях, наоборот, нарушителем прав управомоченного лица (кредитора) может стать только обязанное лицо (должник). Поэтому защита прав кредитора ограничивается взаимосвязью кредитора и должника. Поэтому кредитор и должник в обязательственном правоотношении, осложнённом иностранным элементом, имеют возможность заранее договориться о том, что споры между ними будут рассматриваться в международном коммерческом арбитражном суде.

1. Неустойчивость правового титула собственности в международном частном праве по сравнению с чисто внутренними отношениями собственности

2. Признание третьих лиц слабой стороной в правоотношении собственности, осложнённом иностранным элементом

§2.2. Особенности правовых режимов отдельных категорий объектов права собственности в международном частном праве

В этом параграфе выделяются правовые режимы отдельных видов имущества в международном частном праве. Делается вывод о размытости понятия «правовой режим имущества» в международном частном праве, связанный с тем, что одна вещь может быть подчинена различным правовым режимам в зависимости от того, на территории какого государства она находится. Также показано, что для коллизионного регулирования правоотношений собственности характерна конкуренция правовых режимов имущества в отношении одного объекта права собственности, означающая, что один и тот же объект права собственности может одновременно подпадать под действие нескольких правовых режимов.

В процессе выделения правовых режимов отдельных видов имущества в международном частном праве применяются методы анализа и обобщения.

Правовой режим представляет собой порядок правового регулирования, выраженный в совокупности взаимосвязанных правовых средств, создающих «особую направленность регулирования»¹⁶³.

В отечественной науке сформировались два подхода к применению понятия «правовой режим» в отношении коллизионного регулирования отношений собственности: 1) подход, допускающий выделение правовых режимов имущества

¹⁶³ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва, 1989 г. – с. 185.

в коллизионном регулировании (проф. Маковский А.Л., проф. Канашевский В.А.); 2) подход, не предполагающий выделения правовых режимов имущества в коллизионном регулировании отношений собственности (проф. Марышева Н.И.), поскольку коллизионная норма сама по себе ничего не регулирует, а лишь отсылает к правовой системе государства.

Дальнейший анализ проводится в рамках первого из указанных подходов, так как, по нашему мнению, коллизионная норма хотя и не регулирует правоотношения напрямую, но и не является абсолютно «равнодушной» к конечному материально-правовому результату её применения. Об этом пишет проф. Асосков А.В. в своей докторской диссертации «Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств»: по его мнению, коллизионная норма выражает публичные, материальные и др. факторы, оказывающие влияние, в том числе, на конечный результат её применения. Следовательно, в тексте коллизионной нормы закрепляется определённая цель правового регулирования. Например, использование привязки «закон страны назначения» призвано обеспечить благоприятные условия для покупателя товаров, поскольку он, как правило, находится в стране назначения и возможные последующие сделки с указанными товарами будет совершать уже по закону этого государства. Поскольку в тексте коллизионной нормы получает выражение цель правового регулирования и устанавливается желаемый материально-правовой результат, пусть даже косвенно выраженный (подразумеваемый), то значит, можно говорить о возможности выделения правовых режимов имущества в международном частном праве и механизма коллизионно-правового регулирования отношений собственности.

В доктрине международного частного права применяются различные подходы к систематизации правовых режимов имущества. В рамках одного из подходов, основанного на признаках территориальности и государственной принадлежности субъектов правоотношений собственности, выделяются правовой режим имущества иностранных граждан и организаций на территории РФ и правовой режим имущества российских граждан и организаций за рубежом (проф.

Богуславский М.М., проф. Канашевский В.А.). С точки зрения доктрины международного частного права, этот подход отчасти является односторонним, поскольку в рамках данного подхода территория, где потенциально может находиться имущество, в отношении прав на которое возник коллизийный вопрос, подразделяется на территорию Российской Федерации и весь остальной мир; аналогичным образом выделяются группы субъектов права собственности. Однако международное частное право стремится учесть особенности всех правовых систем, а указанная систематизация не способствует созданию унифицированных норм, регулирующих право собственности. С другой стороны, именно такое деление наиболее удобно в процессе правоприменения, поскольку российский суд рассматривает споры о праве собственности с иностранным элементом, различая их в зависимости от того, каким образом сформирована юридическая связь правоотношения собственности с российской правовой системой: является ли спорное имущество принадлежащим российским частным лицам, но находящимся за рубежом либо, наоборот, принадлежащим иностранным лицам, но находящимся на территории РФ.

Представляется целесообразным дополнение указанной выше систематизации путём выделения правового режима имущества частных лиц независимо от их государственной принадлежности, находящегося на территориях с международным правовым режимом, т.е. территориях, над которыми не установлена национальная юрисдикция ни одного государства¹⁶⁴ (например, открытое море, космическое пространство и др.). Основанием для выделения правового режима в отношении данной категории имущества является то, что право, применимое к праву собственности на это имущество, невозможно установить с использованием коллизийной привязки *lex rei sitae* и общий подход в данном случае неприменим. В то же время данная разновидность имущества, как правило, является дорогостоящей. В открытом море действуют морские

¹⁶⁴ Это правило закрепляется в ст. 89 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в ст. II Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.

нефтегазовые платформы, проложены участки газовых трубопроводов. В космическом пространстве находятся космические объекты, в том числе космические спутники. В зарубежной доктрине международного частного права выделяется категория объектов права собственности, находящихся на территории с международным правовым режимом¹⁶⁵. Упоминания о таких объектах можно обнаружить как в тексте международных конвенций¹⁶⁶, так и в российском законодательстве¹⁶⁷. В свете принятия в 2015 году в США Закона о конкурентоспособности в области коммерческих запусков и в 2017 году в Люксембурге Закона о легализации промышленной добычи полезных ископаемых в космосе частными компаниями особую актуальность приобрёл вопрос о правовом режиме небесных тел и природных ресурсов, добываемых частными компаниями в космическом пространстве, как объектов права собственности и соответствии указанных актов положениям Договора по космосу 1967 г.¹⁶⁸ Таким образом, вопросы возникновения и перехода права собственности на объекты, находящиеся на территориях с международным правовым режимом, представляются весьма актуальными, спорными и малоизученными.

Классификация правовых режимов имущества в МЧП в зависимости от свойств объекта права собственности. Другой подход, принятый как в отечественной, так и в зарубежной науке международного частного права, предполагает формирование системы правовых режимов в зависимости от свойств объекта права собственности (Дмитриева Г.К., Каррутерс Дж. М. и др.). В этой связи выделяются правовые режимы недвижимого и движимого имущества.

¹⁶⁵ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. - P. 28.

¹⁶⁶ Ст. VIII Договора по космосу 1967 г.

¹⁶⁷ В соответствии с п. 2 ст. 417 КТМ РФ, к вещным правам на затонувшим в открытом море грузам и иному имуществу, находящихся на морском судне, применяется закон государства флага судна.

¹⁶⁸ Подробнее об этом см.: Штодина И.Ю. Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса //Московский журнал международного права. 2018, №2 - с.71-81.; Юзбашян М.Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право //Московский журнал международного права. 2017, №106(2) – с.71-86.; Волынская О.А. Юбилей Договора по космосу 1967 года //Московский журнал международного права. 2017, №4 – с. 82-95.

Правовые режимы отдельных видов недвижимого имущества в международном частном праве. Особенностью правового режима недвижимого имущества является требование регистрации прав на него. Это связано с тем, что государства стремятся упорядочить интересы отдельных лиц в отношении одного объекта, сделать их публичными и тем самым защитить права третьих лиц. Поскольку деление имущества на движимое и недвижимое определяется вещным статутом, а круг объектов, относимых к категории недвижимого (движимого) имущества в праве различных государств, может отличаться, то в международном частном праве требование государственной регистрации прав на имущество признаётся основным критерием недвижимости.

Как указывает ряд авторов, правовое регулирование отношений собственности, как правило, не вызывает проблем, поскольку недвижимость не пересекает границы государств и поэтому не возникает ситуации мобильного конфликта. Однако это не совсем верно, во-первых, потому что недвижимым имуществом считаются также морские и воздушные суда, способные перемещаться в иностранные правовые порядки, и, во-вторых, потому что даже недвижимые по природе вещи способны быть объектом права собственности, в отношении которого может возникнуть ситуация мобильного конфликта.

Среди правовых режимов недвижимого имущества в международном частном праве необходимо выделить следующие:

1. Правовой режим недвижимости в силу природы
2. Правовые режимы недвижимости в силу закона:
 - 2.1. Правовой режим морских судов,
 - 2.2. Правовой режим судов внутреннего водного плавания,
 - 2.3. Правовой режим воздушных судов,
 - 2.4. Правовой режим космических объектов,
 - 2.5. Правовой режим иных категорий недвижимости в силу закона.

Правовой режим недвижимости в силу природы. В праве большинства государств мира вещные права на недвижимость в силу природы – земельные участки, здания - подчинены территориальному закону (*lex rei sitae*). Это

обусловлено, во-первых, влиянием публичного интереса на формирование правового регулирования прав на землю и, во-вторых, необходимостью учёта прав третьих лиц. Примечательно, что в российском праве фактически действует изъятие из общего правила, закреплённого в ст. 1205 ГК РФ. Так, установленная в п.1 ст.1206 ГК РФ норма, определяющая право, применимое к возникновению и прекращению вещных прав, не различает движимое и недвижимое имущество, из чего можно сделать вывод о том, что действие этой статьи распространяется также на недвижимое имущество (земельные участки, здания, а также зарегистрированные в российских реестрах транспортные средства и космические объекты)¹⁶⁹.

Считается, что недвижимость в силу природы не способна перемещаться через границы государств, поэтому применение п.1 ст. 1206 ГК РФ к праву собственности на эти объекты приводит к тем же результатам, что и применение ст. 1205 ГК РФ, т.е. применению территориального закона. Однако применение этих норм на практике столкнулось с уникальной ситуацией: в связи с присоединением Республики Крым к территории РФ появилась новая категория споров о праве собственности, осложнённых иностранным элементом и связанных с возникновением прав на недвижимое имущество, находившееся на территории Республики Крым (бывшей Автономной Республики Крым, входившей в состав Украины) ещё до принятия её в качестве субъекта в состав РФ. Возник вопрос о том, право какого государства должно быть применено к возникновению права собственности на это имущество – права Украины или права России.

Как отмечают зарубежные исследователи (К. Kreuzer, G. Graveson), аналогичная проблема неоднократно возникала в праве европейских государств¹⁷⁰. С одной стороны, интересы государства местонахождения недвижимого имущества требуют применения к праву собственности на это имущество его

¹⁶⁹ На это обстоятельство указывает также проф. Дмитриева Г.К. Подробнее об этом см.: Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К.Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с.264.

¹⁷⁰ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997.

закона. Этот принцип признаётся в судебной практике и доктрине большинства государств мира. Однако неприменение закона государства, в котором недвижимость находилась в момент возникновения права собственности на неё, противоречит ожиданиям сторон, добросовестно выполнявших требования закона, которому были подчинены отношения собственности в тот момент. Кроме того, формулировка п.1 ст.1206 ГК РФ, действие которой распространяется как на движимое, так и на недвижимое имущество, позволяет применить в этом случае право страны, где имущество находилось момент возникновения прав на него. По данному вопросу сформировалась противоречивая судебная практика. Российские суды в одних случаях, опираясь в своих решениях не на п.1 ст.1206 ГК РФ, а на ст.1205 ГК РФ, применяли российское гражданское право¹⁷¹, в других случаях – применяли право Украины, но обращали внимание на содержание соответствующих норм российского права¹⁷². Позиция Верховного суда РФ также является неоднозначной: Суд в своих определениях руководствовался п.1 ст.1206 ГК РФ и в качестве применимого права указывал право Украины.¹⁷³ Однако в некоторых случаях, наряду с применением к спорному правоотношению украинского права, «принимались во внимание» нормы российского гражданского права.¹⁷⁴ Представляется, что рассматриваемое явление носит временный характер, так как институт исковой давности должен постепенно сократить численность споров, связанных с правоотношениями, возникшими в Республике Крым до даты её присоединения к РФ, при рассмотрении которых российские суды должны учитывать действие законодательства Украины. Вместе с тем, прерывание либо приостановление исковой давности может продлить период, когда будут возникать аналогичные споры¹⁷⁵.

¹⁷¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 августа 2016 г. N Ф10-2575/2016

¹⁷² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 февраля 2016 г. N Ф10-48/2016

¹⁷³ Определение ВС РФ от 12 декабря 2016 г. N 310-ЭС16-16197, Определение ВС РФ от 16 июля 2018 г. N 310-ЭС16-19892

¹⁷⁴ Определение ВС РФ от 30 мая 2016 г. N 310-ЭС16-5713

¹⁷⁵ Монастырский Ю.Э. Режим требований об убытках в условиях расширения территориальной юрисдикции Российской Федерации и вопросы международного частного права //Московский журнал международного права. 2018. №3. – с. 118.

Правовое регулирование права собственности на недвижимость в силу природы может характеризоваться применением сложнейшего коллизионного механизма обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства. Так, если суд иностранного государства компетентен рассматривать спор о праве собственности на недвижимое имущество, находящееся за рубежом, - что допускается в праве Индии, Великобритании и др. государств - то в отношении прав на недвижимость суд, вероятнее всего, применит коллизионное право страны места нахождения недвижимого имущества. Применение механизма обратной отсылки в данном случае призвано исключить ситуацию, когда решение суда не будет признано на том основании, что споры о недвижимом имуществе относятся к исключительной подсудности судов страны местонахождения недвижимого имущества¹⁷⁶.

Правовые режимы недвижимости в силу закона. Недвижимость в силу закона представляет собой особую разновидность имущества в международном частном праве, поскольку, с одной стороны, по природе своей является движимым и способно пересекать границы государств, что в ряде случаев способно привести к возникновению ситуации мобильного конфликта, не характерной для недвижимости в силу природы. С другой стороны, государства распространяют на этот вид имущества правовой режим недвижимости, стремясь таким образом подчинить их своему праву¹⁷⁷. Недвижимостью в силу закона, по российскому праву, являются подлежащие регистрации морские, воздушные суда, суда внутреннего водного плавания, космические объекты. Заинтересованность государств в обеспечении предсказуемости правового регулирования вещных прав на эти виды имущества способствует тому, что соответствующие нормы в большей степени унифицированы, в том числе на универсальном¹⁷⁸ и региональном

¹⁷⁶ Rogerson Pippa (2013). Conflict of Law. 4th edition. Cambridge University Press. – с. 273-276.

¹⁷⁷ Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К.Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с. 258.

¹⁷⁸ См., например, Конвенцию УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г., Женевскую конвенцию о международном признании прав на воздушные суда 1948 г., Конвенцию о регистрации судов внутреннего плавания 1965 г. и др.

уровне¹⁷⁹, по сравнению с нормами, регулируемыми вещные правоотношения с иностранным элементом, возникающие по поводу иных объектов.

Как уже было сказано выше, основным критерием деления имущества на движимое и недвижимое, выработанным доктриной международного частного права, является требование его государственной регистрации. Государственная регистрация приобретает особое значение при регулировании правоотношений собственности с иностранным элементом, возникающих по поводу недвижимости в силу закона, поскольку является основанием для распространения в отношении данной разновидности имущества правового режима недвижимости. В этой связи закономерно является закрепление ограничения сферы применения ст. 1207 ГК РФ: данная норма действует применительно к вещным правам не на все морские, воздушные суда, суда внутреннего водного плавания и космические объекты, но лишь на «подлежащие государственной регистрации». Действительно, в российском праве выделяется ряд категорий воздушных судов, не подлежащих государственной регистрации¹⁸⁰ и рассматриваемых в качестве движимого имущества, а потому вещные права на них не могут быть отнесены к сфере действия ст. 1207 ГК РФ.

Особенностью правового регулирования отношений собственности с иностранным элементом, возникающих по поводу подлежащих регистрации судов и космических объектов, в российском праве является распространение на них сферы действия п.1 ст.1206 ГК РФ, в соответствии с которой возникновение и прекращение прав на имущество подчинено праву того государства, где имущество находилось в момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения (прекращения) права собственности. Таким образом, возникновение прав на них регулируется п.1 ст.1206 ГК РФ, а

¹⁷⁹ См. п. 2 ст. 38 Минской конвенция 1993 г., п.2 ст. 41 Кишинёвской конвенции 2002 г.

¹⁸⁰ Согласно абз.2 п.2 Приказа Министерства транспорта РФ от 18.11.2011 г. № 287 "Об утверждении Порядка государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения", отдельные категории воздушных судов, таких как неуправляемые аэростаты, метеорологические шары-пилоты, а также сверхлегкие воздушные суда с массой конструкции менее 115 кг государственной регистрации не подлежат, а значит, правовой режим недвижимости на эти воздушные суда не распространяется.

осуществление и защита – регулируются ст.1207 ГК РФ, что, в противовес общей тенденции, расширяет возможности для применения к ним иностранного права. Отметим, что в большинстве правовых систем, признающих специальный правовой режим подлежащих регистрации судов, закрепляется иной подход, согласно которому расщепления применимого права не происходит. Вместе с тем, публичный интерес, получающий выражение в специальных нормах, посвящённых вещным правам на подлежащие регистрации суда и космические объекты, не допускает применения к ним принципа автономии воли сторон: п.3 ст.1206 ГК РФ распространяет своё действие только на движимое имущество.

В тех правовых порядках, где специальная коллизионная норма для подлежащих государственной регистрации транспортных средств не предусмотрена (Греция, Италия, Латвия, Литва, Сербия, Лихтенштейн, Люксембург, Словения, Македония и др.), право собственности на них подчинено территориальному закону. Отечественными и зарубежными учёными отмечается недостаток этого подхода, связанный с необходимостью последовательного применения норм различных правовых порядков к праву собственности на один и тот же объект (ситуация мобильного конфликта).

Как отмечает проф. Базедов, ряд конвенций, посвящённых вопросу признания прав на транспортные средства, одной из которых является Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001г. (Кейптаунская конвенция), отражают явную заинтересованность международного сообщества в создании условий, при которых изменение применимого права не ставило бы под угрозу переход прав на транспортные средства¹⁸¹. Терминология, используемая в Конвенции, отличается от той, что принята в национальном праве государств. Так, в тексте Конвенции закрепляется понятие «подвижное оборудование», объединяющее целый ряд разновидностей недвижимости в силу закона, а именно: вертолёты, авиационные двигатели, планеры воздушных судов, космические объекты, железнодорожный подвижной

¹⁸¹ Basedow J. *Lex situs and Beyond - the Case of Movables* // *Korea Private International Law Journal* 22(2), 2016, 434-435.

состав. Положения Конвенции играют важную роль в процессе регулирования правоотношений собственности с иностранным элементом, складывающихся по поводу указанных видов имущества, поскольку в ней закрепляются нормы о способах защиты права собственности потенциального продавца подвижного оборудования в случае неисполнения покупателем обязательства, предусмотренного соглашением о сохранении права собственности за продавцом, или права собственности лизингодателя в случае неисполнения лизингополучателем обязательства по договору ¹⁸².

Правовой режим морских судов. Основной коллизионной привязкой, используемой для установления права, применимого к вещным правам на зарегистрированные морские суда является «закон страны регистрации», закреплённый в ст. 1207 ГК РФ, а также в ряде зарубежных кодификаций¹⁸³. Хотя в некоторых зарубежных правовых порядках закрепляются и иные привязки, как-то: «право государства, под флагом или иным опознавательным знаком которого передвигается транспортное средство» ¹⁸⁴, «право государственной принадлежности судна»¹⁸⁵, «закон страны порта приписки»¹⁸⁶. Отметим, что использование указанных коллизионных привязок направлено на то, чтобы независимо от изменения местонахождения морского судна право собственности на него было подчинено закону одного государства, имеющего реальную связь с правоотношением, а не право страны транзита.

Из сферы применения коллизионной привязки «закон страны регистрации» возможны изъятия. В случае, если морское судно по каким-либо причинам вышло из состояния нормального (характерного для него) функционирования, либо были существенным образом изменены его характеристики, то право собственности на

¹⁸² Ст.10, ст.12 Конвенции УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г.

¹⁸³ П.1 § 33 ФЗ Австрии «О международном частном праве» 1978 г. (ред. 2004 г.), ст. 41 Закона о МЧП Албании 2011г., п.2 ст. 127 ГК Нидерландов 2011г., п.3 ст. 46 ГК Португалии 1966 г., п. 3 ст. 45 ГК Восточного Тимора 2011 г., ст. 60 Закона Республики Корея о коллизиях законов 1962 г. (ред. 2001 г.), ст. 547 ГК Монголии 2002 г. и др.

¹⁸⁴ п. 1 § 23 Указа 1979 г. № 13 о МЧП Венгерской Республики

¹⁸⁵ абз.4 §38 Закона о международном частном праве Республики Китай на Тайване 2010 г.

¹⁸⁶ п. 2 ст. 10 ГК Испании 1889 г., ред. 2013 г.

это судно может приобрести правовую связь с правопорядком, иным, чем правопорядок, определяемый в соответствии с привязкой «закон страны регистрации». Существенное изменение характеристик недвижимости вследствие изменения её назначения и характера использования следует рассматривать как уничтожение (гибель) индивидуально-определённой вещи и создание новой вещи, в результате чего ранее зарегистрированное право собственности на это имущество прекращается, что применимо также и к недвижимостям в силу закона.¹⁸⁷ Так, согласно п.2 ст. 417 КТМ РФ, право собственности на затонувшее в открытом море морское судно подчинено закону страны флага судна. Другой пример – п.3 ст. 415 КТМ РФ, в соответствии с которым право собственности на строящееся судно регулируется законом страны, где судно строится либо принято к постройке. В первом случае существенное изменение характеристик объекта уже произошло, во втором – может произойти в процессе строительства морского судна. В указанных случаях использование коллизионной привязки «закон страны регистрации» не во всех случаях обеспечивает выбор правопорядка, наиболее близкого к правоотношению собственности. Выбор применимого права на основе факта регистрации морского судна и прав на него в реестрах государства может быть впоследствии оспорен. Поэтому место коллизионной привязки «закон страны регистрации» занимают иные коллизионные привязки.

Правовой режим судов внутреннего водного плавания. Суда внутреннего водного плавания предназначены для перемещения по рекам в пределах территории государства, то есть ситуация нахождения этих судов вне государственной юрисдикции, характерная для морских судов, в этом случае не представляется возможной. Правоотношения собственности, осложнённые иностранным элементом и возникающие по поводу данной категории объектов, имеют место тогда, когда данное имущество перемещается по внутренним водным путям иностранного государства. В этой ситуации возможно изменение объёма права собственности, осложнение перехода прав на него иностранным элементом.

¹⁸⁷ Семёнов А.В. Вопросы виндикационного иска на морском транспорте //Вестник арбитражной практики. 2016. №1. С. 63.

Так же, как и в случае с морскими судами, государства стремятся не допустить применения иностранного закона к этому дорогостоящему имуществу и подчинить право собственности на него своему праву, что выражается в закреплении специальной коллизионной привязки к закону страны регистрации объекта права собственности как в национальном праве, так и в тексте международных конвенций¹⁸⁸.

Правовой режим судов внутреннего водного плавания, так же, как и в отношении подлежащих регистрации морских судов, во многом обусловлен публичными интересами. Различие между ними заключается в направленности этих интересов. Помимо вышеуказанного, публичный интерес выражается здесь в вопросе об ограничении допуска и перемещения этих судов в пределах территории государства. Ведь внутренние водные пути играют важную роль в обеспечении обороноспособности каждого государства. Так, в законодательстве РФ и ФРГ устанавливаются ограничения допуска иностранных судов внутреннего водного плавания: они допускаются во внутренние воды государства только при наличии специального разрешения. В этом случае изменяется объём права собственности при перемещении этого имущества на территорию этих государств.

Спорным в данном случае представляется соотношение пп.2 ст.1205.1 ГК РФ и ст.1207 ГК РФ. В соответствии со ст. 1207 ГК РФ, правом, применимым к вещным правам на подлежащие регистрации суда внутреннего водного плавания, является закон страны регистрации этих судов. Следовательно, согласно пп.2 ст.1205.1 ГК РФ правом, определяющим оборотоспособность этого имущества, также является закон страны их регистрации. В ситуации, когда суда внутреннего водного плавания перемещаются в иностранный правопорядок, устанавливающий ограничения допуска таких судов и их перемещения в пределах территории государства, утверждение о том, что оборотоспособность судов определяется законом страны их регистрации противоречит суверенитету этого государства. На

¹⁸⁸ Согласно ст. 10 Протокола №1 «О вещных правах на суда внутреннего плавания» к Конвенции о регистрации судов внутреннего плавания 1965 г., право собственности на зарегистрированные суда внутреннего плавания определяется законом их регистрации, за исключением случаев перехода права собственности на них в связи с принудительным исполнением.

наш взгляд, применение пп.2 ст.1205.1 ГК РФ – равно как и пп.6 ст.1205.1 ГК РФ «осуществление вещных прав» - не должно распространяться на случаи осуществления государствами легального контроля над собственностью, находящейся в иностранной юрисдикции.

Правовой режим воздушных судов. Как и в отношении морских судов и судов внутреннего водного плавания, национальный законодатель стремится подчинить право собственности на воздушные суда отечественному праву – посредством применения коллизионной привязки «закон страны регистрации судна» (Россия, Турция, Нидерланды, Бельгия, Тунис).¹⁸⁹ В праве некоторых иностранных государств, например, в праве Венгрии, допускается применение к праву собственности на воздушное судно закона государства, под флагом или иным опознавательным знаком которого передвигается транспортное средство.¹⁹⁰ Использование коллизионной привязки «закона флага судна» к праву собственности на воздушное судно, с одной стороны, способствует фиксации применимого права и избежанию применения права страны транзита, не имеющего реальной связи с правоотношением, но, с другой стороны, расширяет сферу применения к нему иностранного права и создаёт благоприятные условия для коммерческой деятельности.

Особенностью правового режима воздушного судна является регистрация его комплектующих и закрепление правового регулирования права собственности на них. Так, толкование ст. I, ст. V, ст. XVI Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г. позволяет сделать вывод о том, что в Конвенции закрепляются нормы о признании права собственности на каркас воздушного судна, пропеллеры, моторы, радиоаппаратуру и т.д., установленные на борту воздушного судна либо временно снятые с него, а также об их регистрации и переходе права собственности на них в случае продажи во исполнение решения

¹⁸⁹ Symeonides S.C. Choice of Law (Oxford Commentaries on American Law). Oxford University Press, 2016. – P. 572.

¹⁹⁰ п.1 ст.42 Закона Венгерской Республики XXVIII о международном частном праве 2017 г.

суда¹⁹¹. В тексте Кейптаунской конвенции 2001 г. устанавливаются способы защиты права собственности потенциального продавца авиационных двигателей и планеров воздушных судов в случае неисполнения покупателем обязательства, предусмотренного соглашением о сохранении права собственности за продавцом, или права собственности лизингодателя в случае неисполнения лизингополучателем обязательства по договору¹⁹².

В законодательстве некоторых государств закрепляются коллизионные нормы, регулирующие право собственности в отношении иных видов транспортных средств, отличных от выделяемых в российском коллизионном законодательстве. Так, при определении права, регулирующего вещные на права на железнодорожный транспорт, применяется право того государства, в котором железнодорожное предприятие, в чьей эксплуатации находятся средства передвижения, имеет фактическое местонахождение своего главного органа управления¹⁹³, закон государства допуска в эксплуатацию¹⁹⁴, по закону места их регистрации или внесения в реестр¹⁹⁵, по праву страны, осуществляющей его техническое обслуживание¹⁹⁶.

Правовой режим космических объектов. Правовой режим подлежащих регистрации космических объектов определяется тем обстоятельством, что большую часть времени эти объекты находятся в космическом пространстве – в пределах территории с международным правовым режимом, на которой не может быть установлена национальная юрисдикция. В этой связи применение территориального закона при установлении права, применимого к вещным правам на такие объекты, оказывается невозможным. Несмотря на то, что в Договоре о

¹⁹¹ ст. I, ст. V Женевской конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г.

¹⁹² Ст.10, ст.12 Конвенции УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г.

¹⁹³ п. 1 § 23 ФЗ 1978 г. о МЧП Австрии, п.2 ст.23 Закона о МЧП Хорватии 2017 г.

¹⁹⁴ п. 1 ст. 45 Вводного закона 1896 г. к ГГУ (ред. 2009 г.),

¹⁹⁵ п. 2 ст. 10 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.), п.1 ст.23 Закона о МЧП Хорватии 2017 г.

¹⁹⁶ ст. 20 Закона Республики Корея о коллизиях законов 1962 г., ред. 2001 г.

космосе 1967 г.¹⁹⁷ не содержится прямого запрета на приобретение права собственности на небесные тела, тем не менее, наряду с невозможностью национального присвоения подразумевается и невозможность их приобретения частными лицами. Таким образом, по смыслу Договора, объектами права собственности в космическом пространстве могут быть только искусственные (созданные человеком) космические объекты: космические спутники, космические станции. Аналогично тому, в районе открытого моря только искусственные объекты и сооружения – трубопроводы, морские суда и нефтегазовые платформы – способны становиться объектами права собственности.

Согласно ст. VIII Договора по космосу 1967 г., право собственности на зарегистрированный космический объект сохраняется в течение всего периода его нахождения в космическом пространстве и во время нахождения на Земле. Юрисдикция и контроль государства, в реестре которого зарегистрирован этот объект, также сохраняется в период его нахождения в космическом пространстве. Логично, что закон страны регистрации космического объекта представляет собой право, наиболее близкое к правоотношению собственности, возникшему в отношении этого имущества. Устанавливая требование государственной регистрации этих объектов и прав на них, государство признаёт их недвижимым имуществом с тем, чтобы безусловно подчинить регулирование вещных прав на эти объекты своему праву. Однако соответствующая коллизионная норма, подчиняющая право собственности на подлежащий регистрации космический объект закону государства, в реестре которого этот объект зарегистрирован, пока не получила распространения в национальных кодификациях международного частного права. Исключением является российская коллизионная норма, закреплённая в ст. 1207 ГК РФ. Возможно также распространение действия п.1 ст.40 Закона о МЧП Украины 2005 г. (ред. 2016 г.) в отношении прав на

¹⁹⁷ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.

космические объекты¹⁹⁸. Вместе с тем, большинство правовых систем не выделяет подлежащие регистрации космические объекты в качестве самостоятельной разновидности имущества в международном частном праве, в результате чего в случае их нахождения на поверхности Земли, к праву собственности на них в иностранных судах может быть применена привязка *lex rei sitae*, хотя, во-первых, этот подход не соответствует положениям Договора по космосу 1967 г. и, во-вторых, результат применения территориального закона может носить случайный, не имеющий реальной связи с соответствующим правоотношением собственности, характер. В этой связи российский подход, предполагающий применение привязки «закон страны регистрации» применительно к праву собственности на космические объекты, представляется нам в наибольшей степени заслуживающим одобрения.

Заметим, что применение коллизионной привязки «закон страны регистрации» определяет особый правовой режим Международной космической станции (МКС) как имущества. Хотя данная коллизионная привязка не закрепляется в коллизионном праве государств, участвующих в формировании блоков МКС, однако применение закона страны регистрации космического объекта предполагается соглашением о сотрудничестве по МКС между Россией, Канадой, Японией, США и государствами-членами Европейского космического агентства от 29.01.1998 г.¹⁹⁹ Каждое из указанных государств сохраняет юрисдикцию и контроль – и право собственности – на элементы оборудования, предоставляемые им и зарегистрированные в реестрах этого государства. В этой связи МКС представляет собой не единый объект права собственности, но совокупность зарегистрированных космических объектов, принадлежащих разным собственникам-государствам²⁰⁰. Учитывая, что над различными частями станции установлена юрисдикция разных государств, представляется логичным вывод о

¹⁹⁸ В соответствии с п.1 ст. 40 Закона, право собственности, сведения о котором подлежат внесению в государственные реестры, подчинено закону страны регистрации соответствующего имущества.

¹⁹⁹ Ратифицировано Федеральным законом № 164 ФЗ от 29.12.2000 г.

²⁰⁰ Асланова Д.З. Правовой статус Международной космической станции / Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012 – с. 328-329.

том, что в случае перемещения движимой вещи, не являющейся зарегистрированным космическим объектом, (например, личное имущество членов экипажа) из одной части станции в другую изменяется также её вещный статус.

Несмотря на положительные аспекты применения коллизионной привязки «закон страны регистрации» в отношении подлежащих регистрации космических объектов, в некоторых случаях её использование может приводить к нежелательным результатам, а именно – в ситуации, когда зарегистрированные космические объекты переходят в категорию «космического (орбитального) мусора». Так, многочисленные метеорологические, навигационные, телевизионные, научные спутники после прекращения своей работы остаются на земной орбите. Несмотря на то, что собственники отказались от права собственности на спутник, этот объект продолжает находиться под юрисдикцией государства, в реестр которого он был занесён. В свете развития программ сбора и вторичного использования компонентов отработавших спутников возникает вопрос о том, право какого государства должно быть применено к возникновению права собственности на такие объекты и, более того, должно ли применяться право страны регистрации, если утрачена реальная связь между правоотношением собственности на отработавший космический объект и государством бывшего собственника. Кроме того, использование коллизионной привязки «закон страны регистрации» приведёт к практической невозможности реализации программ вторичного использования орбитального мусора, поскольку в этом случае сборщику придётся в отношении каждого объекта соблюдать требования, предъявляемые законом страны регистрации к возникновению права собственности на вещь, от права собственности на которую собственник отказался. К сожалению, данный вопрос пока не урегулирован на международно-правовом уровне.

Требование государственной регистрации космических объектов, выполнение которого обеспечивает сохранение права собственности на них в период их нахождения вне юрисдикции какого-либо государства, ограничивает возможности коммерческой деятельности в космическом пространстве. Учитывая

тот факт, что грузы на МКС сегодня доставляются частными компаниями, представляется целесообразным законодательное закрепление коллизионных норм о праве собственности на движимое имущество, не подлежащее государственной регистрации. Коллизионная норма, которая могла бы быть применена в данном случае, нашла отражение в п.5 ст.40 Проекта Закона о МЧП Уругвая 2016 г.: грузы на транспортных средствах вне государственной юрисдикции считаются находящимися в месте их назначения.

Среди правовых режимов недвижимого имущества необходимо выделить также **правовой режим иных категорий недвижимости в силу закона**. В праве некоторых иностранных государств недвижимостью в силу закона может признаваться достаточно широкий круг объектов, движимых по своей природе, а именно - оборудование и сырьё, используемые на предприятии или ферме, а также звери в лесу, голуби в голубятне, скот и пр.²⁰¹ Представляется, что установление правового режима недвижимости в отношении этого имущества обусловлено стремлением национального законодателя обеспечить единое регулирование права собственности на объект недвижимости и относящееся к нему имущество.

Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту применения территориального закона к правоотношениям собственности с иностранным элементом, возникающим по поводу недвижимости, возможно возникновение большого числа коллизий: в результате смены юрисдикции в месте нахождения недвижимого имущества возникает ситуация мобильного конфликта; ввиду изменения местонахождения недвижимости в силу закона она может приобрести статус движимой вещи и т.д. Для каждой категории недвижимости характерны свои особенности правового регулирования отношений собственности. Установление различных правовых режимов в отношении отдельных разновидностей недвижимого имущества представляется нам оправданным.

Правовые режимы движимого имущества в международном частном праве. Коллизионное регулирование права собственности на движимое имущество,

²⁰¹ Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К.Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с.259.

по замечанию ряда исследователей, вызывает наибольшую сложность. Движимые вещи могут быть перемещены из одного правового порядка в другой, в результате чего изменяется вещный статус правоотношения собственности. Это может приводить к возникновению ситуации мобильного конфликта, а также к неустойчивости правового титула собственности в МЧП, когда из-за различий в системах перехода права собственности одновременно два лица могут быть признаны собственниками одной вещи и только разрешение спора о праве собственности в суде конкретного государства может удостоверить владение титулом собственности конкретным лицом. При этом результат разрешения такого спора будет зависеть от того, в суде какого государства он рассматривается.

Необходимость адаптации правового регулирования к усложняющимся экономическим отношениям влечёт закрепление специальных коллизионных норм в отношении отдельных видов объектов права собственности, что обуславливает выделение правовых режимов движимого имущества:

1) Правовой режим движимых вещей как объектов материального мира

1.1) Правовой режим движимых вещей, возникновение (прекращение) права собственности на которые осложнено различными факторами. В рамках правового режима движимых вещей, возникновение (прекращение) права собственности на которые осложнено различными факторами, в российском праве выделяются:

1.1.1) Правовой режим имущества, являющегося предметом сделки:

- Правовой режим товаров в пути;
- Правовой режим движимой вещи, переход права собственности на которую осложнён применением оговорки о сохранении права собственности за продавцом либо происходит по договору лизинга;

1.1.2) Правовой режим движимой вещи, право собственности на которую возникает в силу приобретательной давности;

1.1.3) Правовой режим имущества ликвидируемого юридического лица.

Помимо указанных выше правовых режимов, в коллизионном праве некоторых иностранных государств в рамках правового режима движимых вещей,

возникновение (прекращение) права собственности на которые осложнено различными факторами, выделяют правовой режим застрахованного имущества, выбывшего из владения собственника помимо его воли²⁰²; правовой режим активов компании, за исключением недвижимого имущества, если они переходят к правопреемнику в целом²⁰³, и др.

Кроме указанных выше правовых режимов имущества, в рамках правового режима движимых материальных вещей в зарубежном коллизионном праве также выделяются: правовой режим «движимого имущества личного характера», или «личного имущества путешественника» (движимых вещей, которые собственник имеет при себе)²⁰⁴; правовой режим вещи, находящейся в залоге²⁰⁵; правовой режим вещи, выбывшей из владения собственника помимо его воли и впоследствии приобретённой добросовестным приобретателем²⁰⁶, в рамках которого выделяется правовой режим похищенных культурных ценностей²⁰⁷; правовой режим

²⁰² Правовой режим застрахованного имущества, выбывшего из владения собственника помимо его воли, закрепляется в праве Нидерландов. Согласно ст. 132 ГК Нидерландов 2011 г., в случае, если вещь выбыла из владения собственника помимо его воли, а причинённый собственнику ущерб был покрыт страховым возмещением, возможность перехода права собственности на эту вещь к страховщику регулируется правом, применимым к выплате страхового возмещения.

²⁰³ См., например, п.2,3 ст.45 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г. Схожая по содержанию норма закреплена в ст. 2.614 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.).

²⁰⁴ Правовой режим «личного имущества путешественника» выделяется в коллизионном праве некоторых иностранных государств. Так, согласно п. 2 ст.43 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., вещные права на находящиеся у пассажира при себе предметы личного пользования определяются по его личному закону. Аналогичная норма содержится в §1 ст.8 Вводного закона к ГК Бразилии 1942 г. (ред. 2018 г.), а также в пп. (с) ст. 2.618 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.). Данную категорию объектов проф. Крёйцер (Karl Kreuzer) определяет как «личное имущество путешественника», которой соответствует коллизионная привязка «личный закон собственника». Однако выделение категории «личное имущество путешественника» является достаточно редким явлением в законодательстве государств – рудиментарным проявлением широко применявшегося ранее к вещным правам на движимое имущество личного закона собственника. Так, ещё в конце XIX века, комментируя §300 Австрийского Гражданского Уложения, подчиняющий вещные права на движимости личному закону собственника, Т.А. Валькер (Walker) назвал эту норму «лишённым значения пережитком теории статутов, неприменяемым судебной практикой». Подробнее об этом см.: Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.: Юридическое изд-во Наркомюста РСФСР, 1924. – С. 84.

²⁰⁵ См., например, п.1 ст.43 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., §2 ст.8 Вводного закона к ГК Бразилии 1942 г. (ред. 2018 г.), ст.1.51 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.)

²⁰⁶ Ст.47 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., п.1, 2 ст. 2.615 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.)

²⁰⁷ Ст. 46 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., п.3 ст. 2.615 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.).

имущества филиала иностранного юридического лица²⁰⁸ и другие. В новейших кодификациях выделяется также правовой режим вещи, являющейся составным элементом другой вещи.²⁰⁹

2) Правовой режим невещественных объектов права собственности, выделяемых в праве зарубежных стран.

В российском праве в рамках правового режима движимых материальных вещей выделяются: 1) правовой режим имущества, являющегося предметом сделки, 2) правовой режим товаров в пути, 3) правовой режим движимой вещи, переход права собственности на которую осложнён применением оговорки о сохранении права собственности за продавцом либо происходит по договору лизинга, 4) правовой режим движимой вещи, право собственности на которую возникает в силу приобретательной давности, 5) правовой режим имущества ликвидируемого юридического лица. Все иные правовые режимы имущества закрепляются в коллизионном праве иностранных государств, а также в текстах международно-правовых актов, в которых РФ не принимает участие. Упоминание этих правовых режимов направлено на отображение общих тенденций развития коллизионного регулирования отношений собственности в МЧП.

Правовой режим движимых материальных вещей как объектов материального мира. В праве большинства государств правовой режим движимого имущества отличается от правового режима недвижимого имущества *возможностью* расщепления применимого права, когда возникновение и прекращение ПС на имущество регулируется законом страны, где имущество находилось в момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности, а осуществление и защита – *lex rei sitae*. П.1 ст. 1206 ГК не делает различий между движимым и недвижимым имуществом, что частично позволяет избежать конфликта квалификации при определении того, является ли вещь движимой или недвижимой. Этот же подход

²⁰⁸ Согласно п.11 ст. 9 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.), право собственности на имущество филиала юридического лица регулируется правом государства, которому принадлежит это юридическое лицо.

²⁰⁹ Ст.39 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г.

применяется в ряде новейших кодификаций МЧП²¹⁰. Хотя в праве некоторых иностранных государств, напротив, коллизийная норма, регулирующая возникновение права собственности на имущество и содержащая специальную коллизийную привязку, применяется только к движимым вещам²¹¹. Закрепление специальной коллизийной нормы, определяющей право, применимое к возникновению права собственности на имущество, призвана обеспечить стабильность приобретения права собственности независимо от изменения вещного статуса.

Правовой режим товаров в пути. Категория «товары в пути» не имеет легального определения, однако используется в бухгалтерском учёте в РФ. В российском законодательстве термин «товары в пути» заменён на термин «движимое имущество, находящееся в пути, право собственности на которое переходит по сделке» (п. 2 ст. 1206 ГК РФ). Особенность правовой конструкции товаров в пути заключается в том, что переход права собственности на них происходит в процессе их транспортировки через границы государств. При этом товары перемещаются через границы государств, не приобретая с соответствующими правопорядками юридической связи, которая позволила бы применить к праву собственности на это имущество право какого-либо из этих государств. Так, в случае временного нахождения товаров в пути в стране транзита отсутствуют причины для применения права этого государства к переходу права собственности на них, поскольку перемещение этого имущества на территорию страны транзита является лишь вопросом удобства транспортировки - даже если кредиторы одной из сторон являются гражданами этого государства.²¹²

В праве различных государств могут применяться разные коллизийные привязки для установления права, применимого к праву собственности на товары в пути. Как правило, это привязка «закон страны отправления» (п. 2 ст. 1206 ГК РФ)

²¹⁰ П.2 ст.39 Закон XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г., п.1 ст.21 Закона о МЧП Хорватии 2017 г., п.1 ст.39 Закон о МЧП Украины 2005 г. (ред. 2016 г.)

²¹¹ См., например, п.1 ст.34 Закона о МЧП Лихтенштейна 1996г.

²¹² Jürgen Basedow (2016). *Lex situs and Beyond - the Case of Movables*. *Korea Private International Law Journal* 22(2), 2016, 433-434.

или «закон страны назначения». При определении применимого права с помощью привязки к праву страны отправления достигается единообразное регулирование возникновения и прекращения права собственности, независимо от дальнейшей перепродажи товаров в пути. С другой стороны, привязка к праву места назначения имущества (как правило, оно совпадает с местом нахождения покупателя) ориентирована на интересы покупателя, поскольку тот, вероятно, заинтересован в продаже находящегося в пути имущества третьим лицам. Обе эти привязки отражают особенности политики государства в экономической сфере. Так, закрепление коллизионной привязки «закон страны назначения» создаёт более благоприятные условия для экспорта товаров с территории государства, в то время как закрепление привязки «закон страны отправления» - условия для импорта товаров.

Правовой режим движимой вещи, право собственности на которую возникает в силу приобретательной давности. Закрепление нормы о возникновении права собственности на движимую вещь в силу приобретательной давности является редкостью среди национальных кодификаций МЧП и отражает высокий уровень и полноту правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Закрепление такой нормы в п.4 ст.1206 ГК РФ является достоинством подхода к регулированию правоотношений собственности, принятому в российском коллизионном праве.

Норма, аналогичная российской коллизионной норме о возникновении права собственности в силу приобретательной давности, содержится в коллизионном праве Венгрии²¹³ - с уточнением о том, что изменение места нахождения вещи само по себе не прерывает срока приобретательной давности. Это дополнение представляется нам удачным, поскольку снижает вероятность возникновения ситуации мобильного конфликта в процессе в течение срока приобретательной давности.

²¹³ П.1, п.4 ст.41 Закон XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г.

Правовой режим невещественных объектов права собственности в коллизионном праве иностранных государств. В зарубежном праве закрепляются специальные коллизионные нормы о вещных правах на невещественное имущество, например, в отношении долговых обязательств (ГК Нидерландов 2011г.). Хотя российское коллизионное право и не содержит норм о вещных правах на невещественное имущество, но в практике российских судов ст. 1206 ГК РФ, изначально применяемая исключительно к правам на вещи, сегодня применяется по аналогии при установлении права, применимого к правам на бездокументарные ценные бумаги. Коллизионные привязки, закрепляемые в зарубежных коллизионных нормах, посвящённых правам на невещественное имущество, отражают принцип, в соответствии с которым имущество считается находящимся в некотором месте. Широко используется приём фиксации фактических обстоятельств его местонахождения: фиксируется либо место нахождения имущества в определённый момент времени, либо момент времени, в который данное имущество находится в определённом месте.

Анализ выделенных и описанных выше правовых режимов имущества показывает, что перечень объектов права собственности, подпадающих под действие того или иного правового режима, различается в коллизионном праве государств. Кроме того, одна и та же вещь, даже находясь в пределах одного правопорядка, может быть подчинена сразу нескольким правовым режимам имущества. Об этом свидетельствует частичное дублирование отдельных групп объектов, выделенных в рамках приведённой выше классификации (например, частичное совпадение категорий «имущество, являющееся предметом сделки» и «находящееся в пути движимое имущество», право собственности на которое также переходит по сделке). Несовершенство данной классификации, основанной на уже сложившейся структуре коллизионного регулирования правоотношений собственности, по сути, отражает особенности современной системы правовых режимов имущества, применяемой при регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом.

Таким образом, особенностями правовых режимов имущества в международном частном праве являются следующие:

1) т.н. «размытость» сфер действия правовых режимов имущества в международном частном праве, предполагающая ситуации смены правового режима объекта права собственности при пересечении границ государств. Из-за различий в материальном праве государств круг объектов права собственности, подпадающих под действие того или иного правового режима имущества в МЧП не является единожды установленным и изменяется от государства к государству: происходит смена правового режима объекта права собственности при пересечении границ государств. Так, один и тот же объект права собственности может перейти из категории движимого имущества в категорию недвижимого, приобрести статус объекта вещных прав либо, напротив, его утратить и т.д. при перемещении через границы государств.

2) конкуренция правовых режимов имущества в международном частном праве, означающая ситуацию, когда один и тот же объект права собственности одновременно подпадает под действие нескольких правовых режимов. Например, подлежащее государственной регистрации морское судно, вещные права на которое подпадают под действие п.2 ст.38 Минской конвенции 1993 г., одновременно может представлять собой имущество, являющееся предметом сделки (п.4 ст.38 Минской конвенции 1993 г.). Ярким примером конкуренции правовых режимов имущества является п.2 ст.1.50 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.), согласно которому правовой режим имущества, переход права собственности на которое осложнён применением оговорки о сохранении права собственности за продавцом, продолжает действовать в случае перемещения этого имущества на территорию Литвы только между сторонами договора, однако в отношениях с третьими лицами это же имущество будет подпадать под действие правового режима движимого имущества.

Конкуренция правовых режимов имущества характеризует правовое регулирование права собственности на товары в пути. Указанные товары подпадают одновременно под действие двух правовых режимов: правового режима

товаров в пути в вопросах возникновения и прекращения права собственности на них и правового режима движимого имущества в вопросах содержания, осуществления и защиты права собственности. Однако после того, как переход права собственности на товары в пути (равно как и их транспортировка) завершится, последующий переход права собственности на них в государстве назначения будет подчинён коллизийной норме о праве собственности на движимые вещи, поскольку отпадут основания считать это имущество товарами в пути.

Другой пример – товары, переход права собственности на которые осложнён применением оговорки о сохранении правового титула за продавцом. В некоторых кодификациях международного частного права предусмотрены специальные коллизийные нормы, посвящённые указанным объектам права собственности. При этом вопросы содержания, осуществления и защиты права собственности на эти товары будут регулироваться с помощью *lex rei sitae*. Аналогично предыдущему примеру, последующий переход права собственности на те же товары, но уже не осложнённый оговоркой о сохранении титула собственности, будет осуществляться в рамках правового режима движимого имущества.

В приведённых примерах конкуренция правовых режимов носит временный характер. При отпадении фактических обстоятельств, обуславливающих действие одного из конкурирующих правовых режимов, их конкуренция прекращается.

Выделение данной особенности коллизийного регулирования отношений собственности – конкуренции правовых режимов имущества в международном частном праве - позволяет сделать вывод о значительном усложнении процесса коллизийного регулирования.

Явление размытости и конкуренции правовых режимов имущества в МЧП в сочетании с процессом либерализации правового регулирования, выражающейся, в частности, в расщеплении коллизийных норм, регулирующих отношения собственности, приводит к ещё большему усложнению процесса сближения права в сфере регулирования правоотношений собственности, поскольку требуются дополнительные усилия для унификации (гармонизации) всё возрастающего

объёма нормативного материала. Кроме того, размытость сфер действия правовых режимов имущества в международном частном праве, усугубляемая процессом расщепления коллизионных норм, приводит к возникновению проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

§3.1. Правовые способы разрешения проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности

*В этом параграфе предлагаются меры по разрешению проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности. Особой сложностью характеризуется сочетание этой проблемы с конкуренцией вещного и обязательственного статутов. Предлагается решение этой проблемы путём установления приоритета вещного статута, который выражается не только в приоритетном применении к правоотношению собственности права, устанавливаемого в соответствии с коллизионным началом *lex rei sitae* или его модификациями, но также в приоритетном применении той из двух конкурирующих коллизионных норм, которая устанавливает большее число ограничений сферы действия коллизионного принципа автономии воли сторон, сужающей сферу применения вещного статута.*

Высокий уровень коллизионного регулирования отношений собственности выражается не только в его полноте и детализированности, но также и в его сложности, когда все элементы системы правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, должны быть логически связаны, непротиворечивы. Главный недостаток коллизионного регулирования отношений собственности – его сложность, выражающаяся во множественном расщеплении норм и многоуровневом характере регулирования - является продолжением его достоинств. Дифференциация коллизионных норм и расщепление коллизионных привязок приводят, в частности, к возникновению проблемы конкуренции коллизионных норм.

В условиях либерализации коллизионного регулирования права собственности одна из его особенностей - конкуренция правовых режимов имущества, - означающая, что одна и та же вещь может быть подчинена одновременно двум правовым режимам имущества, усугубляется в процессе расщепления коллизионных норм, поскольку данный процесс влечёт образование новых специальных коллизионных норм, что повышает вероятность несогласованности сфер их применения.

Проблема конкуренции норм, определяющих право, регулирующее право собственности, выражается в том, что на регулирование правоотношений собственности по поводу одного и того же имущества претендуют одновременно две коллизионные нормы, причём результат их применения может сильно различаться. Выделяется два аспекта проблемы конкуренции норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности: конкуренция коллизионных норм, регулирующих правоотношения собственности, и конкуренция коллизионных норм, осложнённая конкуренцией вещного и обязательственного статутов при установлении права, применимого к отношениям собственности.

Конкуренция коллизионных норм, определяющих право, применимое к отношениям собственности. Повышение уровня специализации правового регулирования отношений собственности с иностранным элементом, обусловленное усложнением хозяйственных отношений, приводит к расщеплению коллизионных норм и выделению новых категорий имущества. Как было показано в пар. 2.2, одной из основных особенностей правового регулирования права собственности в МЧП является т.н. «размытость» и конкуренция правовых режимов имущества. Размытость правовых режимов имущества обусловлена значительными расхождениями в подходах, принятых в материальном праве государств, что порождает ситуации смены правового режима объекта права собственности при пересечении границ государств. Конкуренция правовых режимов в отношении одного объекта права собственности предполагает, что, ситуацию, когда одна и та же вещь одновременно подпадает под действие нескольких правовых режимов (подробнее см. пар. 2.2).

Размытость правовых режимов имущества в МЧП в сочетании с расщеплением коллизионных норм, посвящённых регулированию права собственности, приводит к конкуренции коллизионных норм, регулирующих право собственности на одну и ту же вещь, - в том числе, к конкуренции коллизионных норм, содержащих привязку *lex rei sitae* и её модификации.²¹⁴

Структура коллизионного регулирования права собственности в значительной степени определяется особенностями процесса расщепления норм. В определённых случаях коллизионные нормы о праве собственности могут соотноситься как общие и специальные. Таким способом может быть определено место каждой нормы в структуре коллизионно-правового регулирования отношений собственности, что способствует согласованности норм. Так, например, категория «находящееся в пути движимое имущество» (товары в пути) является частным случаем категории «движимое имущество». Соответственно, коллизионная норма, определяющая право, регулирующее возникновение (прекращение) вещных прав на находящееся в пути движимое имущество, является специальной по отношению к общей норме, закреплённой в п. 1 ст. 1206 ГК РФ. Из п. 3 ст. 1206 ГК следует, что стороны вправе договориться о применимом праве относительно возникновения (прекращения) права собственности на движимое имущество, однако никаких указаний о возможности применения коллизионного принципа автономии воли сторон к вопросам возникновения или прекращения права собственности на находящееся в пути движимое имущество в статье не содержится. Получается, что сфера применения коллизионного принципа автономии воли сторон ограничивается вопросами возникновения и прекращения

²¹⁴ Коллизионные привязки, производные от *lex rei sitae*: коллизионная привязка «закон страны отправления» («закон страны назначения»), привязка «закон страны (места) регистрации», привязка «право страны местонахождения имущества в момент окончания срока приобретательной давности» (п. 4 ст. 1206 ГК РФ, ст. 53 Закона Италии №218 «Реформа итальянской системы МЧП» 1995 г.), привязка «закон страны местонахождения имущества в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения права собственности» (п. 1 ст. 1206 ГК РФ), привязка «закон страны, где имущество затонуло» (п. 1 ст. 417 КТМ РФ), привязка «закон государства, где имущество принято к постройке или строится» (п. 3 ст. 415 КТМ РФ), привязка «закон государства, в котором судно зарегистрировано непосредственно до смены флага» (п. 2 ст. 415 КТМ РФ).

права собственности на движимую вещь, за исключением находящегося в пути движимого имущества.

В иных случаях определить приоритет одной коллизионной нормы перед другой представляется сложной задачей. Например, норму, закреплённую в п.1 ст. 1206 ГК РФ, можно считать специальной по отношению к ст. 1207 ГК РФ, в п.1 ст. 1206 ГК РФ речь идёт о праве, применимом к возникновению и прекращению вещных прав, а не о праве, применимом к вещным правам в целом, как это имеет место в ст.1207 ГК РФ.²¹⁵ С другой стороны, норма, закреплённая в ст. 1207 ГК РФ, также может считаться специальной по отношению к п.1 ст.1206 ГК РФ, поскольку, в отличие от п.1 ст.1206 ГК РФ, ст.1207 ГК РФ устанавливает право, применимое к правам на определённую категорию объектов (подлежащие регистрации транспортные средства и космические объекты), а не в отношении имущества в целом.

Установить соотношение коллизионных норм, регулирующих отношения собственности, не всегда представляется возможным, - например, при установлении права, применимого к праву собственности на морское судно, возникшему у лица в силу приобретательной давности. В этом случае остаётся неясным, какую норму следует применить – п.4 ст.1206 ГК РФ либо ст.1207 ГК РФ. Коллизионные привязки, закреплённые в этих коллизионных нормах, отсылают к различным правовым системам, что оказывает влияние на результат разрешения спора. В этом случае возникает *проблема конкуренции норм о праве собственности*, выражающаяся в том, что на регулирование правоотношений собственности по поводу одной и той же вещи претендуют одновременно две коллизионные нормы, причём результат их применения может сильно различаться.

Представляется, что необходимо разработать методику, позволяющую разрешать проблему конкуренции норм, регулирующих аналогичные или смежные отношения в сфере правоотношений собственности, осложнённых иностранным

²¹⁵ Точка зрения о том, что действие п.1 ст.1206 ГК РФ (как специальной нормы) распространяется в отношении прав на зарегистрированные воздушные и морские суда, а также космические объекты, поддерживается проф. Дмитриевой Г.К. См. подробнее: Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К.Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с.257.

элементом, а именно - определять, с помощью какой из конкурирующих норм следует определять право, применимое к правоотношениям собственности.

Существует ряд способов разрешения проблемы конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности:

1. Проблема конкуренции коллизионных норм может отпасть, если стороны договорились о применимом праве. Недостатком этого способа является то, что коллизионный принцип автономии воли сторон применяется только к переходу прав на определённые виды имущества (как правило, товары в пути либо движимое имущество) по договору. Неопределённость в вопросе о том, к какой категории объектов права собственности относится спорное имущество (является ли оно движимым или недвижимым, относится к категории товаров в пути или нет), автоматически приводит к невозможности однозначного отнесения вопроса перехода прав на спорное имущество к сфере применения принципа (правила) автономии воли сторон. Иными словами, указанный способ разрешения проблемы конкуренции коллизионных норм эффективен только в том случае, когда обе категории объектов, в отношении которых возникает данная проблема, включены в сферу применения принципа автономии воли сторон, и, следовательно, не может рассматриваться в качестве универсально применимого.

2. Проблема конкуренции коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности, может быть решена путём применения принципа наиболее тесной связи. В отличие от принципа автономии воли сторон, принцип наиболее тесной связи закрепляется в законодательстве большинства государств мира и может применяться при установлении права, применимого к праву собственности в отношении любой категории имущества без ограничений. Однако недостатком данного способа решения проблемы конкуренции норм является то, что в этом случае выбор применимого права относится на усмотрение суда. С усложнением экономических отношений усиливается дифференциация коллизионных норм, а значит, число ситуаций конкуренции коллизионных норм будет возрастать. В этой связи возникает потребность в унифицированных подходах к разрешению данной проблемы.

Отнесение этих вопросов на усмотрение суда, напротив, не будет способствовать достижению международного единообразия решений.

3. Возможно также применение подхода, получившего легальное закрепление в законодательстве ряда государств Латинской Америки²¹⁶ и заключающегося в адаптации норм, то есть в осуществлении судьёй «синтеза» материальных норм различных правовых порядков. В результате устранения коллизионной проблемы отпадает также и проблема конкуренции коллизионных норм. Создание новой нормы производится на разовой основе²¹⁷. Однако этот подход так же, как и применение принципа наиболее тесной связи, имеет существенный недостаток, а именно – неспособность обеспечить международное единообразие решений.

4. Проблема конкуренции коллизионных норм также может быть разрешена путём создания «гибридных» коллизионных норм, закрепляемых на законодательном уровне и представляющих собой своеобразные сочетания конкурирующих коллизионных норм. Этот способ получил распространение в новейших кодификациях МЧП. Например, п.1 ст.43 Закон XXVIII от 2017 года о МЧП Венгрии закрепляется норма, регулирующая право собственности на товары в пути, находящиеся в залоге. Другой пример – п.3 ст. 1.50 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.), в соответствии с которым сохранение права собственности на товары в пути за продавцом регулируется законом страны места назначения товаров в пути. Аналогичная норма закреплена в ст.103 ФЗ Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. (с изм. от 2011 г.). Данный способ разрешения проблемы конкуренции коллизионных норм является более эффективным нежели предыдущие способы. Отсутствие единства критериев, в соответствии с которыми происходит формирование «гибридных» коллизионных норм, может быть преодолено в результате углублённого исследования данного вопроса. Однако использование этого способа, по нашему мнению, не является наиболее

²¹⁶ Например, ст. 2538 ГК Аргентины 2015 г., ст. 9 Кодекса МЧП Панамы 2015г., п.V ст. 14 ГК Мексики 1928г. (ред. 2013г.)

²¹⁷ Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В. Новеллы в международном частном праве Аргентины // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2018. № 2. - С. 204-206.

эффективным, поскольку создание «гибридных» норм предполагает перебор всех возможных сочетаний конкурирующих коллизионных норм. Дальнейшая дифференциация коллизионного регулирования отношений собственности и расщепление коллизионных норм повлечёт увеличение числа ситуаций конкуренции коллизионных норм. Поэтому в конечном итоге создание «гибридных» норм приведёт к чрезмерному увеличению правового материала.

5. Решением проблемы конкуренции коллизионных норм может стать создание методики выбора применимой коллизионной нормы. Данный подход не имеет недостатков, присущих указанным выше подходам, а именно: его сфера действия не ограничена, данный подход может быть унифицирован и не умножает количество правового материала. Проиллюстрируем действие общих принципов, составляющих такую методику на примерах.

Конкуренция коллизионных норм, определяющих право, регулирующее возникновение (прекращение) права собственности на движимые вещи и находящееся в пути движимое имущество, может представлять практический интерес, исходя из того, что в национальном законодательстве большого числа государств сфера действия коллизионного принципа автономии воли сторон распространяется только на категорию товары в пути. Однако в действительности указанная правовая ситуация не предполагает возникновения ситуации конкуренции коллизионных норм, поскольку норма, посвящённая товарам в пути, является специальной по отношению к норме о возникновении права собственности на движимое имущество и, соответственно, обладает приоритетом.

Проблема конкуренции норм о праве собственности возникает, когда подлежащее регистрации транспортное средство является предметом сделки международной купли-продажи между частными лицами государств-участников Минской конвенции 1993 г. Если переход права собственности на это транспортное средство регулируется нормой о вещных правах на транспортные средства (п.2 ст.38 Минской конвенции 1993 г.), то к ним должно быть применено право государства регистрации, а если нормой о возникновении и прекращении права собственности на имущество, являющееся предметом сделки, то – закон страны

места совершения сделки (п.4 ст.38 Минской конвенции 1993 г.). Ясно, что ни одна из указанных норм не является специальной по отношению к другой, а потому не может обладать приоритетом по отношению к другой. Однако, подлежащие регистрации транспортные средства признаются недвижимостью в силу закона, в выделении данной категории объектов права собственности в международном частном праве выражен, в том числе, публичный интерес. В этой связи подчинение перехода права собственности на подлежащие регистрации транспортные средства обязательственному статусу согласно п.4 ст.38 Минской конвенции 1993 г. представляется не вполне удачным.

Другой пример - ранее похищенная культурная ценность является одновременно движимым имуществом, которое добросовестный приобретатель имеет при себе («личное имущество путешественника»). Возникает вопрос о том, какой нормой регулируются вопросы осуществления права собственности добросовестным приобретателем культурной ценности - статьёй 6 Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. (материально-правовая норма) или нормами того права, к которому отсылает коллизионная привязка «личный закон собственника» (ст. 47 ГК Португалии 1966 г., п. 3 § 23 Указа 1979 г. № 13 о МЧП Венгерской Республики, ст. 46 ГК Восточного Тимора 2011 г., § 1 ст. 8 Вводного закона 1942 г. к ГК Бразилии). При разрешении данной проблемы необходимо учитывать статус тех правовых актов, в которых содержатся конкурирующие нормы. Так, правила, устанавливаемые международно-правовыми договорами, как правило, обладают приоритетом по отношению к нормам национального права. Кроме того, в случае конкуренции коллизионной нормы и закреплённой в тексте международного договора материально-правовой нормы предпочтение отдаётся материально-правовой норме (п.3 ст.1186 ГК РФ). Следовательно, должна быть применена статья 6 Конвенции.

В случае конкуренции национальной коллизионной нормы о вещных правах на культурные ценности (например, ст. 90 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г.) и коллизионной нормы, посвящённой

вещным правам на личное имущество путешественника, указанные выше критерии неприменимы. Возможно лишь обращение к понятию публичного интереса в праве. Однако в этом случае, скорее всего, речь будет идти об интересах иностранного государства, а не об интересах страны суда. Поэтому приоритет той или иной коллизионной нормы будет определяться по усмотрению суда.

Таким образом, при разрешении проблемы конкуренции коллизионных норм о праве собственности необходимо определить следующее:

1) в каких актах – международно-правовых или внутригосударственных – устанавливаются эти коллизионные нормы, и каким образом определяется соотношение этих актов,

2) присутствует ли публичный интерес в подчинении вещных прав на спорное имущество одной из конкурирующих коллизионных норм,

3) является ли одна из коллизионных норм специальной по отношению к другой. Для этого необходимо заново сформулировать каждую из конкурирующих коллизионных норм таким образом, чтобы стало возможным выделить объект права собственности (например, «имущество, переход права собственности на которое осложнён применением оговорки о сохранении права собственности за продавцом») и тот аспект правоотношения собственности, который урегулирован этой нормой (например, «возникновение права собственности»). В зависимости от выделения объекта права собственности и/или определённого аспекта правоотношения собственности становится возможным выявить, какая из двух коллизионных норм является специальной по отношению к другой. Например, две коллизионные нормы, определяющие право, применимое к возникновению права собственности, соответственно, на «имущество, являющееся предметом сделки» и на «находящееся в пути движимое имущество, право собственности на которое переходит по договору» (товары в пути), - с учётом выполнения иных условий - соотносятся как общая и специальная.

Однако, в некоторых случаях применение указанных принципов всё равно не разрешает проблему конкуренции коллизионных норм - например, в ситуации, когда обе коллизионные нормы о праве собственности закреплены, например, в

тексте одного и того же акта, ни одна из указанных норм не является специальной по отношению к другой и в обособлении этих групп публичный интерес не проявляется, то выбор нормы представляется весьма проблематичным. Такой является конкуренция коллизионных норм, определяющих право, регулирующее возникновение права собственности, соответственно, на находящееся в пути движимое имущество (п.1 ст.1206 ГК РФ) и на имущество ликвидированного юридического лица (п.2 ст.1202 ГК РФ), возникающая, если товары в пути являются одновременно имуществом ликвидированного юридического лица. Обе нормы закреплены в одном акте – ГК РФ, ни одна из них не является специальной по отношению к другой, поэтому ни одна из двух норм не имеет приоритета.

Конкуренция статутов при регулировании отношений собственности может иметь различные проявления. Как правило, под конкуренцией вещного и обязательственного статутов, как правило, понимается ситуация, возникающая в связи с возможностью выбора сторонами права, применимого к возникновению (прекращению) права собственности на движимое имущество по договору – применяется принцип автономии воли сторон (п.1, п.3 ст. 1206 ГК РФ). Происходит расщепление применимого права: возникновение (переход) права собственности подчинён обязательственному статуту, в то время как осуществление и защита права собственности определяются основной коллизионной привязкой вещного статута - *lex rei sitae* («закон места нахождения вещи»). При этом подчинение перехода права собственности на имущество праву, применимому к договору, ограничено оговоркой «без ущерба для прав третьих лиц», т.е. сфера действия обязательственного статута включает только отношения между сторонами договора. Причиной легального закрепления коллизионной нормы, опосредующей конкуренцию статутов, является стремление законодателя обеспечить единство права, применимого к переходу права собственности, и права, регулирующего договорное правоотношение, в рамках которого осуществляется переход права собственности, что создаёт благоприятные условия для внешнеторговой

деятельности.²¹⁸ Так, по мнению проф. Ю. Базедова, подход, связанный с применением *lex rei sitae* в правовом регулировании отношений собственности и суженной сферой применения принципа (правила) автономии воли сторон, сложно совместим с подходом, применимым в правовом регулировании договорных отношений и предполагающим широкое применение этого принципа. И, поскольку причиной заключения большого числа контрактов является оформление перехода права собственности, то несоответствие между правовым регулированием договорных отношений и отношений собственности вызывает опасения²¹⁹.

Ответ на вопрос о том, вещному или обязательственному статуту подчинено спорное правоотношение, оказывает непосредственное влияние на результат разрешения спора, поскольку коллизионные привязки, содержащиеся в коллизионных нормах, определяющих, соответственно, вещный статут или обязательственный статут, отсылают к разным правовым порядкам. Кроме того, разрешение вопроса о том, каким статутом регулируется правоотношение, определяет то, в каких пределах возможно применение принципа автономии воли сторон – ограниченной для вещного статута и практически неограниченной для обязательственного.

Ситуация конкуренции вещного и обязательственного статутов при регулировании перехода права собственности представляет собой один из важных аспектов проблемы разграничения сфер действия статутов в международном частном праве, поскольку чем меньше условий, ограничивающих сферу применения принципа автономии воли сторон, с помощью которого вводится обязательственный статут, тем более ограничена сфера действия вещного статута. Учитывая, что принцип автономии воли сторон различным образом закрепляется в законодательстве каждого государства (а также в отношении различных видов

²¹⁸ Суздаева А.Д. Конкуренция вещного и обязательственного статутов при регулировании перехода права собственности по трансграничным сделкам // Сборник материалов II международной научно-практической конференции им. проф. С.А. Зинченко «Актуальные проблемы правового регулирования и нотариального удостоверения сделок в РФ», РнД, 2019. Ч. II. – с. 64-66.

²¹⁹ Jürgen Basedow (2016). *Lex situs and Beyond - the Case of Movables*. *Korea Private International Law Journal* 22(2), 2016, - с. 436.

имущества в законодательстве одного государства), в большей или меньшей степени сужая сферу действия вещного статута относительно обязательственного, то можно сказать, что мы имеем дело с множеством способов закрепления соотношения вещного и обязательственного статутов, установленного в национальном праве государств.

Отметим, что не каждый случай применения принципа автономии воли сторон при регулировании перехода права собственности по договору влечёт возникновение ситуации конкуренции обязательственного и вещного статутов. Конкуренция статутов имеет место только в том случае, если в коллизионном праве государства закреплён подход, в соответствии с которым стороны вправе подчинить переход права собственности праву, применимому к договору (РФ, Нидерланды). В противном случае стороны могут выбрать право любого другого государства, пусть даже и не связанного с договором, по которому переходит право собственности. Данный подход закрепляется, например, в праве КНР. В этом случае следует говорить о конкуренции вещного статута с правом, избранным сторонами договора в качестве применимого к переходу права собственности.

Заметим, что правоотношения собственности могут быть подчинены обязательственному статуту и вне ситуации его конкуренции с вещным статутом. Согласно ст. 132 ГК Нидерландов 2011 г., в случае, если вещь выбыла из владения собственника помимо его воли, а причинённый собственнику ущерб был покрыт страховым возмещением, возможность перехода права собственности на эту вещь к страховщику регулируется правом, применимым к выплате страхового возмещения.

Помимо случаев, когда к отношениям собственности применяется обязательственный статут, возможна и обратная ситуация, при которой вещный статут применяется к договорным правоотношениям, осложнённым иностранным элементом. Согласно п.1 ст.1213 ГК РФ, в отсутствие выбора сторонами применимого права к договорам, по которым переходит право собственности на недвижимость, применяется право страны местонахождения недвижимого имущества. Применение закона страны местонахождения вещи в данном случае

означает распространение сферы действия вещного статута в области договорного регулирования. Аналогичная норма закреплена в пп.(с) п.1 ст.4 Регламента Рим 1.²²⁰

При регулировании правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, могут также применяться коллизионные привязки, содержащиеся в коллизионных нормах, определяющих личный статут. К примеру, коллизионные привязки «закон государства, которому принадлежит юридическое лицо» - в отношении имущества филиала иностранного предприятия и «личный закон» - для имущества иностранного юридического лица (п. 4 § 23 Указа Венгерской Республики 1979 г. №13 «О международном частном праве», п. 11 ст. 9 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.).²²¹ В российском коллизионном праве привязка к личному закону применяется при установлении права, регулирующего право собственности на имущество ликвидируемого юридического лица.²²² Категория «морское судно, которому временно предоставлено право плавать под флагом другого государства» также предполагает обращение к личному статуту, поскольку коллизионная привязка «закон флага судна», по сути, представляет собой модификацию привязки «личный закон».

С другой стороны, коллизионная привязка *lex rei sitae* может также применяться судами при регулировании семейных правоотношений, осложнённых иностранным элементом. Так, неверное разграничение сферы действия вещного и личного статутов может приводить к ошибкам в процессе правоприменения.

²²⁰ Регламент (ЕС) № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)

²²¹ К числу коллизионных привязок-модификаций привязки «личный закон», применяемых при установлении права, применимого к праву собственности, относятся коллизионные привязки «закон государства, которому принадлежит юридическое лицо» - в отношении имущества филиала иностранного предприятия и «личный закон» - для имущества иностранного юридического лица (п. 4 § 23 Указа Венгерской Республики 1979 г. №13 «О международном частном праве», п. 11 ст. 9 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.), привязка «закон государства флага судна» как модификация личного закона (п. 2 ст. 417 КТМ РФ), «личный закон собственника (путешественника)» (§ 1 ст. 8 Вводного закона 1942 г. к ГК Бразилии, п. 3 § 23 Указа Венгерской Республики 1979 г. №13 «О международном частном праве»), «домиций лица, во владение которого были переданы вещные права» (ст. 111 Кодекса Бустаманте 1928 г.).

²²² п. 2 ст. 1202 ГК РФ

Войтович Е.П., Чернусь Н.Ю. указывают на одну из наиболее распространённых ошибок судов первой инстанции, связанную с отказом в принятии исков о разделе недвижимого имущества супругов, находящегося за рубежом. Суды первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 1205, 1206 ГК РФ, признавали компетенцию иностранного судебного органа по месту нахождения имущества. Однако апелляционные суды пришли к выводу о необходимости применения норм семейного законодательства (ст. 161 СК РФ) в спорах о разделе недвижимого имущества супругов, находящегося на территории иностранного государства²²³. Верховный суд РФ также указал на необходимость определения права, применимого к требованиям о признании права на долю в праве общей собственности супругов на недвижимое имущество, на основании положений семейного законодательства.²²⁴ Однако в ряде двусторонних соглашений, заключённых Российской Федерацией с иностранными государствами, в качестве коллизионной привязки, регулирующей имущественные отношения супругов по поводу недвижимого имущества, устанавливается *lex rei sitae*, а именно – в договорах с Кубой²²⁵, Монголией²²⁶, Латвией²²⁷ и т.д. Другие договоры, заключённые Российской Федерацией - с Литвой²²⁸, Болгарией²²⁹, Азербайджаном²³⁰ и др. государствами, - предусматривают применение привязки к закону страны гражданства супругов или места их жительства.

²²³ Войтович Е.П., Чернусь Н.Ю. Коллизионное регулирование имущественных отношений супругов в Российской Федерации // Семейное и жилищное право, № 2. 2018. С. 7-11.

²²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2014 г. N 78-КГ13-35 // СПС "КонсультантПлюс"

²²⁵ П.5 ст.22 Договора между СССР и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г.

²²⁶ Ст.23 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 20 апреля 1999 г.

²²⁷ П.5 ст. 27 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993г.

²²⁸ Ст.27 Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 июля 1992 года

²²⁹ Ст.23 Договора между СССР и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 19 февраля 1975 года

²³⁰ Ст.27 Договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 года

Как было показано выше, в процессе правового регулирования права собственности, осложнённого иностранным элементом, используются не коллизионная привязка *lex rei sitae* и её модификации, но также и личный закон²³¹ и право, применимое к договору²³². Сфера действия вещного статута не включает в себя всю совокупность правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, но может распространяться за пределы правоотношений собственности – например, в области наследственных правоотношений. Сферы действия статутов не совпадают с обособленными сферами общественных отношений – институтов Особенной части МЧП. Более того, соотношение сфер действия вещного, обязательственного и личного статутов не совпадает в праве различных государств. При этом выбор в пользу применения того или иного статута при регулировании отдельных аспектов правоотношений собственности определяется национальным законодателем в соответствии с нормообразующими факторами, преобладающими в том или ином случае, – факторами, опосредующими индивидуальные коллизионные интересы либо интересы оборота (интересы всех третьих лиц)²³³.

Осложнение проблемы конкуренции коллизионных норм, регулирующих право собственности, конкуренцией вещного и

²³¹ К числу коллизионных привязок – модификаций привязки «личный закон», применяемых при установлении права, применимого к праву собственности, относятся коллизионные привязки «закон государства, которому принадлежит юридическое лицо» - в отношении имущества филиала иностранного предприятия и «личный закон» - для имущества иностранного юридического лица (п. 4 § 23 Указа Венгерской Республики 1979 г. №13 «О международном частном праве», п. 11 ст. 9 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.), привязка «закон государства флага судна» как модификация личного закона (п. 2 ст. 417 КТМ РФ), «личный закон собственника (путешественника)» (§ 1 ст. 8 Вводного закона 1942 г. к ГК Бразилии, п. 3 § 23 Указа Венгерской Республики 1979 г. №13 «О международном частном праве»), «домиций лица, во владение которого были переданы вещные права» (ст. 111 Кодекса Бустаманте 1928 г.).

²³² Например, коллизионная привязка «закон страны места совершения сделки» применяется при определении права, применимого к возникновению и прекращению права собственности на имущество, являющееся предметом сделки (п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г., п. 3 ст. 25 Договора между РФ и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г.)

²³³ О содержании понятия «нормообразующие факторы» см. подробнее: Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора юрид. наук. Специальность 12.00.03. - Москва, 2011.

обязательственного статута. Конкуренцию вещного и обязательственного статута необходимо понимать шире, чем просто ситуацию расщепления применимого права, закреплённую в рамках единой нормы о переходе права собственности по договору. Конкуренция статута может выражаться также в явлении конкуренции коллизионных норм, регулирующих переход права собственности. Так, в соответствии с п. 4 ст. 38 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., возникновение (прекращение) права собственности на имущество, являющееся предметом сделки, подчинено закону страны места совершения сделки, то есть обязательственному статуту. По российскому праву возникновение и прекращение права собственности в этом случае регулируется с помощью привязки-модификации *lex rei sitae* (п.1 ст.1206 ГК РФ). Таким образом, конкуренция вещного и обязательственного статута здесь носит территориальный характер, поскольку отношения по переходу права собственности между российскими частными лицами и частными лицами стран-участниц Минской конвенции 1993 г. будут регулироваться обязательственным статуту, а в спорах с частными лицами всех иных государств – вещным. Однако в том случае, если право собственности на имущество переходит по договору в момент, когда это имущество находится в пути, выбор применимого права в ходе конкуренции вещного и обязательственного статута не является столь очевидным. Согласно п.2 ст.1206 ГК РФ, возникновение права собственности по договору на товары в пути, по общему правилу, регулируется законом страны отправления этого имущества. С одной стороны, норма, посвящённая товарам в пути, является специальной по отношению к норме, закреплённой в Минской конвенции 1993 г., а потому имеет приоритет. С другой стороны, положения международных договоров применяются приоритетно по отношению к национально-правовым нормам.

Конкуренция коллизионных норм, регулирующих переход права собственности по договору, в ряде случаев может означать также конкуренцию различных способов закрепления соотношения вещного и обязательственного статута. Иными словами, конкуренция вещного и обязательственного статута при

регулировании перехода права собственности способна внести неопределённость в вопросе о том, каким образом и в каких пределах возможно применение правила (принципа) автономии воли сторон. Выбор между двумя конкурирующими способами разграничения сфер действия статутов, закреплёнными в законодательстве, по сути, означает необходимость *заново установить это разграничение*. Решение данной проблемы ещё не выработано доктриной международного частного права.²³⁴

Примеры конкуренции коллизионных норм, регулирующих переход права собственности по договору и опосредующих конкуренцию вещного и обязательственного статутов, можно обнаружить в коллизионном праве некоторых иностранных государств. Так, в Книге 10 ГК Нидерландов 2011г. закреплены коллизионные нормы, определяющие право, регулирующее право собственности на имущество, переход права на которое осложнено применением оговорки о сохранении права собственности за продавцом до момента полной оплаты товара, (ст.128 Книги) и на находящееся в пути имущество, права на которое переходят по договору (п.2 ст. 133 Книги). В отношении первой из указанных категорий зарубежный законодатель ограничивает сферу действия автономии воли сторон условием о том, что выбор права сторонами будет действителен только в случае фактического перемещения имущества в государство места его назначения (п.2 ст.128 Книги). Однако в отношении второй категории имущества – товаров в пути - действует, по сути, неограниченная автономия воли: стороны вправе выбрать право, применимое к договору, без дополнительных ограничений (п.2 ст. 133 Книги). Таким образом, в ситуации перехода права собственности по договору на товары в пути с оговоркой о сохранении титула собственности за продавцом до момента полной оплаты товара остаётся неясным, в каких пределах стороны договора вправе осуществлять выбор применимого права.

²³⁴ Суздалева А.Д. Конкуренция вещного и обязательственного статутов при регулировании перехода права собственности по трансграничным сделкам // Сборник материалов II международной научно-практической конференции им. проф. С.А. Зинченко «Актуальные проблемы правового регулирования и нотариального удостоверения сделок в РФ», РнД, 2019. Ч. II. – с. 70-72.

Отметим, что доминирующей в российской правовой науке является точка зрения о том, что вещный статут есть право, применимое к отношениям собственности, осложнённым иностранным элементом ²³⁵. Выделяемый в международном частном праве статут ставится в соответствие «обособленным областями частноправовых отношений» ²³⁶, то есть отдельным институтам международного частного права. Однако, если понятие статута напрямую связывается с конкретным институтом в системе международного частного права, то разграничение сфер действия вещного и обязательственного статутов представляет собой задачу квалификации правоотношения, осложнённого иностранным элементом ²³⁷. Однако квалификация правоотношений в качестве договорных либо вещных не означает обязательного применения к ним, соответственно, *lex rei sitae* или права, определяемого в соответствии с концепцией решающего исполнения, чему имеется множество примеров из области национально-правового регулирования правоотношений, осложнённых иностранным элементом.

Представляется, что под «статутом» следует понимать *право, применимое к отношениям с иностранным элементом, обращение к которому [праву] обусловлено критерием (критериями), соответствующим определённой цели правового регулирования*. В этом случае проблема конкуренции статутов уже не связана с проблемой квалификации спорных правоотношений, а предполагает выбор между конкурирующими *целями правового регулирования*.

Так, основная цель правового регулирования отношений посредством вещного статута заключается в том, чтобы обеспечить защиту интересов всех третьих лиц (интересов оборота), которые потенциально могли бы стать стороной отношений, возникающих по поводу имущества, находящегося в пределах

²³⁵ Международное частное право: учебник /под ред. Г.К. Дмитриевой. - М.: Проспект, 2018. – с. 257.

²³⁶ Зыкин И.С. К вопросу о соотношении вещного и обязательственного статутов. //М.: Статут, 2008 //СПС Консультант Плюс.

²³⁷ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. //Academie de droit international de la Haye. 1997. – p.51.

территории определённого государства. А критерием установления вещного статута, соответствующим данной цели, является территориальный принцип определения применимого права (коллизонная привязка «закон места нахождения вещи»).

В то же время целью правового регулирования посредством обязательственного статута является обеспечение защиты интересов одной из сторон уже заключённой сделки, права которой национальный законодатель считает в большей требующей защиты, с помощью отсылки к наиболее близкому для этой стороны праву (привязка к месту проживания либо основного места деятельности стороны, осуществляющей решающее исполнение по договору (п.1 ст.1211 ГК РФ)), либо обеспечение защиты интересов всех лиц, заключающих сделки в пределах территории одного государства (привязка к месту заключения сделки ²³⁸). Первая из указанных коллизонных привязок соответствует коллизонным интересам отдельных участников правоотношений, осложнённых иностранным элементом (индивидуальным коллизонным интересам), вторая – «закон места заключения сделки», - являясь территориальной формулой прикрепления, опосредует интересы оборота. Несмотря на это, применение привязки “закон места заключения сделки” не способствует устойчивости правового титула в отношении вещи. Так, потенциальный покупатель вещи, проверяя титул продавца, приобретённый им в условиях применения закона места заключения сделки, столкнётся с затруднениями, поскольку достоверно установить место заключения сделки зачастую сложнее, чем местонахождение имущества в момент заключения этой сделки. Место заключения сделки легче изменить или сфальсифицировать, чем место нахождения имущества.

Отметим, что утверждение о том, что вещные правоотношения имеют преимущество перед обязательственными, нельзя механически переносить в

²³⁸ Коллизонная привязка «закон страны места совершения сделки» применяется при определении права, применимого к возникновению и прекращению права собственности на имущество, являющееся предметом сделки (п. 4 ст. 38 Минской конвенции 1993 г., п. 3 ст. 25 Договора между РФ и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г.)

область конкуренции статутов в международном частном праве, а именно – указывать, что на этом основании вещный статут имеет приоритет по отношению к обязательственному. Ведь в первом случае речь идёт о субъективных правах, в то время как статут представляет собой определённый правопорядок, которому подчинено спорное правоотношение.

Вместе с тем, представляется, что вещный статут действительно должен иметь бóльшую силу по сравнению с обязательственным статутом в процессе разрешения проблемы конкуренции статутов при регулировании перехода права собственности по договору – но по иным обстоятельствам. Так, право собственности предназначено разграничивать интересы неопределённого круга лиц в отношении одной вещи. Следовательно, правила такого разграничения должны быть едины и очевидны для всех третьих лиц, а переход права собственности должен соответствовать интересам оборота. В ситуации осложнения правоотношения собственности иностранным элементом коллизионные привязки, содержащиеся в коллизионных нормах, определяющих вещный статут, - *lex rei sitae* и её модификации - в наибольшей степени согласуются с этим требованием.

В ситуации конкуренции различных способов закрепления соотношения статутов при регулировании перехода права собственности вещный статут также должен иметь преимущество. В том случае, когда конкуренция вещного и обязательственного статутов не предусмотрена законодателем, необходимо отдавать предпочтение тому способу разграничения сфер действия статутов, где сфера применения вещного статута шире, а применение принципа автономии воли сторон в большей степени ограничено. Поскольку неизвестно, какая из конкурирующих коллизионных норм должна быть применена приоритетно по отношению к другой, то выбор способа разграничения статутов в пользу более широкого применения принципа автономии воли сторон (и, соответственно, обязательственного статута) может противоречить интересам оборота, соответствие которым является важной задачей правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. В то время как

выбор в пользу сокращения сферы применения принципа автономии воли сторон в не урегулированных в законодательстве случаях хотя и не способствует созданию благоприятных условий для внешнеторговой деятельности, но соответствует интересам оборота.

На наш взгляд, приоритет применения вещного статута по отношению к обязательственному должен по тем же причинам использоваться в тех случаях, когда невозможно разрешить проблему конкуренции коллизионных норм, регулирующих отношения собственности, путём применения указанных выше общих принципов. Например, в ситуации, когда обе коллизионные нормы о праве собственности закреплены, в тексте одного и того же акта, ни одна из указанных норм не является специальной по отношению к другой и в обособлении этих групп не проявляется публичный интерес. Выбор в пользу коллизионной нормы, содержащей привязку *lex rei sitae* или её модификацию, по нашему мнению, в большей степени соответствует интересам третьих лиц.

Таким образом, с усложнением экономических отношений повышается уровень специализации коллизионного регулирования отношений собственности, что приводит к множественному расщеплению норм и выделению новых категорий объектов права собственности в международном частном праве, число которых постепенно растёт и в обособлении которых выражается экономический подход в праве. Развитие процесса коллизионного регулирования должно учитывать особенности этих объектов и проблемы, порождаемые их выделением, в частности, проблемы конкуренции коллизионных норм о праве собственности.

Одновременно с процессом расщепления коллизионных норм, регулирующих право собственности, и выделением новых категорий имущества в МЧП происходит процесс расширения сферы применения принципа автономии воли сторон при регулировании отношений собственности и, следовательно, закреплению различных способов соотношения вещного и обязательственного статута при переходе права собственности по договору. Сочетание этих явлений приводит к закреплению в тексте одного правового акта различных способов разграничения сфер применения вещного и обязательственного статута,

конкурирующих между собой. Разрешение проблемы конкуренции коллизионных норм, осложнённой конкуренцией вещного и обязательственного статутов, при регулировании отношений собственности представляет собой важную задачу, поскольку чрезмерное усложнение коллизионного регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, негативно сказывается на правоприменительной практике.

§3.2. Разрешение проблемы конфликта квалификаций при определении права, подлежащего применению к правоотношениям собственности, осложнённым иностранным элементом

*В данном параграфе доказывается, что сфера действия права, применимого к вещным правоотношениям, установленная в ст. 1205.1 ГК РФ, затрагивает, в том числе, вопросы квалификации понятий, содержащихся в тексте коллизионных норм, посвящённых вещным правам (ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ). Диссертантом анализируются особенности применения способа квалификации понятий и терминов, используемых в процессе коллизионного регулирования отношений собственности, – способа квалификации по праву, регулиющему основное материальное правоотношение (*lex causae*) - в сравнении с квалификацией по *lex fori*. Приводятся следующие ситуации конфликта квалификаций, возникающие при применении способа квалификации понятий по *lex causae*: 1) в случае определения принадлежности имущества к движимому или недвижимому, 2) при толковании понятия «момент, когда имели место действия или иные обстоятельства, послужившие основанием для возникновения (прекращения) вещных прав», 3) в ситуации квалификации объекта гражданских прав в качестве объекта права собственности. В каждом случае предлагается решение проблемы конфликта квалификаций. Также делается вывод о том, что предпосылкой возникновения конфликта квалификаций в процессе коллизионного регулирования отношений собственности является применение способа*

квалификации (толкования) по lex causae к понятиям, представляющим собой скрытые коллизии.

В связи с реформированием Раздела VI части третьей ГК РФ в соответствии с Федеральным законом от 30.09.2013 № 260-ФЗ "О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации" появилась новая ст.1205¹ ГК РФ, подчиняющая праву, применимому к вещным правоотношениям, широкий перечень вопросов, включая: виды объектов вещных прав (в том числе деление вещей к движимые и недвижимые), оборотоспособность объектов вещных прав, виды вещных прав, содержание, осуществление и защиту вещных прав, возникновение и прекращение вещных прав.

В ст. 1205¹ ГК РФ закрепляется сфера действия права, применимого к вещным правоотношениям, т.е. права, устанавливаемого не только в соответствии со ст. 1205 ГК РФ, но также согласно ст. 1206 и ст.1207 ГК РФ. Основанием для этого служит то, что, как было показано в пар. 1.3, ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ представляют собой системное образование взаимосвязанных коллизионных норм, каждая из которых определяет вещный статут. Следовательно, под «правом, подлежащим применению к вещным правам», указанным в ст. 1205.1 ГК РФ, должно пониматься право, определяемое в соответствии со всеми указанными выше статьями, а не только согласно ст. 1205 ГК РФ. Так, в комментарии к ст. 1207 ГК РФ проф. Михеева Л.Ю. и проф. Федосеева Г.Ю. указывают на, что с введением с 1 ноября 2013 г. статьи 1205¹ ГК РФ к вопросам, регулируемым законом страны места регистрации объектов, указанных в ст. 1207 ГК РФ, должны быть отнесены все вопросы, названные в ст. 1205¹ ГК РФ.²³⁹

В прежней редакции Раздела VI ГК РФ один из указанных в ст.1205¹ ГК РФ вопросов – о принадлежности вещи к движимому или недвижимому имуществу – был урегулирован в п.2 ст.1205 ГК РФ, в соответствии с которым данный вопрос разрешался согласно территориальному закону (привязке *lex rei sitae*). В

²³⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI /Под ред. В.П. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014. – с. 85.

комментариях к ст. 1187 ГК РФ проф. Дмитриева Г.К., проф. Маковский А.Л. соглашаются в том, что норма п. 2 ст. 1205 ГК РФ в прежней редакции представляла собой исключение из правил квалификации по закону страны суда (*lex fori*), установленных в ст. 1187 ГК РФ²⁴⁰. К этому же выводу приходит В.П. Звекон, отмечая, что данная статья предусматривала первичную квалификацию понятий движимого и недвижимого имущества, осуществляемой с целью определения применимой коллизионной нормы. В нынешней редакции Раздела VI ГК РФ эта норма уже в иной формулировке «переместилась» в новую ст. 1205¹ ГК РФ.²⁴¹

В отечественной науке международного частного права выделяются различные подходы к пониманию сферы применения ст. 1205¹ ГК РФ. Так, по мнению Дорониной Н.Г., ст. 1205¹ ГК РФ не является изъятием из сферы действия ст. 1187 ГК РФ, но определяет сферу применения общего принципа выбора применимого права, характерного для вещно-правовых отношений. В то же время проф. Маковский А.Л. отмечает, что в сочетании со ст. 1205 ГК РФ новая статья 1205¹ ГК РФ предусматривает «иную квалификацию понятий «недвижимые вещи» и «движимые вещи»» и представляет собой изъятие из общего правила, закреплённого в п. 1 ст. 1187 ГК РФ. Отмечается также, что это правило имеет широкую сферу применения и должно быть отнесено к нормам всех статей Раздела VI ГК, в которых используются указанные понятия.²⁴² Тот факт, что квалификация понятия «объект вещных прав» в соответствии с п. 1 ст. 1205.1 ГК РФ является изъятием из общего правила толкования терминов, закреплённого в ст. 1187 ГК РФ, подтверждается также абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

²⁴⁰ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов и др.; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. — М.: Юристъ, 2002. - комментарий к ст.1205 ГК РФ; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей" (постатейный) (Виноградова Р.И., Дмитриева Г.К., Репин В.С.) Под ред. В.П. Мозолина. Изд-во "ИНФРА-М-НОРМА", 2002. (СПС Консультант Плюс)

²⁴¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI /Под ред. В.П. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014. – с. 85.

²⁴² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). Отв. ред. К.Б. Ярошенко, Н.И. Марышева. Юрид. фирма «Контракт», Москва, 2015. – с. 404.

09.07.2019 г. N 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации".

По нашему мнению, *сфера действия права, применимого к вещным правоотношениям, установленная в новой ст. 1205¹ ГК РФ, затрагивает, в том числе, вопросы квалификации понятий, содержащихся в тексте коллизионных норм, посвящённых вещным правам (ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ)*. Так, если в п. 1 ст. 1205¹ ГК РФ закрепляется иная квалификация понятий, содержащихся в коллизионных нормах, определяющих вещный статут, то нет оснований полагать, что иные пункты этой статьи – п.п. 2-7 ст. 1205¹ ГК РФ не могут применяться для целей квалификации понятий, указанных в коллизионных нормах ст. 1206 и ст. 1207 ГК РФ. Исходя из того, что норма ст. 1206 ГК РФ, так же как и ст. 1205 ГК РФ, устанавливает право, применимое к вещным правоотношениям, ст. 1206 и ст. 1205¹ ГК РФ также предусматривают иную квалификацию понятия «возникновение и прекращение права собственности» - в соответствии с правом страны местонахождения имущества в момент, когда имели юридические факты, явившиеся основанием для возникновения или прекращения права собственности. В соответствии с этим же правом должно определяться понятие «момент, когда имели место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения или прекращения вещных прав (права собственности)» (п. 1 ст. 1206 ГК РФ). То же относится и к ст. 1207 ГК РФ.

Таким образом, из того, что ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ представляют собой системное образование коллизионных норм, каждая из которых устанавливает право, применимое к вещным правоотношениям, а сфера применения этого права закрепляется в ст. 1205¹ ГК РФ, то в соответствии с новой ст. 1205¹ ГК РФ должна осуществляться квалификация не только объектов вещных прав (п. 1 ст. 1205¹ ГК РФ и ст. 1205 ГК РФ), но также и всех требующих квалификации понятий, содержащихся в ст.ст. 1205, 1206 и 1207 ГК РФ.

Исходя из того, что, в соответствии со ст. 1205¹ ГК РФ, квалификация осуществляется по «праву, подлежащему применению к вещным правам», то, соответственно, речь идёт о применении способа квалификации по праву,

применимому к основному материальному правоотношению (*lex causae*). Закрепление этого способа имеет как достоинства, так и недостатки.

Положительным аспектом применения способа квалификации по праву, применимому к вещным правам, является его гибкость. Например, в случае возникновения права собственности на вещь по праву государства, иного чем *lex rei sitae*, установление принадлежности вещи к движимому или недвижимому имуществу согласно *lex rei sitae* может привести к непризнанию действительным соглашения о выборе права, применимого к переходу права собственности, поскольку при перемещении в иной правовой режим (иной *lex rei sitae*) правовой режим данной вещи изменился на режим недвижимости, в отношении которой применение принципа автономии воли сторон не признаётся. К совершенно другому результату приводит квалификация по *lex causae*: при установлении вещного статуса – в соответствии со ст.1205, п.1 ст.1206, п.2 ст.1206, п.4 ст.1206, ст.1207 ГК РФ – квалификация правовых понятий осуществляется в соответствии со «своим» *lex causae*.

Толкование понятий, содержащихся в коллизионных нормах о праве собственности, по *lex causae* связано с большими различиями в материально-правовом регулировании права собственности, закреплённого в национальном праве государств, поскольку при рассмотрении спора о праве собственности с иностранным элементом далеко не всегда возможно найти в праве страны суда аналог правоотношения, возникшего в иностранном правовом порядке. Как справедливо отмечает д.ю.н. Семилютина Н.Г., в современных условиях интернационализации хозяйственно-экономических отношений и расширения сферы применения принципа автономии воли сторон суд не может опираться только на применение способа квалификации по *lex fori*²⁴³.

Нормы, посвящённые квалификации правовых понятий, содержащихся в коллизионных нормах о вещных правах, закреплены в ряде зарубежных

²⁴³ Семилютина Н.Г. Глобализация международных хозяйственных связей, информационные технологии и выход на новый уровень диффузии в праве // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). – С. 138.

кодификаций международного частного права. По законодательству Албании, Литвы, Люксембурга²⁴⁴, право, применимое к вещным правам, определяет принадлежность вещи к движимому или недвижимому имуществу. Наряду с вопросом подразделения вещей на движимые и недвижимые, с помощью *lex causae* определяется содержание вещных прав в праве Австрии, Лихтенштейна, Вьетнама²⁴⁵. В свою очередь, нормы, как и ст.1205¹ ГК РФ, подчиняющие широкий перечень вопросов права собственности праву, применимому к вещным правам, содержатся в законодательстве Нидерландов и Бельгии²⁴⁶, а также в новом Законе XXVIII о МЧП Венгрии 2017 года²⁴⁷.

Избранный способ квалификации понятий, содержащихся в коллизионных нормах, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности, на наш взгляд, представляет собой достоинство российской модели коллизионного регулирования отношений собственности. Положительным аспектом применения способа квалификации понятий по *lex causae* является то, что в условиях несовпадения национально-правовых подходов к регулированию частноправовых правоотношений такая квалификация не влечёт «хромающих» отношений, когда решение, принятое в суде одного государства, впоследствии не признаётся в другом государстве. Квалификация по *lex causae* в большей степени способствует установлению международной гармонии судебных решений. Квалификация по *lex fori* в том случае, если содержание одного и того же понятия в праве разных государств (скрытая коллизия), может создавать благоприятные условия для злоупотребления правом: стороны могут намеренно подавать иск в суд того государства с наиболее благоприятным для них законодательством, поскольку при

²⁴⁴ Ст. 36 Закона о МЧП Албании 2011г., ст. 1.48 ГК Литвы 2000г. (ред. 2011г.), абз.1 ст.16 Договора между Бельгией, Люксембургом и Нидерландами по введению единого закона о МЧП 1954г.

²⁴⁵ П.1 §31 ФЗ о МЧП Австрии 1978г., ст.31, 37 Закона о МЧП Лихтенштейна 1996г., пп.1, 3 ст. 766 ГК Вьетнама 1995г.

²⁴⁶ §1 ст.94 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г., п.4 ст.127 ГК Нидерландов 2011г. Тот же подход свойственен законодательству Макао ввиду того, что, по общему правилу, квалификация понятий, содержащихся в коллизионных нормах, осуществляется в соответствии с *lex causae* (ст.22 ГК Макао 1999г.).

²⁴⁷ Ст. 40 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г.

обращении в суды разных государств различной будет квалификация правового понятия.

Вместе с тем, способ толкования понятий по *lex causae* более сложен в применении нежели толкование по *lex fori*. Квалификация правоотношения по *lex causae* представляется проблематичной сама по себе, потому как заранее неизвестно, на какое право укажет коллизионная норма и, соответственно, право какого государства является *lex causae*²⁴⁸. В литературе отмечается, что закрепление статьи 1205.1 ГК РФ создаёт предпосылки для различного толкования понятий, содержащихся в тексте коллизионных норм, что может приводить к различным правовым последствиям.²⁴⁹ Вместе с тем, квалификация понятия «имущество» по *lex causae* объясняется тесной связью данной категории с правопорядком местонахождения имущества, этот способ был выбран с целью обеспечить согласованное регулирование норм права страны местонахождения имущества.

Рассмотрим по отдельности аспекты правоотношения собственности, получающие толкование в соответствии со ст. 1205.1 ГК РФ.

1) Виды объектов права собственности, в том числе принадлежность имущества к движимым или недвижимым вещам. Как уже было сказано ранее, в вопросах квалификации понятий статьи 1205-1207 ГК РФ представляют собой изъятие из ст. 1187 ГК РФ²⁵⁰, устанавливающей принцип квалификации понятий по закону страны суда (*lex fori*). В соответствии с пп.1 ст.1205¹ ГК РФ, виды объектов права собственности определяются правом, применимым к вещным правам, т.е. по праву, регулирующему основное материальное правоотношение (*lex causae*), которым – в случае толкования ст.1205 ГК РФ - является право страны местонахождения имущества.

²⁴⁸ Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. Изд-во «Юридический центр Пресс», СПб. 2004 - с. 105.

²⁴⁹ Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г., Цирина М.А. Коллизионные вопросы оборота недвижимости в России и за рубежом // Legal Concept. 2019. Т. 18. № 1. – с. 152.

²⁵⁰ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов и др.; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. — М.: Юристь, 2002. //СПС Консультант Плюс

Понятие «виды объектов вещным прав» неоднозначно: непонятно, обозначает ли оно различные классификации имущества или, наряду с ними, также определяет перечень объектов вещных прав. Как справедливо отмечает проф. Доронина Н.Г., правило пп.1 ст. 1205.1 ГК РФ применимо и к квалификации имущества в качестве объекта вещных прав²⁵¹. Так, понятие «виды объектов вещных прав» включает и деление имущества на телесное и бестелесное, заимствованное из римского права и принятое в праве целого ряда зарубежных стран. Своеобразным ограничением процесса толкования по *lex causae* в этом случае является применение оговорки о публичном порядке – в том случае, если иностранное право признаёт некоторые нематериальные блага (например, здоровье человека) в качестве объектов права собственности.

Если считать, что термин «виды объектов вещных прав» означает, в том числе, перечень тех объектов, которые способны быть объектами права собственности, то это означает, что в случае рассмотрения спора о правах на некоторый объект гражданских прав вопрос о правовой природе этого объекта, предполагающий выбор соответствующей коллизионной нормы, будет разрешаться по *lex causae*. Даже если пп.1 ст.1205¹ ГК РФ не предусматривает определение перечня объектов права собственности согласно праву, применимому к вещным правам, то п.2 ст.1187 ГК РФ указывает, что если при определении применимого права юридические понятия, требующие квалификации, известны российскому праву «с другим содержанием», то их квалификация может осуществляться с применением иностранного права. Во всяком случае разрешение всего комплекса вопросов, касающихся видов и содержания вещных прав, видов объектов вещных прав, осуществления вещных прав и т.д., по *lex causae* и, в то же время, определение перечня объектов вещных прав в соответствии с *lex fori* представляется не вполне обоснованным.

В случае применения общей коллизионной нормы о праве собственности на вещи, признаваемые объектами права собственности повсеместно, проблемы не

²⁵¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). Отв. ред. К.Б. Ярошенко, Н.И. Марышева. Юрид. фирма «Контракт», Москва, 2015. – с. 490.

возникает. Однако в том случае, когда в качестве объекта права собственности выступает так называемое «бестелесное имущество», квалификация понятия «имущество» и применение норм о праве собственности значительно осложняется, поскольку права на невещественный объект права собственности не имеют тесной связи с территорией какого-либо государства. Любая «привязка» прав на невещественный объект к праву некоторого государства является юридической фикцией, обеспечивающей прозрачность правового регулирования, выражающуюся в применении одного заранее определённого правила ко всем схожим правоотношениям по поводу данного имущества. Квалификация по *lex causae* представляется сложно осуществимой в отсутствие конкретных критериев определения *lex causae* для различных невещественных объектов.

Раздел VI ГК РФ не содержит специальных правил определения права, применимого к правам на невещественные объекты. Общей нормой, регулирующей вещные права на движимое и недвижимое имущество, является ст.1205 ГК РФ. Поэтому в случае, если, несмотря на всю сложность установления *lex causae* в отношении прав на бестелесное имущество, оно будет установлено и по праву этого государства данный объект способен быть объектом права собственности, то права на это имущество должны регулироваться ст.1205 ГК РФ, даже тогда, когда данный объект имущественных прав не знаком российскому материальному праву.

2) Оборотоспособность объектов права собственности. Ранее упоминалось, что пп.1-7 ст. 1205.1 ГК РФ применяются для квалификации понятий, содержащихся не только в ст. 1205 ГК РФ, но также в ст.ст. 1206-1207 ГК РФ. В вопросе квалификации объекта права собственности в качестве оборотоспособного имущества важно определить то, каким образом осуществляется совместное применение пп.2 ст.1205.1 ГК РФ со ст. 1205 ГК РФ и со ст. 1207 ГК РФ. Как замечают по этому поводу проф. Михеева Л.Ю. и проф. Федосеева Г.Ю., закон

страны места регистрации судна должен быть применён ко всем вопросам, названным в статье 1205.1 ГК РФ.²⁵²

Так, в процессе реформирования Раздела VI части третьей ГК РФ были внесены изменения в ст. 1207 ГК РФ: закону страны регистрации транспортных средств и космических объектов подчинены вещные права на них в целом, включая вопросы оборотоспособности, принадлежности имущества к движимым или недвижимым вещам, виды и содержание вещных прав, а также возникновение, прекращение, осуществление и защита вещных прав. Таким образом, правом, регулирующим основное материальное правоотношение, т.е. вещное правоотношение, возникшее в отношении подлежащего государственной регистрации транспортного средства или космического объекта, - *lex causae* - является закон страны его регистрации, но не закон страны места нахождения имущества. Следовательно, в целях применения ст.1207 ГК РФ оборотоспособность, квалификация объекта вещного права и иные вопросы, указанные в пп. 1-7 ст. 1205.1 ГК РФ, должны быть урегулированы по закону страны регистрации судна или космического объекта, который в силу специфики данного вида имущества зачастую не совпадает с законом страны места его фактического нахождения.

Представляется, что в том случае, когда спорное имущество находится на территории РФ, квалификация данного имущества как оборотоспособного во всех случаях должна производиться в соответствии с законом страны места нахождения имущества, совпадающего с законом страны суда, но не в соответствии с законом страны регистрации судна, предполагающего возможность применения иностранного права. В противном случае нарушается суверенное право государства осуществлять контроль над собственностью, находящейся в пределах его территории.

²⁵² Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / Под ред Крашенинникова П.В. – Москва, Изд-во «Статут», 2014. – с. 91.

Возникает также вопрос, связанный с определением оборотоспособности движимой вещи в соответствии с законом места нахождения имущества (*lex rei sitae*), - особенно в том случае, если эта вещь фактически находится за рубежом (п.1 ст. 1186 ГК РФ), поскольку в некоторых зарубежных правовых порядках считаются оборотоспособными отдельные виды объектов, заключение сделок в отношении которых запрещено законодательством РФ, – наркотических средств, органов и тканей человека и пр. Представляется весьма сомнительным, что российский суд в этом случае будет определять оборотоспособность указанных объектов, находящихся за рубежом, исходя из норм зарубежного права, к которому отсылает привязка «закон места нахождения вещи». Вместе с тем, данная ситуация может быть разрешена путём применения оговорки о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ).

В тех случаях, когда степень оборотоспособности спорного имущества одинаковым образом определяется по российскому законодательству (как закону страны суда) и по закону страны места нахождения имущества, применение пп.2 ст. 1205.1 ГК РФ теряет свою практическую значимость.

В то же время действие пп.2 ст. 1205.1 ГК РФ приобретает практическое значение и не будет ограничено действием ст. 1193 ГК РФ в случае, когда находящееся в иностранной юрисдикции движимое имущество признаётся оборотоспособным по российскому праву, но, по закону страны места нахождения имущества, сделки с этим имуществом запрещены. Квалификация данного имущества как оборотоспособного в соответствии с общим способом квалификации, закреплённом в ст. 1187 ГК РФ, вероятнее всего приведёт к тому, что впоследствии решение российского суда не будет признано в государстве места нахождения имущества как противоречащее его публичному порядку. По этой причине представляется разумным установить правило, в соответствии с которым квалификация объекта права собственности (объекта вещного права) как оборотоспособного должна осуществляться только по закону страны места нахождения имущества.

3) Виды и содержание вещных прав. Несмотря на то, что право собственности является единственной разновидностью вещных прав, повсеместно

признанной в материальном праве государств, применение пп.3 и пп.4 ст. 1205.1 ГК РФ, подчиняющих определение разновидности вещного права и его содержания праву, применимому к вещным правоотношениям, сохраняет своё практическое значение применительно к коллизионному регулированию отношений собственности. Дело в том, что имеются значительные различия в понимании права собственности, принятом в материальном праве каждого государства (см. об этом подробнее в пар. 1.1).

Представляется, что применение пп.3 и пп.4 ст. 1205.1 ГК РФ, посвящённых определению вида и содержания вещного права, должно осуществляться в соответствии с законом страны места нахождения имущества – в силу принципа закрытого перечня вещных прав (*numerus clausus*). Квалификация разновидности вещного права и его содержания не может производиться на основе закона страны регистрации судна (ст. 1207 ГК РФ).

4) Возникновение и прекращение (переход) права собственности. Согласно пп.5 ст. 1205.1 ГК РФ, возникновение и прекращение вещных прав определяется правом, применимым к основному материальному правоотношению, что означает толкование в соответствии с законом страны места нахождения имущества (ст. 1205 ГК РФ); с законом страны, где имущество находилось в момент возникновения права собственности (п.1 ст. 1206 ГК РФ); в соответствии с законом страны отправления (п.2 ст. 1206 ГК РФ); согласно закону страны, где имущество находилось в момент завершения срока приобретательной давности, (п.4 ст. 1206 ГК РФ) или закону страны регистрации судна (ст. 1207 ГК РФ). Как видно, пп.5 ст. 1205.1 ГК РФ предполагает наибольшее число возможных толкований, осуществляемых в зависимости от конкретной ситуации. Вместе с тем, закрепление этого подпункта представляется обоснованным. Логично, что, например, понятие давностного владения должно толковаться в соответствии с правом, применимым к возникновению права собственности в силу приобретательной давности, то есть по закону страны, где находилось имущество в момент окончания срока приобретательной давности (п.4 ст. 1206 ГК РФ). Определение содержания данного понятия в соответствии с законом страны, где

имущество находится в данный момент, может не соответствовать тому содержанию понятия давностного владения, которое в действительности лежало в основе возникновения права собственности на имущество.

То же касается и возникновения права собственности в отношении подлежащих государственной регистрации морских, воздушных судов, судов внутреннего водного плавания и космических средств (ст. 1207 ГК РФ): юридические понятия, содержащиеся в ст. 1207 ГК РФ, должны толковаться в соответствии с законом страны места его регистрации. В противном случае квалификация соответствующих понятий по закону страны места нахождения имущества может привести к непризнанию возникновения права собственности действительным.

5) Осуществление права собственности. Аналогично тому, как ранее был описан процесс определения оборотоспособности объектов вещных прав, в случае толкования положений статьи 1207 ГК РФ согласно пп. 6 статьи 1205.1 ГК РФ («осуществление вещных прав»), т.е. по закону страны регистрации судна, к вопросам осуществления права собственности на иностранное судно, находящееся на территории РФ, возможно применение иностранного права. По нашему мнению, данная ситуация недопустима, поскольку вступает в противоречие с суверенным правом государства контролировать осуществление права собственности в пределах своей территории. Действия, совершаемые собственником с принадлежащим ему имуществом и составляющие понятие «осуществление права собственности», не могут противоречить закону страны фактического местонахождения этого имущества.

В случае же, когда в российском суде рассматривается спор о праве собственности в отношении судна, зарегистрированного в реестре РФ, но в данный момент находящегося на территории иностранного государства, к вопросам осуществления права собственности также должен быть применён *lex rei sitae*, поскольку в противном случае решение российского суда скорее всего не будет признано в иностранном правовом порядке – как нарушающее право иностранного

государства контролировать осуществление права собственности на имущество, находящееся на его территории.

Таким образом, применение пп. 6 ст. 1205.1 ГК («осуществление вещных прав») не вызывает проблем и соответствует ожидаемым результатам их применения только в том случае, когда правом, применимым к основному материальному правоотношению, (*lex causae*) является закон страны места нахождения вещи (ст. 1205 ГК РФ). В этой связи представляется целесообразным исключить возможность толкования понятий, используемых в ст. 1207 ГК РФ, согласно пп. 6 ст. 1205.1 ГК РФ.

б) Защита права собственности. Толкование вопросов защиты вещных прав, согласно пп.7 ст. 1205.1 ГК РФ, ст. 1205 ГК РФ и ст. 1207 ГК РФ, может осуществляться как по закону страны места нахождения вещи, так и по закону страны регистрации судна – в зависимости от того, в отношении какой категории имущества подлежит определению применимое право. Однако это означает, что если морское судно зарегистрировано в реестре иностранного государства, а спор рассматривает российский суд, то возможно рассмотрение вещно-правового иска, правила о котором закреплены в иностранном праве, но не известны российскому праву. Представляется, что данная ситуация так же, как и в ранее описанных случаях, нарушает право каждого государства осуществлять контроль над собственностью в пределах своей территории. По нашему мнению, толкование понятия «защита вещных прав» должно осуществляться в соответствии с законом страны места нахождения вещи.

Таким образом, анализ процесса толкования вопросов, названных в ст.1205.1 ГК РФ, показывает:

1. Необходимость квалификации отдельных аспектов правоотношения собственности, указанных в пп.1, 2, 3, 4, 6, 7 ст. 1205.1 ГК РФ в соответствии с законом страны места нахождения имущества.

2. Целесообразность толкования понятия «возникновение и прекращение права собственности (пп.5 ст. 1205.1 ГК РФ) в соответствии с правом, применимым к вещным правоотношениям и определяемым в ст. 1206 ГК РФ и в ст. 1207 ГК РФ.

В этой связи предлагается дополнить статью 1205.1 ГК РФ пунктом 2 следующего содержания: «Положения пункта 1 настоящей статьи, за исключением подпункта 5, не применяются для целей толкования статьи 1207 ГК РФ.» Данная формулировка позволяет исключить возможность того, что деление имущества на движимое и недвижимое, оборотоспособность и осуществление права собственности и т.д. будет определяться законом страны регистрации судна.

Ситуации конфликта квалификаций, возникающие при регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. В процессе установления права, применимого к вещным правоотношениям, (ст. 1205.1 ГК РФ) могут возникать ситуации конфликта квалификаций, связанных с применением способа квалификации понятий по *lex causae* в условиях наличия большого числа скрытых коллизий в тексте самих коллизионных норм.

Коллизионное регулирование правоотношений собственности сопровождается большим числом т.н. «скрытых» коллизий, закреплённых в тексте коллизионных норм. Указанные коллизии предполагают различное толкование текстуально совпадающих терминов в праве государств. Наличие скрытых коллизий осложняет применение способа квалификации понятий по *lex causae*. В то же время одна из особенностей коллизионного регулирования правоотношений собственности - явление «размытости» сфер действия правовых режимов имущества, влекущее возникновение скрытых коллизий, - в сочетании с процессом расщепления коллизионных норм способно привести к возникновению ситуации конфликта квалификаций при регулировании правоотношений собственности. Это связано с тем, что в ходе расщепления коллизионных норм происходит обособление групп правоотношений собственности по категориям имущества и, следовательно, увеличение числа правовых режимов различных видов имущества в международном частном праве. С увеличением количества правовых режимов имущества повышается вероятность межстрановых различий в правовом регулировании права собственности, что затрудняет применение способа квалификации понятий по *lex causae*.

Рассмотрим основные ситуации конфликта квалификаций, которые могут возникать при регулировании отношений собственности.

1. Конфликт квалификаций, связанный с определением принадлежности имущества к движимым или недвижимым вещам.

Представим ситуацию: переход права собственности на воздушные суда определённой категории²⁵³ по договору иностранным покупателем и российским продавцом имел место тогда, когда эти воздушные суда находились на территории РФ. Стороны договорились о применении к переходу права собственности права, применимого к их сделке, - российского права. Затем эти воздушные суда были перемещены в иностранную юрисдикцию, где была произведена их регистрация. Впоследствии между продавцом и покупателем возник спор о праве собственности, принятый к рассмотрению в иностранном суде по месту нахождения воздушных судов. По праву страны суда, эти объекты права собственности являются недвижимостью, в то время как российское право относит их к движимым вещам. При этом право страны суда допускает применение правила (принципа) автономии воли сторон к переходу права собственности на движимое имущество.

В данном случае возникает вопрос о выборе коллизионной нормы, которая должна быть применена. Допустим, иностранная коллизионная норма предписывает определять принадлежность имущества к движимым или недвижимым вещам согласно праву, применимому к вещным правам, то есть в соответствии с *lex causae*. Однако то, право какого государства – РФ или иностранного государства – является *lex causae*, зависит от выбора коллизионной нормы. Установление *lex causae* напрямую влияет на определение принадлежности имущества к движимому или недвижимому. В свою очередь, квалификация имущества как движимого или недвижимого указывает на определённую

²⁵³ Согласно абз.2 п.2 Приказа Министерства транспорта РФ от 18.11.2011 г. № 287 "Об утверждении Порядка государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения", отдельные категории воздушных судов, таких как неуправляемые аэростаты, метеорологические шары-пилоты, а также сверхлегкие воздушные суда с массой конструкции менее 115 кг государственной регистрации не подлежат, а значит, правовой режим недвижимости на эти воздушные суда не распространяется.

коллизийную норму, применительно к которой можно определить «свой» *lex causae*.

В рассмотренной ситуации, ввиду изменения правового режима спорного имущества при перемещении его из одного правового порядка в другой, правомерными являются одновременно две его квалификации по *lex causae* – по праву страны местонахождения имущества в момент возникновения права собственности на него и по праву страны регистрации имущества. Так, в первом случае квалификация объектов права собственности как движимых вещей в соответствии с *lex causae* влечёт признание действительным соглашения о применении российского права к переходу права собственности на спорное имущество. Во втором случае квалификация указанных воздушных судов по *lex causae* – в качестве недвижимого имущества – приводит к применению коллизийной нормы о праве собственности на подлежащие регистрации транспортные средства и установлению применимого права – права страны регистрации. Следствием этого станет непризнание действительным соглашения о выборе права, пусть даже закон страны суда и допускает применение правила (принципа) автономии воли сторон к вещным правам на движимое имущество.

Данную правовую ситуацию было бы более точно обозначить не термином «конфликт квалификаций», а «конкуренция квалификаций», поскольку имеются одновременно две реализации способа квалификации по *lex causae*, применение каждой из которых является правомерным, однако приводит к противоположным результатам.

2. *Конфликт квалификаций, возникающий при установлении права, применимого к правам на невещественное (бестелесное) имущество.*

Решение вопроса о правовой природе бестелесного имущества в гражданском праве напрямую влияет на коллизийное регулирование правоотношений собственности, поскольку, во-первых, признание отдельных видов невещественного имущества объектами права собственности влечёт необходимость закрепления коллизийных норм о праве собственности на эти объекты и определение соотношения этих норм с общей нормой, формулируемой

в ст. 1205 ГК РФ. Во-вторых, толкование термина «имущество» по *lex causae* является исключением из общего правила, установленного в ст.1187 ГК РФ. Квалификация понятий, содержащихся в иных статьях Раздела VI ГК РФ, как правило, осуществляется по *lex fori*. Таким образом, если некоторый объект имущественных прав не признаётся объектом права собственности по российскому праву, а наоборот, определяется обязательственный характер прав на него, то квалификация правоотношений по поводу этого объекта должна осуществляться в соответствии с *lex fori* и к переходу прав на него должна быть применена российская коллизионная норма о праве, подлежащем применению к уступке требования (ст.1216 ГК РФ).

Представим ситуацию: спор о невещественном имуществе рассматривается российским судом, данный объект считается находящимся на территории иностранного государства. В российском законодательстве признаётся обязательственный характер прав на этот объект, а в законодательстве страны его предполагаемого местонахождения – вещный характер (право собственности). В этом случае одинаково возможны два варианта квалификации понятий, содержащихся в коллизионных нормах Раздела VI ГК РФ:

1. Квалификация понятия «имущество» по *lex causae* в соответствии со ст. 1205-1206 ГК РФ: несмотря на обязательственную природу прав на невещественный объект, признаваемую в российском праве, к спорным правоотношениям применяется коллизионная норма о вещных правах. В этом случае права на данный объект (право собственности) подчинены закону страны, к которому отсылает *lex rei sitae*.

2. Квалификация правоотношения по *lex fori* и применение к нему ст. 1216 ГК РФ о праве, подлежащем применению к уступке требования. Допустимость уступки права требования, условия, при которых право требования может быть предъявлено к должнику новым кредитором, будут регулироваться правом, применимым к самому требованию, являющемуся предметом уступки, то есть обязательственным статутом (ст. 1211, 1214 ГК РФ).

В рассмотренном случае допустимо использовать любой из двух способов квалификации, причём применение этих способов приводит к различным результатам. Такая правовая ситуация так же, как и в предыдущих случаях, представляет собой конфликт квалификаций.

Надо отметить, что проблему конфликта квалификаций при установлении права, применимого к праву собственности на невещественное имущество, порождает не само по себе признание его объектом права собственности. Основной причиной являются различия в определении правовой природы отдельных видов невещественных объектов в национальном праве государств. Вопрос о правовой природе невещественных объектов, совмещающих вещно-правовые и обязательственные элементы, является дискуссионным не только в России, но и за рубежом, в частности – вопрос о правовой природе бездокументарных ценных бумаг.²⁵⁴ В отношении данной категории имущества формируется неоднородная судебная практика: при рассмотрении споров, не осложнённых иностранным элементом, российские суды могут признавать обязательственный характер этих объектов гражданских прав²⁵⁵, в то время как в процессе разрешения споров с иностранным элементом бездокументарные ценные бумаги рассматриваются в качестве объектов права собственности²⁵⁶.

Даже в том случае, если российская правовая доктрина полностью откажется от признания вещно-правовой природы отдельных объектов гражданских прав, недопустимо, с точки зрения международного частного права, оставлять пробел в коллизионном регулировании прав на эти объекты. Отсутствие коллизионной нормы, позволяющей установить право, применимое к невещественному имуществу, не способствует обеспечению защиты прав обладателей этого имущества. Неопределённость правил установления права, применимого к правам

²⁵⁴ Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги. Москва, 2002. – С. 27.

²⁵⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 апреля 2016 г. по делу N А58-5534/2015 (Система КонсультантПлюс)

²⁵⁶ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 года по делу N Ф04-2109/2005(14105-А75-11), Ф04-2109/2005(15210-А75-11), Ф04-2109/2005(15015-А75-11), Ф04-2109/2005(14744-А75-11), Ф04-2109/2005(14785-А75-11); Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 1 февраля 2017 г. по делу N А40-81328/2016.

на объекты, распоряжение которыми достаточно часто происходит в имущественном обороте между частными лицами различных государств, негативно влияет на развитие экономической сферы государства. Ведь расширение круга объектов права собственности за счёт включения в него невещественного (бестелесного) имущества является тенденцией, общей для права зарубежных стран²⁵⁷.

3. *Конфликт квалификаций, возникающий в связи с толкованием понятия «момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения права собственности».*

Согласно п.1 ст.1206 ГК РФ, возникновение (прекращение) права собственности регулируется законом страны местонахождения имущества в момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения (прекращения) права собственности. Аналогичные по содержанию коллизионные нормы закрепляются в ряде национальных кодификациях международного частного права (например, п.1 ст. 34 Закона Лихтенштейна о МЧП 1996 г.). Коллизионная привязка, входящая в структуру этой нормы, представляет собой достаточно удачную модификацию *lex rei sitae*, адаптированную к особенностям оборота движимого имущества, поскольку, в соответствии с данной нормой, все споры, связанные с возникновением вещных прав, должны рассматриваться не по законам страны, где вещь находится в момент рассмотрения спора, а по законам страны, где вещь находилась в момент возникновения самого права, что исключает возможность намеренного перемещения вещи в наиболее благоприятный для её владельца правопорядок.

²⁵⁷ Различия в подходах, принятых в материальном частном праве государств, отражаются на коллизионном регулировании правоотношений собственности. Так, коллизионные нормы о праве собственности на невещественное (бестелесное) имущество закрепляются в законодательстве Бельгии (коллизионные нормы о праве собственности на оборотные документы) и Нидерландов (коллизионные нормы о праве собственности на акции, оборотные документы и долговые требования). См. ст.ст. 134-141 ГК Нидерландов 2011г., ст.91 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г. В законодательстве Аргентины не конкретизируются разновидности невещественного имущества, но закрепляется общий принцип, в соответствии с которым права на имущество, в силу своей природы не имеющее фактического места нахождения, регулируются правом места жительства их владельца (ст.2599 ГК Республики Аргентина 2015г.).

В национальном праве государств зачастую предусматривается несколько оснований для возникновения вещного права: передача вещи, заключение договора, регистрация в государственном органе, - поэтому моментом возникновения (прекращения) права собственности считается момент завершения необходимого юридического состава, т.е. момент, когда имело место последнее обстоятельство или действие, предусмотренное законом места нахождения вещи, которое завершает процесс возникновения (прекращения) права собственности. Толкование момента возникновения права собственности как момента завершения юридического состава, необходимого для его возникновения согласно *lex rei sitae*, выработанное в судебной практике государств, но не закреплённое в национальных кодификациях, имеет большое значение, поскольку накопление юридических фактов может происходить на территории нескольких государств. Отсутствие этого правила толкования могло бы привести к усугублению проблемы мобильного конфликта при установлении вещного статуса.

Вместе с тем толкование понятия «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности» вызывает сложности в случае возникновения спора относительно добросовестного приобретения ранее похищенного движимого имущества. Так, перед судом возникает вопрос: что понимать под местом нахождения вещи – территорию государства, где вещь находилась в момент, когда она была изъята из владения собственника, или место, в котором она была приобретена добросовестным приобретателем. Этот вопрос можно сформулировать как вопрос о способе толкования содержания понятия «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения (прекращения) права собственности» - как момент утраты владения собственником либо момент приобретения имущества добросовестным приобретателем. В зависимости от того, как этот вопрос разрешен в том или ином государстве, могут оказаться различными результаты рассмотрения спора, ведь подходы к разрешению проблемы добросовестного приобретения ранее похищенного имущества значительно различаются в законодательстве государств.

Так, в целях защиты легального оборота собственности многие современные правовые порядки предусматривают возможность приобретения права собственности добросовестными приобретателями, даже в отношении похищенных вещей²⁵⁸ (ст.1153 ГК Италии). Проф. Совплан (Sauveplanne J.G.) по этому поводу отмечал, что в тех вопросах, где континентальное право придерживается принципа приоритета защиты прав добросовестного приобретателя, - в тех же вопросах англо-американское право, как правило, предоставляет защиту собственнику²⁵⁹. Как высказался по этому поводу проф. В. Сагаэр (Vincent Sagaert), собственника либо должно сопровождать большое везение — найти своё имущество на территории государства, по закону которого его права будут должным образом защищены, - либо ему необходимо ждать до тех пор, пока его имущество не окажется на территории такого государства.²⁶⁰

По мнению А.Л. Маковского, Е.А. Суханова, в данном случае должно применяться право той страны, где находилась данная вещь, когда была утеряна собственником²⁶¹. Таким образом, стороны спора уже не имеют возможности изменить это место исходя из своих интересов. В то же время место отчуждения рассматриваемой вещи третьему лицу могло быть выбрано специально с целью затруднить защиту собственником его прав.²⁶²

Данная точка зрения получила поддержку в российской судебной практике. Так, в деле об истребовании автокрана, ранее похищенного у собственника на территории ФРГ, а затем проданного добросовестному приобретателю в РФ, в качестве права, применимого к возникновению права собственности, было

²⁵⁸ Король Э.Л. Споры о культурных ценностях: проблемы определения применимого права. //Журнал международного права и международных отношений 2011, № 1. С. 31.

²⁵⁹ Sauveplanne J.G. The Protection of the Bona Fide Purchaser of Corporeal Movable //Comparative Law №29. (1965) ReberZ. – P.651.

²⁶⁰ Vincent Sagaert. Party Autonomy in French and Belgian Law: The Interconnection between Substantive Property Law and Private International Law. - Party Autonomy in International Property Law, Sellier. European Law Publishers, 2011. - P. 134-135.

²⁶¹ Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов и др.; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. — М.: Юристъ, 2002. - Комментарий к ст.1206 ГК

²⁶² Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. С.229.

установлено немецкое право, поскольку факт хищения автокрана произошёл на территории ФРГ²⁶³.

В национальных кодификациях некоторых зарубежных стран по-разному осуществляется толкование понятия «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности». Так, противоположное российскому правилу толкования - как момента приобретения имущества добросовестным приобретателем - закрепляется в тексте специальной коллизионной нормы - ст.131 ГК Нидерландов 2011 г.: «Правовые последствия приобретения вещи от лица, не имеющего права на распоряжение этой вещью, определяются согласно закону страны, на территории которой вещь оказывается в момент её приобретения». В ст. 92 Закона Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г., напротив, установлены коллизионные нормы, исключаящие толкование этого понятия в качестве момента приобретения имущества добросовестным приобретателем²⁶⁴.

Учитывая то, каким образом конкретизируется термин «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности» в национальных кодификациях международного частного права некоторых зарубежных стран, а также принимая во внимание распространённость споров об истребовании имущества из чужого незаконного владения, осложнённых иностранным элементом, представляется разумным также закрепить коллизионную норму, применяемую специально для определения права, регулирующего возникновение права собственности на имущество, выбывшее из владения собственника помимо его воли, в которой получило бы закрепление толкование, предложенное Е.А. Сухановым, А.Л. Маковским.

²⁶³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 4 декабря 2009 г. по делу N А52-1246/2008 (Система КонсультантПлюс)

²⁶⁴ По смыслу статьи, первоначальный собственник вправе выбрать право, применимое к виндикации, между правом страны, где вещь находилась в момент выбытия из его владения, и правом страны местонахождения вещи во время виндикации. Однако, если правопорядок, в котором вещь находилась до её выбытия из владения собственника, не предоставляет защиту добросовестному приобретателю, последний вправе испросить защиту, предоставляемую правом местонахождения вещи во время виндикации.

Толкование понятия «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности» приобретает особое значение в случае возможного конфликта квалификаций. Так, в соответствии с п.1 ст.1206 ГК РФ, вопросы возникновения и прекращения (перехода) права собственности подчинены праву, применимому к праву собственности (*lex causae*), а именно – закону страны местонахождения имущества в момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения или прекращения права собственности (пп.5 ст.1205¹ ГК РФ). Текст нормы, аналогичной п.1 ст.1206 ГК РФ, воспроизводится в практически идентичном виде в законодательстве большинства государств мира, а нормы, аналогичной пп.5 ст.1205¹ ГК РФ, – в национальных кодификациях МЧП некоторых государств. Совместное применение этих двух статей ГК приводит к тому, что момент возникновения юридических фактов, явившихся основанием для возникновения (прекращения) права собственности, также должен определяться *lex causae*. В российской судебной практике толкование этого понятия производится согласно *lex fori*²⁶⁵, однако это не вполне соответствует положениям, закреплённым в действующем законодательстве.

Как уже было сказано, существует двойственность в толковании понятия «момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности». Следовательно, в случае определения применимого права в споре между первоначальным собственником и добросовестным приобретателем суды одних государств будут признавать в качестве *lex causae* право страны местонахождения имущества в момент утраты владения первоначальным собственником, а суды других государств – право страны местонахождения имущества в момент его приобретения добросовестным приобретателем.

Представим ситуацию: имущество выбыло из владения собственника в Великобритании. Затем оно было перемещено на территорию РФ и продано

²⁶⁵ См., например, Постановление ФАС Северо-Западного округа от 4 декабря 2009 г. по делу N А52-1246/2008 (Система КонсультантПлюс)

добросовестному приобретателю. В практике российских судов и в правовой доктрине понятие «момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения права собственности» в этом случае определяется как момент выбытия имущества из владения первоначального собственника, а в английском праве – напротив, как момент приобретения имущества добросовестным приобретателем. Спор рассматривает российский суд.

Исходя из пп.5 ст.1205¹, российский суд обязан толковать понятие «момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения права собственности» согласно *lex causae*, поскольку вопросы перехода права собственности включают, в том числе, и вопросы определения того юридического состава, по завершении которого осуществляется переход права собственности. Правом, применимым к толкованию этого понятия, (*lex causae*) будет английское право, в соответствии с которым «момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения права собственности» трактуется как момент приобретения спорного имущества добросовестным приобретателем. Следовательно, к возникновению и прекращению права собственности на имущество должно быть применено российское право. Получается, что тот *lex causae*, из которого изначально должен исходить суд при определении содержания коллизионной нормы, - английское право - не совпадает с тем конечным *lex causae*, который в итоге будет применён к регулированию правоотношения - российское право, - что противоречит логике самого способа квалификации правовых понятий по *lex causae*.

Причиной возможного конфликта квалификаций является, во-первых, различное толкование момента возникновения (прекращения) права собственности в праве государств, судебной практике и доктрине, но это обстоятельство не может быть устранено. Во-вторых, причиной возникновения конфликта квалификаций является применение способа толкования по *lex causae* в ситуации двойственности толкования терминов, с помощью которых устанавливается *lex causae*. Применение этого способа квалификации в ситуациях, когда от квалификации понятий, содержащихся в тексте коллизионных норм, зависит выбор той или иной

коллизии нормы, может привести к невозможности установления права, применимого к правоотношениям собственности, осложнённым иностранным элементом.

Отметим, что на практике российские судьи не обращаются к *lex causae* при необходимости толкования понятия «момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения либо прекращения права собственности» (п.1 ст.1206 ГК РФ). Вместе с тем, согласно действующему законодательству, а именно – пп.5 ст.1205¹ ГК РФ, толкование этого термина должно осуществляться в соответствии с правом, применимым к праву собственности (*lex causae*). Полностью исключить необходимость толкования данного понятия, а также избежать возникновения вытекающей из него ситуации конфликта квалификаций можно, закрепив в тексте коллизии нормы толкование, принятое в российской науке международного частного права и практике российских судов.

Решение проблемы конфликта квалификаций в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Применение квалификации по праву, регулирующему основное материальное правоотношение, в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, на наш взгляд, является оправданным, поскольку в данном случае толкование правовых понятий, содержание которых различается в праве государств, по *lex fori* не может привести к выбору права, наиболее близкого к правоотношению собственности. Однако применение квалификации по *lex causae* в случаях, когда элементы коллизии нормы, от которых зависит выбор самого *lex causae*, заключают в себе "скрытые коллизии", может приводить к конфликту квалификаций. Термином "скрытая коллизия" описывается ситуация, когда формулировка юридических понятий, обладающих разным содержанием в праве различных государств, совпадает.²⁶⁶

²⁶⁶ Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права: Т. 1-2. – СПб: тип. А. Бенке, 1900. – Т. 1: Кодификация международного частного права. – С. 189.

Ввиду того, что скрытые коллизии, лежащие в основе конфликта квалификаций, возникающего в процессе правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, имеют разную природу, решение проблемы конфликта квалификаций не является единым для всех рассмотренных выше случаев. Скрытую коллизию полностью устранить невозможно, поскольку каждое государство самостоятельно закрепляет содержание того или иного правового понятия в своём законодательстве. Однако в некоторых случаях ситуации скрытой коллизии можно избежать.

Так, коллизию, заключающуюся в понятиях "движимое имущество" и "недвижимость", обладающих различным содержанием в праве государств, можно избежать путём устранения самой ситуации квалификации имущества в качестве движимого или недвижимого. Например, в п.1 ст. 1206 ГК РФ вместо термина "движимое и недвижимое имущество" употребляется "имущество", хотя, по сути, эта норма призвана определять право, применимое к вещным правам на движимое имущество. Использование термина «имущество» в тексте коллизионной нормы, определяющей право, применимое к возникновению (прекращению) права собственности, в некоторых случаях позволяет избежать необходимости устанавливать принадлежность вещи к движимому или недвижимому имуществу в случае изменения правового режима этой вещи при пересечении границ государств.

Данная замена является удачной, в частности, в том случае, когда во время перехода права собственности имущество находилось территории государства, иного, чем указывает *lex rei sitae*. Ввиду того, что недвижимое имущество по природе не может изменять место своего нахождения и пересекать границы государств, для этого вида имущества такая ситуация, как правило, не возникает, а значит, местонахождение этого имущества в момент возникновения права собственности на него совпадает с его обычным местонахождением²⁶⁷. При

²⁶⁷ В некоторых случаях применение к вещным правам на недвижимое имущество иностранного права необходимо, и формулировка п.1 ст.1206 ГК РФ позволяет это осуществить. Так, к возникновению права собственности на недвижимое имущество, находившееся на территории Республики Крым (бывшей Автономной Республики Крым, входившей в состав Украины) ещё

регулировании права собственности на недвижимость в силу закона – подлежащих государственной регистрации морских, воздушных судов, судов внутреннего водного плавания и космических объектов (ст. 1207 ГК РФ) - проблем также не возникает, так как момент возникновения права собственности на них совпадает с моментом их регистрации.

Определение права, применимого к возникновению права собственности на имущество, считающееся движимым как по праву государства, где оно находится, так и по праву, государства, где оно находилось в момент, когда имели место юридические факты, послужившие основанием для возникновения права собственности, сложностей не вызывает. В другом случае - при изменении принадлежности имущества от недвижимого к движимому при пересечении границы государств результат действия ст.1205 и п.1 ст.1206 ГК РФ также совпадает, поскольку, неважно, рассматривается имущество как движимое или недвижимое, в момент завершения юридического состава, необходимого для возникновения права собственности на имущество, это имущество находилось на территории государства, иного, чем *lex rei sitae*.

Обстоятельства, при которых так или иначе потребуются определение принадлежности имущества к движимому или недвижимому в процессе применения этой нормы, возникают только в случае изменения правового режима имущества с движимого на недвижимое при его перемещении из одного правового порядка в другой. Так, завершение юридического состава, необходимого для приобретения права собственности на движимое имущество, происходит тогда, когда имущество ещё находится на территории государства, иного, чем указывает *lex rei sitae*, а завершение юридического состава, требуемого для возникновения права собственности на недвижимое имущество, - в момент регистрации этого имущества в реестре государства *lex rei sitae*, и, следовательно, к переходу права собственности будет применено *lex rei sitae*.

до принятия её в качестве субъекта в состав РФ, по нашему мнению, необходимо применять закон страны, где имущество находилось в момент, когда имели место юридические факты, ставшие основанием возникновения права собственности, т.е. украинское право, а не *lex rei sitae* (российское право). Подробнее об этом см. пар.2.2.

Формулировка коллизионной нормы о возникновении (прекращении) права собственности, содержащая термин «движимое имущество» порождает сложности определения применимого права во всех случаях изменения принадлежности имущества к движимому или недвижимому при пересечении границ государств, в то время формулировка, содержащая термин «имущество», - только в одном случае – когда данное имущество переходит из категории «движимое» в категорию «недвижимое». Поэтому действующая редакция п.1 ст.1206 ГК РФ представляется нам удачной, поскольку, избегая скрытой коллизии, заключённой в понятии «движимое имущество», сокращает вероятность возникновения конфликта квалификаций в ходе применения этой нормы.

Способом избежания скрытой коллизии, заключённой в понятии «момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения (прекращения) права собственности», на наш взгляд, должно стать не умолчание отдельных терминов, как в предыдущем случае, а, напротив, бóльшая детализация этого понятия, исключающая двойственность толкования. Необходимо в тексте коллизионной нормы закрепить то толкование этого термина, которое применяется сегодня в российской судебной практике, с тем чтобы из термина, требующего толкования, он превратился бы в правило определения применимого права. Отсутствие необходимости толковать это понятие исключает возможное возникновение конфликта квалификаций.

Более сложным представляется способ нивелирования конфликта квалификаций, возникающего в связи с включением невещественных объектов гражданских прав в перечень объектов права собственности в праве зарубежных стран. Избежать толкования понятия «имущество» в данном случае невозможно, поскольку невещественные объекты (бестелесное имущество) обладают свойствами, иными, чем вещи. Правовое регулирование прав на невещественный объект характеризуется отсутствием реальной, физической связи этого объекта с правопорядком некоторого государства, невозможностью точно установить его территориальную локализацию. В связи с тем, что избежать ситуации скрытой коллизии применительно к понятию «невещественное имущество» - основной

причины возникновения конфликта квалификаций при применении способа квалификации понятий по *lex causae* - не представляется возможным, то, по нашему мнению, необходимо искать решение непосредственно проблемы конфликта квалификаций.

Одним из способов разрешить эту проблему может стать закрепление специальных коллизионных норм о вещных правах на отдельные виды невещественного имущества. Так, в последнее время в российской правовой литературе высказываются предложения разработать специальное коллизионное регулирование вещных прав на бездокументарные ценные бумаги²⁶⁸. Это решение является эффективным, однако не способствует полному урегулированию конфликта квалификаций, поскольку, ввиду значительных различий в национальных подходах к определению круга объектов вещных прав, всегда будут оставаться объекты, в отношении которых в праве одних государств будет признаваться их вещно-правовая природа, а в праве других – обязательственная. В дальнейшем, в процессе усложнения экономических отношений, количество объектов гражданских прав, обладающих одновременно вещными и обязательственными свойствами, будет расти, а значит, увеличится также число видов имущества, формирующих скрытые коллизии в международном частном праве. Поэтому, помимо специального коллизионного регулирования вещных прав на невещественное имущество, необходимо предусмотреть коллизионные нормы общего характера, позволяющие однозначно устанавливать право, применимое к правам на невещественные объекты, правовая природа которых различным образом понимается в праве различных государств.

Представляется разумным закрепить специальную коллизионную норму для всех невещественных объектов, правовая природа которых различным образом понимается в праве различных государств, и вещная природа которых не признаётся законом страны суда. Отсутствие критериев, позволяющих однозначно

²⁶⁸ См., например, Любарская Т.С. Коллизионная привязка к местонахождению вещи для определения права, применимого к вещным правам: достоинства и недостатки. //Закон. -2016. - № 8. - С. 48-61.

установить *lex causae* для объекта, не обладающего вещественной оболочкой, создаёт трудности в применении общей коллизионной нормы о вещных правах на имущество (ст.1205 ГК РФ). В этой связи представляется целесообразным такие критерии установить в тексте коллизионной нормы. Например, в законодательстве Аргентины закрепляется общий принцип, в соответствии с которым права на имущество, в силу своей природы не имеющее фактического места нахождения, регулируются правом места жительства их владельца²⁶⁹.

Способ разрешения конфликта квалификаций в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, зависит от конкретной ситуации. Как уже говорилось ранее, основной причиной возникновения конфликта квалификаций является применение способа квалификации правовых понятий по *lex causae* в тех случаях, когда имеет место скрытая коллизия. Одним из способов разрешения конфликта квалификаций может стать преодоление его первопричины - скрытой коллизии - путём снятия необходимости толкования правовых понятий, например, в отношении терминов «движимое и недвижимое имущество», «момент, когда имели место юридические факты, явившиеся основанием для возникновения (прекращения) права собственности». Другим способом является разрешение непосредственно конфликта квалификаций путём дополнительного закрепления специальных коллизионных. Тем не менее, указанные способы преодоления проблемы конфликта квалификаций не являются абсолютными. Например, в случае изменения правового режима имущества с движимого на недвижимое при перемещении его из одного правового порядка в другой предложенные способы не позволяют разрешить возникающий конфликт квалификаций.

Таким образом, правило, установленное в ст.1205¹ ГК РФ, формирует изъятие из общего принципа, сформулированного в ст.1187 ГК РФ, - изъятие, предусмотренное по той причине, что, ввиду значительных национально-правовых различий в регулировании отношений собственности, квалификация терминов по

²⁶⁹ Ст.2599 ГК Республики Аргентина 2015г.

lex fori может оказаться затруднительной либо приведёт к вынесению судебного решения, не признаваемого за рубежом. Сам факт существования такого изъятия указывает на то, что квалификация по lex fori не всегда способствует установлению наиболее близкого для правоотношения правопорядка. Однако способ квалификации по lex causae, противоположный квалификации по lex fori, также имеет свои «слепые зоны», то есть те ситуации, в которых толкование по lex causae не позволяет однозначно установить применимое право. Как представляется, признание квалификации по lex causae в качестве основного способа квалификации понятий, содержащихся в коллизионных нормах о вещных правах, является оправданным. Статья 1205¹ ГК РФ, безусловно, является достоинством российского подхода к регулированию правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом. Однако в том случае, когда квалификация по lex causae не позволяет однозначно определить право, применимое к вещным правоотношениям, необходимо обращаться к толкованию по закону страны суда.

§3.3. Разрешение проблемы мобильного конфликта, осложняющего признание и защиту права собственности на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, с использованием коллизионного метода регулирования

В данном параграфе рассматриваются возможные способы разрешения проблемы признания права собственности обеспеченного кредитора на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения. Делается вывод о том, что данная проблема может быть решена путём применения коллизионной привязки «закон страны местонахождения вещи» (lex rei sitae) в сочетании с привязкой «закон страны назначения имущества» (lex destinationis).

В ходе исследования вопросов коллизионного регулирования титульного обеспечения использовался сравнительно-правовой метод, а также метод анализа и синтеза.

Под титульным обеспечением понимается вещный способ обеспечения обязательств, отличающийся тем, что в обеспечительных целях право собственности на предмет обеспечения принадлежит кредитору в течение срока кредитования. Кредитором в данном случае может быть

- продавец – в договоре купли-продажи с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом, в договоре условной купли-продажи;

- покупатель – в договоре факторинга, РЕПО;

- арендодатель – в договоре финансовой аренды (лизинга), в договоре аренды с правом выкупа, продажи с обратной арендой.

В каждом из указанных случаев кредитору принадлежит право собственности на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения.²⁷⁰ Так, в случае неисполнения должником обязательств по договору кредитор как собственник имущества имеет право оставить имущество за собой в счет погашения долга. В отличие от использования способа обеспечения в форме залога, ему не требуется прибегать к процедуре обращения взыскания на предмет титульного обеспечения. Использование конструкции титульного обеспечения определяет усиление позиции кредитора в обеспеченном обязательстве.

Возможно, то обстоятельство, что титульное обеспечение предполагает усиление позиций кредитора, обусловило его широкое применение в международном коммерческом обороте. В тексте новейших кодификаций МЧП²⁷¹, а также новых редакций кодификаций МЧП²⁷² закрепляются коллизионные нормы, определяющие право, применимое к обеспечениям и, в частности, к вопросам сохранения права собственности за продавцом. Данная тенденция отражает процесс либерализации правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, поскольку направлена на расширение

²⁷⁰ Усманова Е.Р. Титульное обеспечение гражданско-правовых обязательств. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. по специальности 12.00.03. Москва, 2017. – с. 3-4.

²⁷¹ Ст. 44 Закона XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г.

²⁷² Ст.ст. 102-103 ФЗ о МЧП Швейцарии 1987 г. (ред. 2017 г.), ст. 1.50 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.), ст. 2.619 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.)

возможностей для осуществления коммерческой деятельности с иностранным участием.

Особенностью правоотношений, связанных с титульным обеспечением, является то, что, хотя право собственности в течение срока кредитования принадлежит кредитору, имущество находится во владении должника. В том случае, если имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, перемещено в иностранный правовой порядок, то, в соответствии с законом места нахождения имущества (*lex rei sitae*), право данного государства будет определять, является ли обеспечение действительным и, следовательно, обладает ли кредитор в обеспеченном обязательстве правом собственности на данное имущество. В этой связи может возникнуть ситуация, когда требования третьих лиц в отношении одного и того же имущества (предмета титульного обеспечения), возникшие в иностранном государстве (государстве места нахождения имущества) позднее требований кредитора, обладают приоритетом. Описанная ситуация может возникнуть в случае непризнания законом фактического места нахождения имущества («новым» *lex rei sitae*) титульного обеспечения, установленного за рубежом в соответствии с законом страны, где имущество находилось в момент установления обеспечения («старым» *lex rei sitae*).

В международном коммерческом обороте споры, связанные с титульными обеспечениями, возникают, как правило, между обеспеченным кредитором с одной стороны и: 1) последующим покупателем имущества; 2) кредиторами должника в обеспеченном обязательстве, прибегнувшими к процедуре обращения взыскания на имущество должника; 3) управляющим в ходе процедуры банкротства должника – с другой стороны. Таким образом, кредитор в обеспеченном обязательстве должен защитить своё право собственности на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, в иностранном правовом порядке - в месте нахождения должника, в месте нахождения суда, рассматривающего спор между должником в обеспеченном обязательстве и его кредиторами, или в месте проведения процедуры банкротства. Указанный иностранный правовой порядок, как правило, совпадает с

«новым» местом нахождения имущества, являющегося предметом титульного обеспечения.

Отметим, что в вопросе регулирования титульного обеспечения материальное право государств сильно различается. Несмотря на то, что в основе титульного обеспечения лежит право собственности – единственная разновидность вещных прав, признаваемая в большинстве государств мира, само титульное обеспечение может быть не знакомо правопорядку места нахождения имущества. И даже в тех государствах, право которых признаёт титульное обеспечение, установленное за рубежом, различным образом будет определяться возможность его действия в отношениях с третьими лицами.

Непризнание титульного обеспечения, установленного за рубежом, в государстве «нового» местонахождения имущества и в целом несклонность государств подчинять вопросы обеспечения исполнения обязательств международно-правовому режиму объясняется тем, что в условиях значительных межстрановых различий в подходах к регулированию титульного обеспечения каждое государство стремится в первую очередь защитить интересы кредиторов во «внутренних» правоотношениях, возникающих по поводу вещного обеспечения обязательств, и не допустить установления более благоприятных условий для деятельности иностранных кредиторов. Вместе с тем, данная ситуация создаёт неопределённость для участников международного коммерческого оборота.

Представляется, что наиболее эффективным способом разрешения указанной ситуации могла бы стать материально-правовая унификация норм, регулирующих титульное обеспечение. Материально-правовая унификация вопросов регистрации прав в отношении трёх видов подвижного оборудования - авиационных двигателей и воздушных судов, железнодорожного подвижного состава и космических средств – была осуществлена в связи с принятием Конвенции УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. Система регистрации прав, созданная в соответствии с Конвенцией, обеспечивает признание и защиту прав на подвижное оборудование, возникших по соглашениям об обеспечении исполнения обязательств, о предварительной продаже с применением оговорки о

сохранении права собственности или о лизинге, на территории государств-участников Конвенции. Вместе с тем, действие Конвенции не распространяется на обеспечительные сделки, предметом обеспечения в которых являются товары и оборудование – виды имущества, часто выступающие предметом сделок международной купли-продажи.

Следует заметить, что по сравнению с иными разновидностями имущества, выделяемыми в международном частном праве, правовое регулирование права собственности на разновидности т.н. «подвижного оборудования» в большей степени гармонизировано в национальном праве государств. Поэтому принятие универсального международно-правового акта, предполагающего создание аналогичной системы регистрации прав в отношении иных категорий имущества - прежде всего движимого имущества - представляется технически сложной задачей.

В отсутствие универсальной материально-правовой унификации норм, посвящённых титульному обеспечению, предметом которого являются иные (отличные от категории подвижного оборудования) виды имущества, участвующие в международном коммерческом обороте, возникает вопрос о том, возможно ли преодоление проблемы признания и защиты права собственности кредитора на перемещённое в иностранный правопорядок имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, с помощью применения коллизионного метода. Ниже будет показано, что разрешение данной проблемы, заключающееся в закреплении специальных коллизионных норм, возможно, однако этот способ обладает ограниченной эффективностью и применим не во всех случаях возникновения ситуации мобильного конфликта. Вместе с тем, применение коллизионного метода, в отсутствие иных средств, позволит снизить число случаев непризнания права собственности кредитора на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, в иностранном правопорядке.

В коллизионном законодательстве и доктрине некоторых иностранных государств выработаны различные способы установления права, применимого к титульным обеспечениям:

1. **Применение закона страны места нахождения имущества (lex rei sitae).** В отсутствие специальной коллизионной нормы, посвящённой оговорке о сохранении права собственности за продавцом или иному титульному обеспечению и содержащей специальную коллизионную привязку (отличную от lex rei sitae), указанные вопросы подчинены закону страны места нахождения имущества, следствием чего является возникновение ситуации мобильного конфликта: титульное обеспечение, возникшее за рубежом в соответствии с законом страны, где имущество (предмет обеспечения) находилось в момент возникновения обеспечения, (законом «старого» местонахождения имущества) может не быть признано законом «нового» (фактического) местонахождения имущества. Это же относится и к тем случаям, когда в коллизионном законодательстве государства закрепляется соответствующая коллизионная норма – с использованием коллизионной привязки lex rei sitae.

Вопрос о том, будет ли признано обеспечение, возникшее за рубежом, в государстве «нового» места нахождения имущества, зависит от возможности его адаптации к какому-либо из способов обеспечения, закреплённому в праве этого государства. Если такая адаптация невозможна, то обеспечение не будет признано. Кроме того, титульное обеспечение, возникшее за рубежом, будет признано в стране «нового» места нахождения имущества, являющегося предметом обеспечения, при условии соблюдения формы, требуемой для данного вида обеспечений в соответствии с правом этого государства. Так, например, ирландский суд не признал действие оговорки о сохранении права собственности за продавцом, установленном с соблюдением норм немецкого законодательства, на том основании, что не было соблюдено требование о регистрации данной оговорки согласно ирландскому праву.²⁷³

2. **Применение закона страны места назначения имущества (lex destinationis).** Данная коллизионная привязка содержится в коллизионных нормах, закрепляемых в законодательстве Швейцарии и Литвы. Так, в соответствии со ст.

²⁷³ Kruppstahl AG v. Quitman Products Ltd. // Irish Law Reports (High Court), № 551, 1982. – p. 315.

103 ФЗ Швейцарии 1987 г. (ред. 2017 г.), к условию о сохранении права собственности в отношении предназначенной к вывозу за рубеж движимой вещи применяется право государства назначения. Аналогичная норма закрепляется в п.3 ст. 1.50 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.).

Использование конструкции титульного обеспечения предполагает, что в момент предъявления требований относительно предмета обеспечения он, как правило, находится во владении покупателя либо третьего лица (истца). Следовательно, закон страны места назначения вещи (*lex destinationis*), закон страны места нахождения вещи (*lex rei sitae*) и закон страны суда (*lex fori*) в этот момент совпадают. Таким образом, применение закона страны назначения (*lex destinationis*) в качестве права, применимого к титульному обеспечению, предметом которого является движимое имущество, позволяет избежать ситуации мобильного конфликта, поскольку возникшее обеспечение изначально соответствует материальному праву государства, в котором, возможно, будет заявлено требование третьих лиц в отношении данного имущества. Для этого, однако, необходимо выполнение следующих условий:

1) Суд государства места назначения вещи применяет свое материальное право. Иными словами, в коллизионном праве этого государства также должна быть закреплена аналогичная коллизионная норма, в которой содержится привязка, отсылающая к закону страны места назначения имущества. Если закон страны, где рассматривается спор, подчиняет отношения по поводу титульного обеспечения, правовой системе страны, из которой имущество отправлено, это может привести к ситуации мобильного конфликта. Коллизионное регулирование титульного обеспечения по закону страны отправки и по закону страны назначения должно совпадать.

2) Материальному праву государства назначения известно понятие титульного обеспечения исполнения обязательств.

3) Закон государства назначения допускает, что все требования, предъявляемые законодательством этого государства для правомерного возникновения обеспечения данного вида, могут быть выполнены до того, как

имущество, являющееся предметом обеспечения, достигнет его территории. Заметим, что применение коллизионной привязки *lex destinationis* не принесёт ожидаемого результата, если в коллизионном праве страны назначения закрепляется норма, по своему содержанию совпадающая с п.2 ст. 102 ФЗ о МЧП Швейцарии 1987 г. (ред.2017 г.). Согласно п.2 ст. 102 Закона, обеспечение в форме оговорки о сохранении права собственности, возникшее в иностранном государстве в соответствии с его законодательством, но не соответствующее требованиям, предъявляемым швейцарским правом, считается действительным в течение трёх месяцев с момента перемещения предмета обеспечения на территорию Швейцарии. Можно видеть, что применение данной нормы изначально предполагает, что титульное обеспечение возникло в соответствии с иностранным правом, и не допускает, что титульное обеспечение могло возникнуть по правилам, предусмотренным правом Швейцарии²⁷⁴.

Если первое условие о том, что суд государства страны назначения применит *lex fori*, чаще всего будет выполняться, то соблюдение двух других условия не гарантировано. Кроме того, даже если все три условия выполняются и, следовательно, право собственности обеспеченного кредитора признаётся в стране назначения, необходимость поиска эквивалента в материальном праве государства, из которого имущество отправлено, либо в праве страны транзита сохраняется. Если, например, право государства отправления имущества или право транзитного государства не знает вида титульного обеспечения, возникшего в соответствии с *lex destinationis*, и в связи с заключением обеспечительной сделки имущество (предмет обеспечения) уже передано покупателю, право собственности кредитора не будет защищено от кредиторов покупателя в стране отправки имущества или в стране транзита.

Аналогичная проблема возникает, когда в законодательстве страны отправки имущества или страны транзита закреплены требования о регистрации титульного обеспечения, которые сложно осуществить. В этом случае представляется

²⁷⁴ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997.- с. 272-279.

сомнительным, что суд государства отправки, в законодательстве которого закрепляются такие требования, вынесет решение о признании действительным титульного обеспечения, не зарегистрированного, поскольку этого не требует закон страны назначения (а возможно, и потому что его регистрация представляется затруднительной²⁷⁵), против требований «внутренних» кредиторов иностранного покупателя (арендатора) об обращении взыскания на имущество, принимая во внимание тот факт, что такое титульное обеспечение не могло бы правомерно возникнуть в стране отправки.

Закон страны назначения применим не ко всем видам титульного обеспечения, например, к обеспечению, возникшему по договору РЕПО, поскольку установление *lex destinationis* часто оказывается невозможным из-за отсутствия государства назначения. Ситуация, очевидно, иная, когда точно известно, что имущество, являющееся предметом титульного обеспечения (например, оборудование), должно быть перемещено в конкретное иностранное государство и будет там находиться в течение продолжительного периода времени.

Таким образом, применение закона страны назначения позволяет избежать возникновения ситуации мобильного конфликта, обладая при этом ограниченной эффективностью.

3. Применения закона страны отправки, или закона страны происхождения предмета обеспечения (*lex expeditionis / lex originis*). Данная коллизионная привязка, содержится в коллизионной норме, закреплённой в законодательстве Румынии. Так, согласно ст. 2.619 ГК Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.), условия и правовые последствия, вытекающие из оговорки о сохранении права собственности за продавцом на вещь, предназначенную для вывоза за рубеж, регулируются правом того государства, из которого вещь вывозится, если иное не установлено соглашением сторон.

²⁷⁵ Например, согласно п. 1 ст. 715 ГК Швейцарии, обеспечение в форме оговорки о сохранении права собственности признаётся действительным, только если договор, в соответствии с которым за иностранцем сохраняется право собственности на движимое имущество, переданное покупателю, был зарегистрирован в месте жительства покупателя - в государственном реестре, который ведёт местная администрация.

Способ установления права, применимого к оговорке о сохранении права собственности за продавцом, с использованием коллизионной привязки «закон страны отправки», или «закон страны происхождения» вещи, (*lex expeditionis / lex originis*) закреплялся в ст. 54 Закона Румынии о МЧП 1992 г., а затем также в ст. 2.619 нового ГК Румынии 2009 г.

Отсылка к закону страны отправки обычно приводит к расхождению между законом, регулирующим титульное обеспечение, с одной стороны и законом страны суда (*lex fori*) и *lex rei sitae*, в соответствии с которыми третьи лица, имеющие притязания в отношении того же имущества, будут заявлять свои требования, с другой стороны. Очевидно, что проблема поиска эквивалента данного вида обеспечения в материальном праве страны назначения и его адаптации не будут разрешены таким образом. Применение коллизионной привязки *lex expeditionis* могло бы быть эффективно в случае, если бы данная коллизионная привязка закреплялась в тексте международного договора, участниками которой являлись бы государство отправки и государство назначения имущества, являющегося предметом обеспечения. Предварительным условием для закрепления такого правила в тексте международно-правового акта, которое привело бы к признанию данного обеспечения, должно было бы стать согласование соответствующих норм материального права договаривающихся государств. Таким образом, применение права государства отправки имущества, являющегося предметом титульного обеспечения, не устраняет необходимости согласования норм материального права государств.

4. **Применение принципа автономии воли сторон** при установлении права, применимого к титульному обеспечению, в качестве способа разрешения проблемы мобильного конфликта предлагалось рядом известных зарубежных специалистов в области международного частного права. В частности, указывалось на возможность закрепления прямого выбора применимого права²⁷⁶ либо косвенного выбора применимого права посредством расширения сферы

²⁷⁶ Sturm F. Neue Vorschläge zur IPR-Reform // Neue Juristische Wochenschrift, 1974. - p. 1037.

применения права, применимого к договору (*lex contractus*), в область вещных обеспечений²⁷⁷. Тем не менее, большинство авторов, выдвигающих предложения о применении принципа автономии воли сторон при установлении права, регулирующего титульное обеспечение, склоняются к ограничению сферы действия вещного статута отношениями с третьими лицами, в то время как право, избранное сторонами правоотношения, применяется только в отношениях между ними (*inter partes*)²⁷⁸.

Достоинством принципа автономии воли сторон является то, что его применение в ряде случаев позволяет избежать мобильного конфликта и обеспечивает единство вещного и обязательственного статутов правоотношения, то есть применения единого права ко всем аспектам титульного обеспечения. Однако, если сфера действия принципа автономии воли сторон ограничена отношениями между сторонами, как это имеет место в большинстве кодификаций МЧП, выбор применимого права сторонами не представляет практического интереса во всех случаях, когда кредиторы должника в обеспеченном обязательстве предъявляют требования в отношении предмета обеспечения.

В то же время, даже если бы сфера действия принципа автономии воли сторон распространялась на отношения с третьими лицами, его применение привело бы к негативным последствиям для кредитора в обеспеченном обязательстве. Сравнительный анализ показывает, что на сегодняшний день крайне мало правопорядков, признающих действие автономии воли сторон во отношении третьих лиц (*erga omnes*). В общем случае, если на момент возникновения спора между обеспеченным кредитором и третьими лицами закон местонахождения имущества и право, избранное сторонами обеспечительной сделки, не совпадают, судья применит закон страны места нахождения вещи, что не будет соответствовать ожиданиям обеспеченного кредитора, стремящегося защитить

²⁷⁷ Drobniг U. The Recognition of Non-Possessory Security Interests Created Abroad in Private International Law // Pétery/Lamm, General Reports to the 10th International Congress of Comparative Law (Budapest 1978), Budapest, 1981. - p. 309.

²⁷⁸ Gottheiner H. G. Zum Eigentumsübergang beim Kauf beweglicher Sachen // The Rabel Journal of Comparative and International Private Law, № 18, 1953. - p. 375.

своё право собственности против третьих лиц. Разрешение на выбор права сторонами обеспечительной сделки создало бы у них иллюзию возможности урегулировать, как они считают нужным, свои отношения, на основе закона, выбранного независимо от закона фактического местонахождения вещи, являющейся предметом титульного обеспечения.

Кроме того, проблема адаптации вида титульного обеспечения в соответствии с требованиями материального права государства места нахождения предмета обеспечения и возможной несовместимости, связанной с различиями в материальном праве государств, не может быть преодолена только лишь с помощью применения принципа автономии воли сторон. Для того, чтобы применение данного способа было эффективным, необходимо выполнение нескольких условий:

1) право страны суда признаёт возможность выбора сторонами права, применимого к титульному обеспечению;

2) обеспечение возникло правомерно в соответствии с требованиями, предъявляемыми к данному виду обеспечений законом страны, избранным сторонами (например, заранее);

3) данный вид титульного обеспечения признаётся законом страны суда.

Очевидно, что в настоящее время выполнение указанных условий не представляется возможным.

Вместе с тем, можно попытаться избежать проблемы адаптации титульного обеспечения, выбрав закон государства, в котором кредитор в обеспеченном обязательстве будет защищать своё право собственности – в стране места жительства должника в обеспеченном обязательстве, места предъявления требований кредиторов должника об обращении взыскания на предмет обеспечения или требования управляющего в ходе процедуры банкротства. Однако совпадение закона, избранного сторонами обеспечительной сделки, и закона страны, где будут предъявлены требования третьих лиц, обеспечивается только в случае, если стороны выберут в качестве применимого права закон страны места назначения имущества. И даже в этом случае необходимо соблюдение условия о

признании в государстве места назначения обеспечений, возникших за рубежом заранее в соответствии с требованиями, установленными в праве страны места назначения – условие, которое не всегда выполнимо. Кроме того, зачастую бывает сложно предвидеть, по закону какого государства третьи лица предъявят свои требования относительно имущества, являющегося предметом титульного обеспечения. Таким образом, применение принципа автономии воли сторон при установлении права, применимого к титульному обеспечению не обеспечивает признание титульного обеспечения, возникшего за рубежом.

5. Применение к титульному обеспечению права, применимого к договору (lex contractus). Подчинение вопросов титульного обеспечения праву, применимому к обеспеченному обязательству, закреплялось ранее в некоторых кодификациях международного частного права. Так, согласно п. (e) § 12 Закона о МЧП и МГП Чехословакии 1963 г., вопросы сохранения права собственности за продавцом определяются правом, применимым к договору, которое определяется сторонами договора (§ 9 Закона). Аналогичным образом, Закон ГДР о применимом праве 1975 г. подчиняет обязательственному статуту не только переход права собственности по договору, но и обеспечение исполнения обязательств (п. 13 Закона). Однако применение обязательственного статута, закреплённое в этих законах, ограничено отношениями между сторонами (*inter partes*). Отметим также, что данный способ установления права, применимого к титульному обеспечению, не нашёл выражения в новых кодификациях международного частного права.

В случае применения к титульному обеспечению права, применимого к обеспеченному обязательству, ситуация остаётся такой же, как и в случае применения принципа автономии воли сторон. Если в отсутствие выбора сторонами применимого права право, применимое к договору, устанавливается в соответствии с коллизионной нормой, то вероятно, что будет применена привязка «закон страны продавца» (т.е. обеспеченного кредитора), результат применения которой совпадает с законом страны отправки. Проблема адаптации титульного обеспечения в правовом порядке «нового» местонахождения имущества, возникающая в случае применения коллизионной привязки «закон страны отправки» (*lex*

expeditionis), сохраняется. Поэтому применение к вопросам титульного обеспечения права, применимого к договору, (lex contractus) данную проблему не разрешается.

6. Закрепление правил о временном признании обеспечения, возникшего за рубежом (предоставление «льготного» периода). В праве отдельных иностранных государств закрепляются нормы о признании обеспечения, возникшего за рубежом, в течение определённого промежутка времени («льготного» периода, или период адаптации). Временное признание обеспечения, возникшего за рубежом, направлено на то, чтобы в течение указанного промежутка времени могли быть выполнены требования, предъявляемые местным законодательством к данному виду обеспечения. Этот подход, как правило, принят в праве государств, в которых действует система регистрации вещных обеспечений в отношении движимого имущества.

Данный подход закрепляется, например, в праве Швейцарии. Так, согласно п. 2 ст. 102 ФЗ о МЧП Швейцарии 1987 г. (ред. 2017 г.), обеспечение в форме оговорки о сохранении права собственности за продавцом, правомерно возникшее за границей и не отвечает требованиям швейцарского законодательства, тем не менее сохраняет свою силу в течение трёх месяцев со дня прибытия имущества, являющегося предметом обеспечения, на территорию Швейцарии. В течение этого периода стороны имеют возможность выполнить необходимые регистрационные формальности. Вместе с тем, права добросовестных третьих лиц – последующих покупателей, кредиторов должника в обеспеченном обязательстве - защищены в соответствии с п. 3 ст. 102 Закона.

Недостатком данного подхода является то, что его применение изначально предполагает, что титульное обеспечение возникло в соответствии с иностранным правом, и не допускает, что титульное обеспечение могло возникнуть по правилам, предусмотренным законом страны «нового» местонахождения имущества²⁷⁹. Кроме того, данное решение не позволяет избежать проблемы преобразования

²⁷⁹ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997.- с. 273-278.

титульного обеспечения и возможной несовместимости материально-правового регулирования обеспечений в стране «старого» местонахождения имущества и в стране назначения.

Предлагаемое решение проблемы мобильного конфликта, осложняющего признание и защиту права собственности на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения. Различия в материальном праве государств в вопросе регулирования титульных обеспечений приводит к их непризнанию в случае перемещения имущества, являющегося предметом титульного обеспечения, на территорию иностранного государства, что неблагоприятно сказывается на международном коммерческом обороте. Причиной возникновения практических трудностей в ходе признания обеспечения, правомерно возникшего за рубежом, являются не применение коллизионной привязки «закон страны места нахождения вещи» (*lex rei sitae*) и даже не сама по себе ситуация мобильного конфликта, но различия в материальном праве государств. Применение коллизионной привязки *lex rei sitae* – полный отказ от которой невозможен в силу суверенного права государств контролировать осуществление права собственности в пределах своей территории, опосредуемого этой привязкой, - является эффективным только при условии соответствия титульного обеспечения, возникшего в условиях применения закона «старого» местонахождения имущества, положениям законодательства государства «нового» местонахождения имущества, т.е. только в отсутствие ситуации мобильного конфликта.

Разрешение данной проблемы представляется возможным на основе применения коллизионной привязки *lex rei sitae* в сочетании с привязкой к закону страны назначения имущества (*lex destinationis*) и предполагает, что юридический состав, требуемый для возникновения титульного обеспечения в стране «старого» местонахождения вещи, может по желанию сторон быть дополнен юридическими фактами, необходимыми для возникновения аналогичного обеспечения по праву страны назначения. Таким образом, выполняются требования, предъявляемые к возникновению титульного обеспечения как законом страны «старого»

местонахождения вещи (*lex rei sitae*), так и законом страны назначения (*lex destinationis*), то есть правом, в соответствии с которым право собственности кредитора в обеспеченном обязательстве должно быть защищено в случае возникновения спора с третьими лицами, заявляющими требования относительно имущества, являющегося предметом обеспечения.

Для реализации этого решения необходимо закрепление материально-правовой нормы, в которой будет указано, что накопление юридических фактов, наличие которых, по праву страны места назначения, необходимо для возникновения титульного обеспечения, может осуществляться ещё до перемещения предмета обеспечения на территории государства назначения.

Применение данного способа разрешения рассматриваемой проблемы возможно даже в том случае, если закон страны «старого» местонахождения вещи не знает вида титульного обеспечения, возникшего по праву *lex destinationis*. Если виды обеспечений, их содержание и юридические последствия их применения различным образом закрепляются в законах государств происхождения («старого» местонахождения вещи) и назначения, то можно сказать, что существует два титульных обеспечения, предметом которых является одно и то же имущество. Выполняя одну и ту же функцию, они действуют на территориях различных государств – каждое из них ограничено по своему действию территорией государства места, где предмет обеспечения находится в настоящее время. При этом, с точки зрения государства назначения, обеспечение, возникшее в иностранном правопорядке в соответствии с требованиями, предъявляемыми законом страны назначения, не получает реализации до момента перемещения предмета обеспечения в государство назначения.

В рассмотренном случае ситуация мобильного конфликта не возникает, поскольку возникшее в государстве «старого» местонахождения имущества обеспечение соответствует требованиям, предъявляемым законом страны назначения. Следствием этого является то, что обеспеченному кредитору предоставляется защита его права собственности в отношении предмета

обеспечения в споре с третьими лицами, заявляющими требования в отношении того же имущества.

Предлагаемое здесь решение не требует временного признания титульного обеспечения, возникшего в иностранном правопорядке, и не влечёт какого-либо вмешательства во внутригосударственное регулирование титульных обеспечений в государстве назначения.

Вместе с тем, данное решение не является идеальным. Например, в ситуации, когда существует множество «государств назначения», а также в случае, когда предметом титульного обеспечения является объект, постоянно пересекающий границы государств, - контейнеры, тяжелые грузовые автомобили, автобусы и другое имущество, право собственности на которые не регулируется международными конвенциями. В этих случаях теоретически, конечно, возможно было бы прибегнуть к созданию как можно большего числа обеспечений, каждое из которых действовало бы в «государстве назначения», по праву которого оно возникло. Однако на практике такое умножение титульных обеспечений вряд ли представляется возможным — это было бы слишком дорого и сложно. Поэтому в случае множественности «государств назначения» необходимо искать другой способ разрешения проблемы мобильного конфликта.

Предложенное решение также неэффективно в случае, когда страна назначения неизвестна. Единственным действительно удовлетворительным решением в данном случае представляется единообразное материально-правовое регулирование, введённое международной конвенцией, предполагающей создание международной системы регистрации обеспечительных прав в отношении движимого имущества.

Вместе с тем, как было сказано ранее, универсальная материально-правовая унификация норм, регулирующих правоотношения собственности, осложнена. Поэтому в том случае, если имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, не относится к одной из категорий подвижного оборудования, то единственным способом разрешения коллизий остаётся коллизионный метод регулирования. Хотя применение коллизионной привязки «закон страны

назначения» имущества сопровождается рядом недостатков, обращение к этому способу разрешения ситуации мобильного конфликта в данном случае представляется более предпочтительным нежели применение коллизионной привязки «закон страны местонахождения имущества» без возможности заранее предусмотреть выполнение требований, предъявляемых к титульному обеспечению законом страны назначения имущества.

Таким образом, предлагается дополнить статью 1206 ГК РФ пунктом 5 следующего содержания:

«Стороны могут договориться о применении к сохранению или возникновению у кредитора в обеспечительном обязательстве права собственности на предназначенное к вывозу за рубеж имущество (предмет обеспечения) закона страны места назначения имущества без ущерба для прав третьих лиц.

Если сохранение или возникновение права собственности у кредитора в обеспечительном обязательстве на имущество (предмет обеспечения), находившееся за рубежом в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для сохранения или возникновения права собственности на это имущество, соответствует требованиям российского законодательства, то такое сохранение или возникновение права собственности признаётся действительным на территории Российской Федерации.»

§3.4. Способы разрешения коллизионной проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности, международно-правовыми средствами

В этом параграфе исследуется проблема унификации и гармонизации норм, регулирующих отношения собственности. В связи с тем, что одной из особенностей коллизионного регулирования отношений собственности является неустойчивость правового титула собственности, процессы унификации и гармонизации норм внутреннего права государств приобретают особенно важное значение. Доказывается, что, ввиду того что понятия «имущество», «движимое

имущество», «находящееся в пути движимое имущество» представляют собой т.н. «скрытые коллизии», то унификации коллизионных норм, содержащих указанные понятия, должна предшествовать масштабная гармонизация норм материального права государств. Показано, что наиболее перспективной формой сближения права в сфере регулирования правоотношений собственности является создание модельных законов.

Одним из проявлений тенденции либерализации коллизионного регулирования отношений собственности является расщепление коллизионных норм, обособление групп правоотношений собственности по категориям имущества и образование соответствующих им специальных коллизионных привязок, с помощью которых определяется вещный статут. Это, в свою очередь, означает увеличение объёмов правового материала, в отношении которого производится сближение права различных государств. В этих условиях одна из особенностей коллизионного регулирования правоотношений собственности – т.н. «размытость» сфер действия правовых режимов имущества в международном частном праве, - означающая, что круг объектов права собственности, подчинённый определённому правовому режиму имущества, различается в праве государств, способствует ещё большему усилению различий между правовыми системами.

Так, явление «размытости» сфер действия правовых режимов имущества в сочетании с процессом расщепления коллизионных норм приводит к ещё большему осложнению процесса сближения права в сфере регулирования правоотношений собственности, поскольку, во-первых, всё сложнее становится формулировать универсализируемые категории объектов права собственности и, во-вторых, требуются дополнительные усилия для унификации (гармонизации) всё возрастающего объёма нормативного материала. Вместе с тем, в связи с необходимостью преодоления неустойчивости правового титула собственности, вызванной различиями в праве государств, процессы унификации и гармонизации

норм, регулирующих правоотношения собственности, приобретают особенно важное значение.

Основные способы разрешения коллизии проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности международно-правовыми средствами. Общеизвестными способами разрешения коллизии проблемы на международно-правовом уровне являются унификация и гармонизация норм частного права. Проф. Дмитриева Г.К. указывает, что унификация норм международного частного права представляет собой процесс закрепления в тексте международного договора одинаковых норм, в отношении которых государства-участники принимают обязательство применять их в рамках своей национальной юрисдикции, в то время как гармонизация норм частного права есть процесс закрепления одинаковых норм в национальном праве различных государств. И унификация, и гармонизация являются способами разрешения коллизии проблемы (способами сближения права) на международно-правовом уровне регулирования, но в первом случае речь идёт о нормах международного договора, применяемых в национальной юрисдикции, но использующих категории, которые даже в результате имплементации соответствующих норм в состав национального права продолжают обладать универсальным содержанием. Во втором случае – при применении способа гармонизации – о нормах национального права, использующих категории, содержание которых определяется национальным правом и не ориентировано на другие правовые системы.

По мнению проф. Дмитриевой Г.К., в результате гармонизации нормы сближаются, а понятия и категории – нет²⁸⁰. Представляется, что в отношении правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, данное утверждение справедливо лишь частично. Значительные различия в национально-правовом регулировании права собственности зачастую

²⁸⁰ Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / отв. ред. Г. К. Дмитриева, М. В. Мажорина. М.: Норма: ИНФРА М, 2016. - С. 15-19.

приводит к невозможности формулирования понятий и категорий, обладающих универсализируемым содержанием, что затрудняет закрепление унифицированных норм в тексте международно-правовых договоров. Даже в том случае, если бы такие понятия были сформулированы и включены в текст международной конвенции, государства с большой осторожностью присоединялись бы к этой конвенции, поскольку право собственности лежит в основе экономической системы каждого государства и не может быть легко передано на международно-правовой уровень регулирования. В ситуации, когда расхождения в национально-правовом регулировании отношений собственности велики и проведение работ по унификации возможно лишь частично, способ гармонизация даже в большей степени способствует разрешению коллизионной проблемы и устранению внутренних коллизий, поскольку государства скорее соглашаются с применением «мягкого» права, когда они сами могут определять степень отступления от текста модельного закона и, соответственно, степень сближения правовых систем. Как отмечает проф. Доронина Н.Г., интеграция государств характеризуется большей интенсивностью в тех случаях, когда она основана на таком способе сближения права, как гармонизация, поскольку применение этого способа означает отсутствие обязанности строгого единообразия правовых норм.²⁸¹ Таким образом, гармонизация норм о праве собственности способна не создавать внутренние коллизии законов, а, наоборот, устранять их, что в дальнейшем может создать благоприятные условия для проведения унификации. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением проф. Дмитриевой Г.К., которая справедливо указывает, что в различных сферах регулирования правоотношений, осложнённых иностранным элементом, имеет место разная степень сближения права: в одних случаях унификация норм невозможна ввиду тотального расхождения ментальных и

²⁸¹ Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. 2013. № 10 (202). - С. 136.

культурных устоев, в других случаях - способ гармонизации норм в большей степени соответствует особенностям данной сферы правового регулирования²⁸².

Правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, в действительности относится к тем сферам правового регулирования, которые сложнее всего поддаются международно-правовой унификации. Проф. К. Крёйцер (Karl Kreuzer) в своей работе отмечает, что международно-правовым источникам отводится лишь незначительное место в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом.²⁸³ Так, унификация коллизионных норм, регулирующих отношения собственности, ограничивается сравнительно небольшим числом положений о праве собственности на транспортные средства, в частности, на воздушные суда и суда внутреннего плавания, а также нормами о применении оговорки о сохранении титула собственности за продавцом и переходе права собственности на товары, об отношениях в рамках траста²⁸⁴ и отношениям по поводу имущества, являющегося предметом лизинга²⁸⁵. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года исключает из сферы своего регулирования вопросы передачи права собственности²⁸⁶.

Несмотря на многочисленные проекты - проект Конвенции о единообразном законе о международной купле-продаже материальной личной собственности (1960 г.)²⁸⁷, проект УНИДРУА Единообразного закона относительно защиты прав добросовестного покупателя материального движимого имущества (1968 г.),

²⁸² Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / отв. ред. Г. К. Дмитриева, М. В. Мажорина. М.: Норма: ИНФРА М, 2016. - С. 14.

²⁸³ Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. – P. 44.

²⁸⁴ В соответствии со ст. 11 Конвенции о признании трастов 1985 г., из признания траста следует, что данное имущество в отношении прав третьих лиц (*erga omnes*) обособлено от имущества trustee в случае его банкротства. Иными словами, кредиторы доверительного управляющего в случае его банкротства не вправе требовать обращения взыскания на имущество, переданное ему в управление.

²⁸⁵ Ст. 7 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Оттава, 28.05.1988 г.)

²⁸⁶ Статья 4 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 года

²⁸⁷ Проект подготовлен Межамериканским юридическим комитетом в 1960 г.

проект Конвенции ОЭСР "О защите иностранной собственности" (1967 г.), международный договор универсального характера, который бы комплексно регулировал правоотношения собственности, осложнённые иностранным элементом, так и не был создан. Гагская конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров, 1958 г. также не вступила в силу.

Отметим, что многочисленные усилия специалистов в области международного частного права по гармонизации норм о праве собственности в разное время имели успех в рамках региональных объединений. Так, в результате работ, проводимых в рамках Организации Северного сотрудничества, в Норвегии (1978 г.) и Швеции (1986 г.) были приняты Законы о добросовестном приобретении (движимого имущества)²⁸⁸. В 2010 году в рамках Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА) были разработаны Единообразный закон об общем коммерческом праве²⁸⁹ и Единообразный закон об обеспечительных обязательствах²⁹⁰. Также в 2012 году Межпарламентской Ассамблеей СНГ был разработан Модельный закон «О праве собственности и его защите»²⁹¹. Все указанные документы содержат нормы, регулирующие отношения собственности.

В российской науке международного частного права процесс сближения права в форме унификации и гармонизации норм рассматривается как ценность, желаемая конечная цель работы всех учёных-международников. Так, проф.

²⁸⁸ Faber W., Lurger B. Principles of European Law. Study Group on a European Civil Code. Acquisition and Loss of Ownership of Goods. Selliers European Law Publishers. 2011. – PP. 936-937.

²⁸⁹ Uniform Act on General Commercial Law, December 15, 2010 in Lomé (Togo). //Official Journal of the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) February 15, 2011. Статьи 275 и 276 Единообразного закон об общем коммерческом праве регламентирует вопросы определения момента перехода права собственности на товары в общем случае и в случае применения сторонами оговорки о сохранении титула собственности за продавцом до наступления полной оплаты товара.

²⁹⁰ Acte Uniforme Portant Organization des Sûrétés, Décembre 15, 2010 à Lomé (Togo). //Official Journal of the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) February 15, 2011. Статьи 72-74 Единообразного закона об обеспечительных обязательствах посвящены непосредственно форме соглашения о сохранении титула собственности, действию его в отношении прав третьих лиц.

²⁹¹ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О праве собственности и его защите» от 17.05.2012. Источник: http://www.iacis.ru/upload/iblock/25e/9_a_2012.pdf Дата обращения — 30.10.2018.

Маковский А.Л. и Хлестова И.О. в своём труде высказывают мнение о том, что унификация норм частного права различных государств представляет собой «закономерность развития частного права»²⁹². Кроме того, в отечественной доктрине поддерживается точка зрения о том, что материально-правовая унификация является более совершенным способом, поскольку минует стадию коллизионной проблемы и позволяет регулировать правоотношения, осложнённые иностранным элементом, напрямую²⁹³.

Для зарубежной науки международного частного права последних лет достаточно характерной, напротив, является критика материально-правовой унификации в связи – по мнению ряда известных иностранных учёных – с её недостаточной эффективностью. Известный японский учёный, проф. Т. Коно (Toshiyuki Kono), чья работа была опубликована в Собрании трудов Гаагской академии международного права, доказывает, что выбор из множества правовых систем в случае применения коллизионного метода лучше, поскольку единственный, унифицированный свод правил - унифицированное материально-правовое регулирование - не может полностью удовлетворить потребности и ожидания частных лиц ни одного из договаривающихся государств. Положение о превосходстве материально-правового метода над коллизионным методом не учитывает возможных преимуществ, который может предложить коллизионный метод благодаря многообразию вариантов – национальных правовых систем. По мнению проф. Т. Коно, применение коллизионного метода при унификации международного частного права более предпочтительно²⁹⁴.

Данную точку зрения поддерживают американские исследователи проф. Б. Кобаяши (Bruce H. Kobayashi) и проф. Л. Рибштейн (Larry E. Ribstein), которые указывают, что процесс создания унифицированных норм подвержен влиянию

²⁹² "Проблемы унификации международного частного права: Монография" (отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова) "ИЗиСП", "Юриспруденция", 2012. - С.5-7.

²⁹³ Международное частное право: учебник/ под ред. Г.К.Дмитриевой. Москва: Проспект, 2018. – с. 19-21.

²⁹⁴ Kono T. Efficiency in Private International Law. Collected Courses of the Hague Academy of International Law, The Hague Academy of International Law, Vol. 369. - с. 419-437

разнонаправленных интересов множества различных участников: государств, международных организаций, профессиональных сообществ, - поэтому унифицированные материально-правовые нормы, представляющие собой некоторый компромисс между этими интересами, не могут устраивать всех участников²⁹⁵. По мнению исследователей, более высокий уровень сближения права с использованием материально-правового метода не позволяет участникам выбрать наилучшее решение.

Унифицированное материально-правовое регулирование также критикуется итальянскими учёными – проф. Э. Карбонара (Emanuela Carbonara) и проф. Ф. Париси (Francesco Parisi), - но по иным причинам. По их мнению, унифицированное материальное регулирование менее адаптивно к социальным изменениям, т.к. его создание требует значительных временных и финансовых затрат. В этом отношении унифицированное коллизионное регулирование, отсылающее к динамично развивающемуся национальному праву, которое способно быстрее и эффективнее реагировать на изменения социальных институтов, имеет неоспоримое преимущество перед материально-правовым. Кроме того, материально-правовая унификация препятствует конкуренции правовых систем. Там, где правовые системы конкурируют, происходит их эволюция, положительное развитие. А материально-правовая унификация устраняет различия между национальным правом государств и, следовательно, делает невозможной их конкуренцию²⁹⁶.

Помимо предпочтения коллизионно-правовой унификации материальной, характерной для зарубежной доктрины международного частного права тенденцией является то, что унификация частного права не воспринимается как высшая цель и ценность, а унифицированное регулирование (материальное) и его отсутствие рассматриваются как равноценные, альтернативные модели правового регулирования отношений, осложнённых иностранным элементом. Данная точка

²⁹⁵ Kobayashi B.H., Ribstein L.E. The Non-Uniformity of Uniform Laws //Journal of corporation law. Vol. 35. 2010. - p. 338-342.

²⁹⁶ Parisi F., Carbonara E. Choice of Law and Legal Evolution: Rethinking the Market for Legal Rules. Public Choice, Vol. 139, No. 3, 2009. С. 480-485.

зрения основывается на том, что в целом ряде зарубежных исследований государство рассматривается как субъект, противодействующий процессу глобализации и, в частности, сближению права, из опасений ущемления государственного суверенитета и из-за нежелания допускать вмешательство в их правовые системы²⁹⁷. На склонность государств противиться реализации вновь появляющихся унификационных проектов указывает в своей работе известный немецкий учёный - проф. Ю. Базедов (Jürgen Basedow)²⁹⁸. Также проф. Т. Коно выделяет ряд условий, при которых государство, изначально заинтересованное в применении своего права, готово «пожертвовать своими интересами» ради унификации норм частного права²⁹⁹.

Хотя, на наш взгляд, формулируемая указанными авторами идея несклонности государств поддерживать процесс унификации частного права, представляется несколько преувеличенной, нельзя игнорировать то влияние, которое оказывают интересы государств на процесс унификации норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности. Ведь, как отмечалось ранее, право собственности лежит в основе экономической системы каждого государства, формируется на протяжении длительного времени под влиянием местных социальных институтов, являясь отражением ментальных и культурных традиций государства, поэтому не может быть легко передано на международно-правовой уровень регулирования.

Кроме того, особенностью права собственности как вещного права, оказывающей влияние на процесс международно-правовой унификации норм о праве собственности, является то, что частноправовая концепция права собственности предполагает участие в правоотношении неограниченного количества лиц (сторон), не связанных контрактом и не имеющих возможности

²⁹⁷ Lehari A. Unbundling Harmonization: Public versus Private Law Strategies to Globalize Property. Chicago Journal of International Law Vol. 15 No. 2, 2015. – P.460-462.

²⁹⁸ Basedow J. Internationales Einheitsprivatrecht im Zeitalter der Globalisierung. //Int. Einheitsprivatrecht Im Zeitalter Der Globalisierung, № 81, RabelsZ, 2017. - с. 9.

²⁹⁹ Kono T. Efficiency in Private International Law. Collected Courses of the Hague Academy of International Law, The Hague Academy of International Law, Vol. 369. - с.450-463.

заранее предвидеть риски, связанные с осложнением правоотношения собственности иностранным элементом. В этой связи уровень сближения права норм о праве собственности должен быть выше, чем применительно к иным видам отношений, входящих в предмет международного частного права. На эту особенность правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, указывает проф. А. Лехави (Amnon Lehavi), делая вывод о том, что в процессе разрешения коллизионной проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, международно-правовыми средствами должен быть избран индивидуальный подход, учитывающий особенности права собственности как вещного права³⁰⁰.

Нельзя не согласиться с проф. А. Лехави в том, что унификация норм, регулирующих правоотношения собственности, представляет собой значительную нагрузку на национальные правовые системы. Учитывая тот факт, что субъектами, определяющими успешность международной конвенции, являются государства, присоединяющиеся либо не присоединяющиеся к этой конвенции, содержание унифицированных норм о праве собственности должно, в первую очередь, отражать интересы государств³⁰¹.

Вследствие этого определяющей тенденцией становится постепенный переход к «мягким» формам сближения права. Отметим, что ввиду вышеназванных причин данная тенденция особенно ярко выражена в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, поскольку в этом случае государства могут самостоятельно определять степень сближения правовых систем и данный процесс не представляет собой значительной нагрузки на их правовые системы.

В подтверждение данной позиции, с сожалением отмечая в целом недостаточную эффективность процесса унификации, проф. Т. Коно выделяет ряд

³⁰⁰ Lehavi A. Указ. соч. - с. 461.

³⁰¹ A. Lehavi. Указ. соч. - с. 456.

черт, объединяющих немногие наиболее успешные международные конвенции³⁰²: 1) содержат возможности для отступления от положений конвенции³⁰³; 2) конвенция предоставляет государствам возможность самостоятельно закреплять приоритет прав, указанных в тексте конвенции³⁰⁴; 3) конвенция устанавливает дифференцированное регулирование прав на различные объекты вещных прав³⁰⁵. Говоря о мерах повышения эффективности процесса унификации частного права, проф. Т. Коно также указывает на возможность предоставления большей свободы усмотрения государствам за счёт более широкого применения стандартов в тексте международных конвенций³⁰⁶.

Несоответствие результатов унификационного процесса в сфере частного права ожиданиям представителей научного сообщества отмечает проф. Ю. Базедов, в качестве причин указывая на то, что унификация основывается на использовании международно-правового договора, который изначально был предназначен для закрепления соглашений между государствами в области международного публичного права, но не в сфере частного права. Примечательно то, что, несмотря на относительно низкую эффективность унификации, проф. Ю. Базедов не рассматривает способ гармонизации норм частного права в качестве альтернативы унификации, поскольку проведение гармонизации в форме модельных законов обладает недостатком: имплементация норм модельных законов в национальное законодательство государств производится с отступлениями от изначального текста. В связи с этим частные лица вынуждены исследовать иностранное право, для того чтобы определить, с какими отступлениями были восприняты нормы модельного закона в праве конкретного государства. По мнению проф. Ю. Базедов,

³⁰² Из двадцати четырёх конвенций ЮНСИТРАЛ и УНИДРУА, регулирующих частноправовые отношения, только к четырём конвенциям присоединилось 50 и более государств-участников, а 15 конвенций – 1(0) участников.

³⁰³ Например, ст. 7(2), ст. 90, ст.6 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

³⁰⁴ Например, ст. 39(1), ст.40 Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаун, 16 ноября 2001 г.)

³⁰⁵ Например, три протокола к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. посвящены различным видам объектов.

³⁰⁶ Kono T. Efficiency in Private International Law. Collected Courses of the Hague Academy of International Law, The Hague Academy of International Law, Vol. 369. - с.437-442.

модельные законы и принципы могут служить скорее ориентирами для процесса сближения права, но не полноценной альтернативой международным конвенциям³⁰⁷.

По нашему мнению, ввиду высокого уровня сложности разрешения коллизионной проблемы, возникающей при регулировании правоотношений собственности с иностранным элементом, возможными - и более эффективными - способами сближения права в данной сфере являются традиционные способы сближения права: 1) унификация в форме конвенций, предоставляющих государствам свободу усмотрения в вопросах регулирования права собственности, либо 2) гармонизация норм внутреннего материального права государств в форме модельных законов и принципов. Выбор нами этих форм и способов разрешения коллизионной проблемы связан с тем, что использование «мягких» форм сближения права снижает нагрузку на национальные правовые системы государств, которая, как было рассмотрено выше, сама по себе достаточно велика в сфере регулирования отношений собственности. Однако второй способ – гармонизация в форме модельных законов – представляется нам более перспективной, поскольку такая форма сближения права не налагает обязательств на государства и не затрагивает их суверенитета.

Данная точка зрения находит отражение в деятельности межправительственных организаций и комиссий по унификации частного права. Например, при выработке норм, регулирующих применение оговорки о сохранении права собственности за продавцом до момента полной оплаты товара, – вопросе, имеющем чрезвычайно важное значение для имущественного оборота между частными лицами различных государств. Нормы о сохранении права собственности за продавцом закреплены в ст. 2, ст. 4 Гаагской конвенции о праве, применимом к переходу права собственности в международной купле-продаже товаров (движимых материальных вещей), 1958 г., которая, к сожалению, так и не вступила в силу, поскольку не набрала необходимого количества ратификаций. Однако

³⁰⁷ Basedow J. Internationales Einheitsprivatrecht im Zeitalter der Globalisierung. //Int. Einheitsprivatrecht Im Zeitalter Der Globalisierung, № 81, RabelsZ, 2017. - с. 30.

впоследствии нормы о сохранении титула собственности за продавцом были включены в Типовой закон ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках 2017 г.³⁰⁸ Таким образом, при выборе способа разрешения коллизионной проблемы относительно одного и того же вопроса, произошёл переход от унификации к способу гармонизации норм.

Особенности процесса унификации норм, регулирующих правоотношения собственности, осложнённые иностранным элементом. В отечественной научной литературе поддерживается тезис о сложности процесса унификации правового регулирования права собственности с иностранным элементом и слабой его осуществимости. Так, в учебнике С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой по международному частному праву подчёркивается, что несмотря на активную деятельность по унификации и гармонизации этих норм институт права собственности в международном частном праве остаётся «противоречивой, пробельной и сложной отраслью права»³⁰⁹. В.В. Плеханов в качестве причины, по которой унификация норм о праве собственности осложнена, называет «сильную дивергенцию материально-правового регулирования» во внутреннем праве государств, отражающую различия правовой культуры. Этой же позиции придерживаются некоторые зарубежные авторы.³¹⁰

Усилия по кодификации норм международного частного права, касающихся права собственности, на международно-правовом уровне имели (относительный) успех только в Латинской Америке. Это, в первую очередь, Кодекс Бустаманте 1928 года³¹¹. Кодекс Бустаманте содержит подробные положения, которые в первую очередь отсылают к закону места нахождения имущества, но также содержат и иные коллизионные привязки.

³⁰⁸ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках. Издание Организации Объединённых Наций. Нью-Йорк, 2017 г.

³⁰⁹ Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2015. – с.153-155.

³¹⁰См., например: Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. – P. 44.

³¹¹ Статьи 105-140 Кодекса Бустаманте /Makarov, t.II, 2ed. pp. 1ss.

Попытки унификации коллизионных норм о праве собственности с иностранным элементом - с более широким размахом – предпринимались в рамках Гаагской конференции по международному частному праву³¹², а также между государствами Бенилюкса³¹³, но не достигли своей цели.

Проводимые ещё в Европейском сообществе работы по комплексной унификации норм международного частного права о праве собственности совместно с положениями об обязательствах, также потерпели неудачу³¹⁴.

Конвенции, разработанные в рамках Специальных межамериканских конференций по международному частному праву (CIDIP)³¹⁵, не затрагивают вопросов права собственности в отношении движимого имущества.

Утверждения о том, что нормы о праве собственности в международном частном праве сложно поддаются унификации, безусловно, верны, однако хочется сказать несколько слов «в защиту» института права собственности. В данной сфере процесс унификации действительно осложнён множеством факторов. Но необходимо учитывать и тот факт, что унификация норм невозможна без их первоначального закрепления во внутреннем праве государств, а правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, на национальном уровне – особенно в отношении вещных прав на движимое имущество – является сравнительно «молодым». Так, ещё в 1997 году из пятнадцати стран-участниц Европейского союза, выступающего в качестве одного из мировых центров в области унификации права, законодательство лишь пяти

³¹² См. представленный на Третьей Гаагской конференции проект Рогена (Roguin): Premier Avant-Projet de Convention internationale, Dispositions sur les droits reels. Actes et documents de la troisieme Conference de la Haye pour le droit international prive, 1900, p.61. См. также резолюцию Института международного права, принятую в Мадриде в 1911г.: Ann. Institute droit international, Bruxelles, 1928. - pp. 1361-1370. В резолюции рассматриваются вопросы применения *lex rei sitae* и признания приобретённых прав в случае мобильного конфликта.

³¹³ *Traite Benelux*. В статье 16 определено, что «вещные права на объекты материальной собственности должны быть зарегистрированы в соответствии с законом государства, в котором они находятся».

³¹⁴ Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 года.

³¹⁵ Conferencia Especializada Interamericana sobre Derecho Internacional Privado: CIDIP I 1975 (Panama), CIDIP II 1975 (Montevideo), CIDIP III 1984 (La Paz), CIDIP IV 1989 (Montevideo), CIDIP V 1994 (Mexico City).

государств – Австрии, Греции, Италии, Португалии и Испании – содержало коллизионные нормы о праве собственности с иностранным элементом. В праве других государств, например, в Германии, право, применимое к правоотношениям собственности, за исключением вещных прав на воздушные и морские суда - определялось с помощью неписаных правил – обычаев, широко применявшихся в практике судов. Очевидно, что если национально-правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, в законодательстве европейских государств находилось на этапе формирования, то об унификации соответствующих норм говорить не приходилось.

Говоря о недостаточности унифицированного международно-правового регулирования отношений собственности, исследователи зачастую сравнивают его с унификацией норм о наследовании, о международных перевозках и т.д. А ведь указанные сферы правового регулирования исторически устанавливались гораздо раньше права собственности. Начиная с XIII века в европейской науке установилась тенденция исследования правил по установлению права, применимого к правам на имущество, в контексте разрешения осложнённых иностранным элементом споров о наследственном имуществе. Так рассматривали право собственности постгlossаторы Жак де Ревиньи, Иоанн Фабер, Бартол, Бальд³¹⁶. Такой подход сохранился в системе общего права. В то же время составление унифицированных международно-правовых актов может занимать годы кропотливой работы, требуется определённая степень научной разработанности соответствующих вопросов в доктрине международного частного права. Вопросы правового регулирования наследственных, договорных отношений, отношений по перевозке и других правоотношений, осложнённых иностранным элементом, начали получать освещение в доктрине раньше, чем вопросы права собственности, и, соответственно, позже началась работа по их унификации.

Вместе с тем, унификация правового регулирования права собственности с иностранным элементом осложнена также по иным причинам. Так, правовое

³¹⁶ Брун М.И. Очерки истории конфликтного права, 1915. - С. 42-58.

регулирование отношений собственности в международном частном праве характеризуется множественным расщеплением норм, связанным с неограниченным дроблением категории «имущество». За последние несколько десятилетий выделилось множество новых категорий объектов права собственности, для каждого из которых устанавливались специальные коллизионные нормы. В свою очередь, рост числа коллизионных норм влечёт увеличение объёма работ по унификации коллизионного регулирования права собственности. Сегодня в условиях выделения новых категорий объектов права собственности скорость расщепления соответствующих коллизионных норм превышает скорость проведения работ по унификации. При сохранении этой тенденции результаты унификации норм о праве собственности в международном частном праве никогда не будут достаточными для того, чтобы удовлетворить потребности имущественного оборота.

Эффективность процессов международно-правовой унификации и гармонизации норм, регулирующих отношения собственности. Для успешного проведения гармонизации норм внутреннего частного права государств, равно как и для унификации, требуется не только согласованная воля ряда государств, но и наличие такого фактора, как общность правовой традиции. Процесс сближения правовых норм, осуществляемый в рамках региональных объединений, считается наиболее удачным, поскольку, как правило, в рамках одного макрорегиона правовые системы государств обладают наибольшим сходством вследствие наличия длительных торговых связей, общих условий развития общества и т.д. Все эти факторы имеют особенно большое значение для сближения норм о праве собственности, поскольку материальное право государств в части регулирования отношений собственности различается сильнее, чем в отношении иных институтов частного права.

Наиболее успешно процесс гармонизации норм о праве собственности был проведён в рамках следующих региональных объединений:

1. Организация Северного сотрудничества, учреждённая на основе Хельсинкского договора о северном сотрудничестве между Исландией,

Финляндией, Данией, Швецией и Норвегией 1962 г.³¹⁷ В 1899 г. проф. Б. Ларсен предложил идею создания единого Скандинавского гражданского кодекса по образцу ГГУ, однако от этой идеи отказались, так как правовые конструкции ГГУ были чужды традиционному подходу скандинавских юристов³¹⁸. Впоследствии было принято решение о создании единообразных норм отдельных институтов - обязательственного права и права собственности. Так, в Скандинавских странах была проведена гармонизация норм о вещных правах на вексель. Так, в 1936 г. в Швеции, а затем и в Дании были приняты Законы о простом векселе, где, в частности, закреплялся принцип защиты права добросовестного приобретателя в отношении похищенного имущества³¹⁹. Кроме того, в Норвегии (1978 г.) и Швеции (1986 г.) были приняты Законы о добросовестном приобретении (движимого имущества), где законодатель устанавливает различные правила разрешения спора между собственником и добросовестным приобретателем в зависимости от того, каким образом произошла утрата владения собственником³²⁰. Гармонизация норм о вещных правах на недвижимость - в той сфере, где различия в правовых традициях наиболее значимы, - в рамках северного сотрудничества успеха не имела³²¹. Особенность процесса гармонизации законодательства в этих странах заключается в том, что их правовые акты не являются идентичными, поскольку скандинавское право представляет собой юридическую концепцию, а не систему позитивного права.

³¹⁷ Общепринятым считается мнение о том, что в этом регионе европейского континента было создано одно из самых устойчивых региональных объединений. Скандинавская модель сотрудничества рассматривается в качестве модели для аналогичного сотрудничества на уровне ЕС. Подробнее об этом см.: Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование. Монография. Под ред. Кашкин С.Ю. Изд-во Проспект. 2015. – С. 321.

³¹⁸ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. - С. 186-187.

³¹⁹ См., например: Goksor R. Jurisprudence On Protection Of Weaker Parties In European Contracts Law From A Swedish And Nordic Perspective //Chi-Kent Journal of International & Comparative Law, № 6 (2006). - P. 199; Liliya M. National report on the transfer of movables in Sweden. In: Faber W., Lurger B. National report on the transfer of movables in Europe. Vol. 5: Sweden, Norway and Denmark, Finland, Spain. //European Legal Studies, Vol. 14. Walter de Gruyter, 677 p. – pp. 138-139.

³²⁰ Faber W., Lurger B. Principles of European Law. Study Group on a European Civil Code. Acquisition and Loss of Ownership of Goods. Selliers European Law Publishers. 2011. – PP. 936-937.

³²¹ Попондопуло В.Ф., Скворцов О.Ю. Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: Сборник научных статей, Т. 5. Изд-во Волтерс Клувер, 2005. – С. 376-377.

2. Организация по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА), участниками которой являются 17 западно- и центрально-африканских государств, большинство из которых - бывшие колонии Франции. В 2010 году в рамках данной организации были разработаны Единообразный закон о общем коммерческом праве³²² и Единообразный закон об обеспечительных обязательствах³²³. Статьи 275 и 276 Единообразного закон об общем коммерческом праве регламентирует вопросы определения момента перехода права собственности на товары в общем случае и в случае применения сторонами оговорки о сохранении титула собственности за продавцом до момента полной оплаты товара. Статьи 72-74 Единообразного закона об обеспечительных обязательствах посвящены непосредственно форме соглашения о сохранении титула собственности, действию его в отношении прав третьих лиц.

3. Содружество независимых государств. Межпарламентской Ассамблеей СНГ был разработан Модельный закон «О праве собственности и его защите» от 17 мая 2012 года³²⁴. Достоинством Модельного закона «О праве собственности и его защите» является то, что он содержит достаточно полный перечень оснований возникновения права собственности в отношении различных объектов (клад, находка, безнадзорные животные и т.д.), что можно найти в законодательстве далеко не всех государств ЕАЭС. Большое внимание уделено вопросам защиты права собственности (ст.9, ст.28 Модельного Закона). По нашему мнению, Модельный закон «О праве собственности и его защите» от 17 мая 2012 г. может быть использован и в рамках ЕАЭС.

Наиболее успешная унификация норм международного частного права, регулирующих право собственности, была проведена в 1928 году в государствах

³²² Uniform Act on General Commercial Law, December 15, 2010 in Lomé (Togo). //Official Journal of the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) February 15, 2011.

³²³ Acte Uniforme Portant Organization des Sûretés, Décembre 15, 2010 à Lomé (Togo). //Official Journal of the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) February 15, 2011.

³²⁴ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О праве собственности и его защите» от 17.05.2012. Источник: http://www.iacis.ru/upload/iblock/25e/9_a_2012.pdf Дата обращения — 30.10.2018.

Латинской Америки, где был разработан Кодекс Бустаманте. Другой пример успешной унификации – создание Минской конвенции 1993 г., участниками которой являются страны СНГ.

Как видно из приведённых примеров, процесс сближения правовых норм, регулирующих право собственности, путём унификации и гармонизации происходит в основном на региональном уровне.

Регионализация в правовом регулировании отношений собственности, а точнее – т.н. «стихийная» гармонизация на региональном уровне, получает выражение в особых чертах некоторых новых национальных кодификаций международного частного права, в частности, государств Восточной Азии. За последние десятилетия на законодательной основе, которая ранее была заимствована у европейских стран, начинают проявляться особые характеристики, отличающиеся от кодификаций МЧП государств Европейского континента, но общие для ряда стран Восточной Азии (см. пар. 3.5). На наш взгляд, данное явление является отражением процесса регионализации, постепенно вступающего в конкуренцию с процессом глобализации как основной тенденцией современного развития.

Ещё в 1958 году проф. Лимпенс Ж. (Jean Limpens), отмечая формирование тенденции регионализации в процессе унификации норм международного частного права, указывал на то, что многие международные конвенции, считающиеся универсальными, фактически являются региональными актами.³²⁵ Процесс унификации норм международного частного права на региональном уровне считается более успешным, поскольку в нём, как правило, участвуют государства, характеризующиеся наличием схожих правовых традиций и меньшим количеством различий во внутреннем праве.

Представляется, что утверждение об осложнении процесса унификации правового регулирования права собственности обосновывается преимущественно в научных исследованиях авторов Европейского континента. Это утверждение не

³²⁵ Limpens Jean. Les constantes de l'unification du droit privé. Revue internationale de droit comparé. Vol. 10 N2, 1958. PP. 296-297.

может рассматриваться как универсально справедливое, поскольку в различных макрорегионах мира имеются различные предпосылки для сближения права в сфере права собственности. Данный процесс на Европейском континенте значительно осложнён, поскольку в различных государствах этого макрорегиона действует романское, германское, скандинавское и английское право, по-разному понимающие право собственности, что осложняет процесс сближения права в этом макрорегионе. Однако в ряде регионов (макрорегионов) мира сформировались более благоприятные условия для сближения права в сфере регулирования отношений собственности. К числу таких регионов как раз относятся государства, ранее входившие в состав СССР, правовые системы которых объединяют общие подходы к регулированию отношений собственности, воспринятые из советского права.

Представляется, что, с точки зрения успешности осуществления сближения правовых норм, регулирующих отношения собственности, наиболее предпочтительным способом разрешения коллизийной проблемы на международно-правовом уровне в рамках ЕАЭС сегодня также является способ гармонизации норм международного частного права. Условия, необходимые для успешной унификации и гармонизации правового регулирования в рамках ЕАЭС выполняются постольку, поскольку государства-участники обладают общностью правовой традиции, основанной на положениях советского права.³²⁶

Издание обязывающих актов, сходных по своему действию с директивами Европейского Парламента и Совета ЕС, в рамках ЕАЭС на сегодняшний день невозможно, поскольку государства, входящие в ЕАЭС, в большинстве своём выступают против создания наднационального парламента, обладающего правом принятия актов, обязательных для участников союза. Это вполне соответствует

³²⁶ Характеризуя социалистическое право, Р. Давид определял его как разновидность правовых семей. Особенности социалистического (советского) права заключались в конкуренции ведомственного нормотворчества и законов, допущении существования судейского и обычного нормотворчества в исключительных случаях и только при условии сохранения формального верховенства закона. Все эти особенности и сегодня находят отражение в праве государств-участников ЕАЭС.

общемировой тенденции, в соответствии с которой государства отдают предпочтение более мягким формам сотрудничества.

По сравнению с изданием директив, создание региональных международных конвенций представляется более приемлемым вариантом для ЕАЭС. Во-первых, потому что участники ЕАЭС уже имеют позитивный опыт заключения международных договоров, унифицирующих, в том числе, нормы о праве собственности, полученный ими в рамках СНГ. Во-вторых, в процессе согласования положений международной конвенции у государств имеется гораздо больше возможностей скорректировать содержание интересующих их норм.

Однако создание международных конвенций, подобно Минской конвенции 1993 г., не вполне соответствует современным реалиям международных отношений. В будущем ЕАЭС может расшириться за счёт включения в его состав некоторых стран Восточной Азии и Ближнего Востока. Разумеется, что правовое регулирование отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, в этих государствах значительно отличается от подхода, принятого в законодательстве государств-участников СНГ, право которых основывается на правовых конструкциях советского права.

В этой связи создание модельных законов представляет собой наиболее гибкий способ создания единообразных норм о праве собственности в рамках ЕАЭС. Ведь преимуществом создания модельного закона перед заключением международного договора является то, что каждое государство может вводить положения этого закона постепенно или все сразу, то есть может самостоятельно определять ту степень, в какой оно готово «пожертвовать» некоторыми традиционными для своего права подходами. При заключении международного договора государствам в гораздо большей степени приходится идти на уступки. Представляется, что в условиях, когда правовое регулирование права собственности, закреплённое в национальном законодательстве, сильно различается, создание модельного закона является наиболее приемлемым способом разрешения коллизионной проблемы.

§3.5. Расширение сферы применения принципа автономии воли сторон в коллизионном регулировании отношений собственности. Усиление тенденции регионализма в подходах государств к закреплению принципа автономии воли сторон и принципа наиболее тесной связи при регулировании правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом

В этом параграфе проводится систематизация форм закрепления принципа автономии воли сторон и ограничений сферы его действия, что даёт возможность выделить потенциально возможные направления расширения сферы применения данного принципа. Предлагаются меры по расширению сферы действия принципа автономии воли сторон в российском законодательстве. Также делается вывод о формировании региональных подходов к закреплению соотношения принципа автономии воли сторон и принципа наиболее тесной связи. На примере государств Европы и Восточной Азии определяются особенности формирующихся подходов и проводится их сравнение. Выявляются характерные черты российского подхода к закреплению соотношения между принципом автономии воли сторон и принципом наиболее тесной связи.

Расширение сферы применения принципа автономии воли сторон как одна из форм проявления процесса либерализации коллизионного регулирования отношений собственности. Расширение сферы применения принципа автономии воли сторон является объективной тенденцией совершенствования коллизионного регулирования отношений собственности во внутреннем праве государств. В ходе конкуренции за привлечение иностранной собственности и инвестиций на свою территорию государства стремятся обеспечить благоприятные условия для коммерческой деятельности с иностранным элементом. Одним из средств достижения этой цели является предоставление сторонам договора возможности выбрать право, применимое к

переходу права собственности между ними, а именно – закрепление принципа автономии воли сторон и расширение сферы его применения.

Главный вопрос, связанный с применением данного принципа в коллизионном регулировании отношений собственности, заключается в следующем: каким образом и в каких пределах будет расширяться сфера применения принципа автономии воли сторон? Ниже будет показано, что

1) возможные направления её расширения определяются тем, в какой форме и с какими ограничениями закрепляется принцип автономии воли сторон, применяемый при регулировании отношений собственности, во внутреннем праве конкретного государства;

2) действительные пределы расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в коллизионном регулировании отношений собственности зависят от выбора национального законодателя – в пользу правовой определённости, прозрачности правового регулирования (т.н. «интересов правопорядка») либо в пользу частного интереса.

Принцип автономии воли сторон, применяемый при регулировании отношений собственности, закрепляется в праве государств в различной форме и с различными ограничениями сферы его действия. Анализ коллизионных норм внутреннего права РФ и целого ряда зарубежных стран показывает, что закрепление принципа автономии воли сторон, применяемого при регулировании отношений собственности, возможно в двух формах: прямой или опосредованной (непрямой).

Прямая форма закрепления принципа автономии воли сторон предполагает, что стороны могут выбрать в качестве права, применимого к переходу права собственности по договору, право любого государства – независимо от того, правом какого государства регулируется договор между ними. Таким образом, переход права собственности и договор, лежащий в его основе, могут быть подчинены различным правопорядкам. Данная форма автономии воли сторон, с одной стороны, предоставляет сторонам широкие возможности для закрепления в тексте договора более выгодных для них условий, но, с другой стороны,

несовпадение вещного и обязательственного статутов влечёт конкуренцию статутов и снижает уровень правовой определённости не только для сторон договора, но и для третьих лиц.

«Опосредованная» автономия воли сторон, напротив, выражается в том, что стороны договора могут в качестве права, применимого к переходу права собственности, выбрать только право, применимое к договору. Термин «опосредованная автономия воли сторон» означает, что хотя формально сторонам предоставляется лишь один альтернативный вариант для выбора (право, применимое к договору), но этот правопорядок, как правило, также определяется с использованием принципа автономии воли сторон, действие которого практически не ограничено в договорном регулировании. В случае закрепления принципа автономии воли сторон в опосредованной форме сторонам договора предоставляется меньше вариантов для выбора права, применимого к переходу права собственности, однако использование опосредованной формы обеспечивает единство вещного и обязательственного статутов, что, с одной стороны, значительно повышает уровень правовой определённости, но, с другой стороны, в меньшей степени соответствует частному интересу.

Независимо от того, в какой из двух форм – прямой либо опосредованной – закреплён принцип автономии воли сторон в законодательстве того или иного государства, сфера действия принципа автономии воли сторон может быть ограничена с помощью целого ряда приёмов и средств правового регулирования. В различных правовых системах эти ограничения могут вводиться по отдельности или в совокупности, образуя уникальное сочетание – особый для каждой правовой системы способ применения автономии воли сторон в коллизионном регулировании права собственности.

Анализ коллизионных норм внутреннего права РФ и ряда зарубежных государств позволяет выделить следующие ограничения сферы действия принципа автономии воли сторон в коллизионном регулировании отношений собственности:

1. Действие только между сторонами договора (использование оговорки «без ущерба для прав третьих лиц», см. подробнее параграф 2.1). В праве большинства государств мира, признающих автономию воли сторон в коллизионном регулировании права собственности, действие этого принципа ограничивается отношениями между сторонами договора и не затрагивает прав третьих лиц. Однако имеются исключения. Так, в одной из новых кодификаций МЧП – Законе КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г. – закрепляется принцип абсолютной автономии воли сторон применительно к вещным правоотношениям, то есть автономии воли, не ограниченной правами третьих лиц.³²⁷ Данная коллизионная норма (§37 Закона) неоднократно подвергалась критике со стороны китайских юристов-международников, однако изменения в Закон так и не были внесены, из чего можно сделать вывод о целенаправленном закреплении этого принципа, целью которого является поддержание высоких темпов экономического развития Китая.

2. Распространение сферы действия принципа только в отношении права собственности на отдельные категории имущества в международном частном праве - в отношении товаров в пути, а также имущества, переход права собственности на которое осложнён оговоркой о сохранении права собственности за продавцом. К примеру, согласно ст. 128 Книги 10 ГК Нидерландов 2011г., стороны договора, заключённого с оговоркой о сохранении права собственности за продавцом до момента полной оплаты товара, могут выбрать право, применимое к переходу права собственности между ними. В праве других государств, напротив, правоотношения собственности в отношении отдельных видов имущества могут быть исключены из сферы действия принципа автономии воли сторон. Так, в соответствии с пунктами 2 и 3 ст. 1206 ГК РФ, правоотношения по поводу возникновения права собственности на товары в пути исключены из сферы действия принципа автономии воли сторон.

³²⁷ Tang Zh.S., Xiao Y., Huo Zh. (2016) Conflict of Laws in the People's Republic of China (Elgar Asian Commercial Law and Practice series) Edward Elgar Publishers. – Pp. 432-436.

3. Распространение сферы действия принципа автономии воли сторон только в отношении отдельных аспектов правоотношения собственности, а именно – возникновения (прекращения) права собственности. В большинстве правовых систем, признающих применение принципа автономии воли сторон в коллизионном регулировании правоотношений собственности, сфера действия данного принципа действительно ограничена только вопросами возникновения и прекращения (перехода) права собственности. Однако в законодательстве отдельных государств действие принципа автономии воли сторон распространяется в отношении права собственности в целом, а не только в части его возникновения и прекращения³²⁸.

4. Приём (принцип) т.н. «локализации» автономии воли сторон. В случае применения данного приёма перечень возможных вариантов для выбора права, применимого к переходу права собственности, прямо указывается законодателем. К примеру, согласно ст. 104 ФЗ Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. (с изм. от 2011 г.), стороны договора, по которому переходит право собственности, вправе выбрать между законом страны отправления, законом страны места назначения вещи и правом, применимым к договору.

5. Действие принципа автономии воли может быть поставлено под условие наступления определённых законодателем событий. Например, в соответствии с упоминавшейся ранее ст. 128 Книги 10 ГК Нидерландов, сфера применения принципа автономии воли сторон ограничена условием о том, что выбор права сторонами будет действителен только в случае фактического перемещения имущества в государство места его назначения.

Таким образом, можно выделить четыре модели автономии воли сторон, применимых при регулировании правоотношений собственности, а именно:

1) Прямая неограниченная автономия воли. Данная модель автономии воли сторон закрепляется в законодательстве КНР: сфера действия принципа распространяется на правоотношения по поводу права собственности в целом (а

³²⁸ См., например, §37 Закона КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г.

не только по поводу отдельных его аспектов) на все движимые вещи не ограничиваясь отношениями между сторонами договора, причём стороны могут выбрать право любого государства, пусть даже не связанного с договором.

2) Опосредованная неограниченная автономия воли. Примером закрепления данной модели является п.2 ст. 133 Книги 10 ГК Нидерландов: в отношении товаров в пути применяется, по сути, неограниченная автономия воли, т.к. стороны вправе выбрать право, применимое к договору, без дополнительных ограничений.

3) Прямая ограниченная автономия воли. Данная модель автономии воли сторон закреплена, например, в п.1 ст. 45 Закон XXVIII о МЧП Венгрии от 2017 г.: сторонам договора предоставляется право выбрать право государства, в котором находится имущество, или право государства места назначения имущества. В соответствии с этой статьёй, сфера действия принципа автономии воли сторон не определяется обязательственным статутом, однако она ограничена приёмом (принципом) локализации автономии воли.

4) Опосредованная ограниченная автономия воли. Эта модель закрепления принципа автономии воли сторон принята в российском праве. Согласно пунктам 1-3 ст. 1206 ГК РФ, принцип автономии воли сторон применяется к правоотношениям по возникновению (прекращению) права собственности на все движимые вещи, за исключением товаров в пути, только в отношениях между сторонами. При этом стороны вправе выбрать в качестве права, применимого к переходу права собственности, только право, применимое к договору. Модель опосредованной ограниченной автономии воли, так же как и модель прямой ограниченной автономии воли, может получать различное выражение в зависимости от того, какие конкретно ограничения и в каком их сочетании были введены в коллизионном праве конкретного государства.

Таким образом, направления расширения сферы действия принципа автономии воли сторон, характерного для процесса либерализации коллизионного регулирования отношений собственности, зависят от конкретной модели закрепления данного принципа во внутреннем праве каждого государства.

В случае применения прямой неограниченной автономии воли единственным направлением расширения сферы его применения остаётся право собственности на недвижимость, что, на наш взгляд, вряд ли произойдёт, поскольку противоречит публичному интересу.

В случае же применения опосредованной ограниченной автономии воли сторон возможностей для расширения сферы применения данного принципа достаточно много. В российском праве такими направлениями могли бы стать введение прямой автономии воли, снятие оговорки «без ущерба для прав третьих лиц», введение автономии воли в отношении права собственности на товары в пути и на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения.

Однако, по нашему мнению, не все из указанных мер необходимо реализовывать, поскольку неограниченное расширение сферы действия автономии воли сторон (введение «прямой» автономии воли, распространение её действия в отношении третьих лиц) повышает степень неустойчивости правового титула собственности в международном частном праве. Это связано с тем, что введение прямой формы закрепления автономии воли влечёт ситуации конкуренции вещного и обязательственного статутов, что снижает уровень правовой определённости и способствует неустойчивости правового титула собственности (см. подробнее параграф 2.1). Кроме того, распространение сферы применения автономии воли сторон в отношении третьих лиц противоречит одной из особенностей коллизионного регулирования отношений собственности в международном частном праве, связанной с признанием третьих лиц более слабой стороной в правоотношении собственности, осложнённом иностранным элементом.

Вместе с тем, введение автономии воли в отношении возникновения права собственности на товары в пути и на имущество, являющееся предметом титульного обеспечения, могли бы способствовать либерализации коллизионного регулирования отношений собственности в российском праве, не вступая в противоречие с его особенностями.

Прогнозирование направлений и пределов расширения сферы действия принципа автономии воли сторон в российском праве, на наш взгляд, не представляется возможным, так как данный процесс зависит от того ценностного выбора, который сделает российский законодатель – в пользу правовой определённости, предсказуемости правового регулирования либо в пользу частного интереса. Для законодательства РФ возможности для расширения сферы применения принципа автономии воли сторон варьируются в диапазоне между опосредованной ограниченной автономией воли и прямой неограниченной автономией воли. Нами предлагается умеренная степень расширения сферы применения данного принципа в российском праве – исключительно путём распространения его на отношения по возникновению права собственности на товары в пути и имущество, являющееся предметом обеспечения, но не изменение формы закрепления данного принципа или устранение иных ограничений, закреплённых в ст. 1206 ГК РФ.

Соотношение принципа автономии воли сторон и принципа наиболее тесной связи как направлений «гибкого» регулирования в коллизионном регулировании отношений собственности. Термин «гибкое» регулирование был введён Акимовой Ю.М. в кандидатской диссертации «Принципы международного частного права»³²⁹. Понятие «гибкого» регулирования объединяет механизмы определения применимого права, не основанные на использовании коллизионных привязок к правовой системе некоторого государства. Под «гибким» регулированием понимается применение принципа наиболее тесной связи и принципа автономии воли сторон.

Различие между указанными направлениями «гибкого» регулирования заключается в том, что в случае применения принципа автономии воли сторон выбор применимого права осуществляется на уровне частных лиц (сторон договора), а в случае применения принципа наиболее тесной связи – на уровне правоприменителя (судьи). Закрепление принципа наиболее тесной связи и

³²⁹ Акимова Ю.М. Принципы международного частного права. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Специальность – 12.00.03. Москва, 2016.

расширение сферы его применения не рассматривается нами как проявление либерализации коллизионного регулирования отношений собственности. В связи с тем, что в случае применения принципа наиболее тесной связи выбор применимого права осуществляется судьёй, как правило, в рамках системы государственных судов (подробнее об этом см. параграф 2.1), представляется логичным, что данный принцип выражает скорее интересы правопорядка и публичный интерес нежели частный интерес.

Ниже на примере государств Европы и Восточной Азии будет показано, что

1) применение принципа автономии воли сторон в коллизионном регулировании отношений собственности характеризуется не только формой его закрепления и ограничениями сферы его действия, но также и тем, каким образом устанавливается соотношение между принципом автономии воли сторон и принципом наиболее тесной связи во внутреннем праве каждого государства;

2) выделяются различные подходы к закреплению соотношения указанных принципов, причём некоторые правовые системы, в которых приняты схожие подходы, могут быть объединены в группу государств одного макрорегиона мира³³⁰. Это даёт основание для выделения региональных подходов к закреплению соотношения между этими принципами.

Подход к регулированию правоотношений собственности с иностранным элементом, закреплённый в законодательстве государств Восточной Азии. Начиная со второй половины XX века правовые системы государств Восточной Азии начинают развиваться независимо от влияния государств европейской системы, сохраняя, однако, правовые институты, изначально разработанные в рамках Европейского подхода. Это обстоятельство во многом сближает подход европейских государств и подход азиатских государств к регулированию правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, по сравнению с тем, как если бы правовые системы государств Восточной Азии не восприняли основных положений Европейского подхода.

³³⁰ См. «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике», разработанные Секретариатом ООН.

Например, традиционное право Китая, действовавшее до 1911 года, содержало понятия и категории, не имеющие прямых аналогов в праве европейских государств.

Правовые системы государств Восточной Азии, развиваясь самостоятельно уже на протяжении нескольких десятилетий, сегодня проявляют признаки, не свойственные для государств европейской правовой системы. Об этом свидетельствует тот факт, что изменения в законодательстве этих государств, принятые с начала 2000-х годов, касающиеся регулирования отношений собственности с иностранным элементом – независимо от того, действуют они в социалистических государствах, либо в государствах с капиталистическим укладом хозяйствования – имеют схожие характеристики. Это даёт основание заключить, что в правовых системах некоторых государств Восточной Азии формируется самостоятельный подход к регулированию правоотношений собственности с иностранным элементом, отличный от соответствующей модели, разработанной ранее европейскими законодателями.

Восточноазиатская модель коллизионного регулирования правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, отличается от модели, закреплённой в законодательстве европейских государств. Объяснением этому, в том числе, могут быть формировавшиеся на протяжении тысячелетий различия в культурной сфере, в менталитете, в системах управления как на государственном уровне, так и на уровне частных лиц. Влияние правовых систем ведущих государств Европы – немецкого, французского и английского права – на протяжении нескольких десятилетий не может сравниться с более чем тысячелетней историей формирования правовой культуры в государствах Восточной Азии. За последние десятилетия на законодательной основе, которая ранее была заимствована у европейских стран, начинают проявляться особые характеристики, обладающие значительным своеобразием. Отдельные учёные

называют данный процесс «реставрацией национального МЧП»³³¹. На наш взгляд, данное явление является отражением процесса регионализации, постепенно вступающего в конкуренцию с процессом глобализации как основной тенденцией современного развития.

Особенностью правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, в целом является то, что обеспечивающие его нормы содержатся преимущественно в национальном законодательстве государств. Это касается как европейских государств, так и государств Восточной Азии. Причём в государствах Восточной Азии нормы, регламентирующие правоотношения собственности с иностранным элементом, претерпели наибольшие изменения с начала 2000-х годов.

Причины различий между моделями правового регулирования отношений собственности с иностранным элементом, закреплёнными в законодательстве европейских государств и государств Восточной Азии. Для многих европейских правовых систем, таких как, например, немецкая или швейцарская, важна структурированность и упорядоченность норм права. Если учесть тот факт, что немецкая правовая доктрина повлияла на формирование национального права большого числа европейских государств, становится понятным осторожное отношение к коллизионному правилу автономии воли сторон в целом и его применению при выборе права, применимого к отношениям собственности на движимые вещи. Ведь, помимо положительных свойств коллизионного правила автономии воли сторон, имеют место и негативные стороны его применения: оно создаёт благоприятные условия для обхода закона, поэтому требуется закрепление в законодательстве специальных средств защиты против подобных злоупотреблений и т.д. Для представителей восточноазиатских государств (КНР, Вьетнам, Республика Корея и др.) упорядоченность и непротиворечивость правовых категорий не играют столь важной роли, они

³³¹ Касаткина А.С. Современные кодификации международного частного права в странах Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика и Япония) //Право. Журнал Высшей школы экономики. №2, 2012. - с.147.

стремятся «принимать решения в соответствии с ситуацией», идти навстречу партнёру (контрагенту). Возможно, поэтому коллизионное правило автономии воли сторон, в частности, позволяющее гибко регулировать условия перехода права собственности, получило такое широкое распространение в законодательствах стран Восточной Азии.

Интересна позиция проф. Фрэнсиса Фукуямы, выделяющего общества высокого доверия, к которым он относит, в том числе, европейские государства, и общества низкого доверия, к которым им причисляются государства Восточной Азии. Согласно его оценке, для государств Восточной Азии в целом характерен низкий уровень доверия к государственным и правовым институтам, а также к судебным органам. С позиции государств Восточной Азии, предоставление судам права определять применимое право независимо от установленной в законе коллизионной нормы может привести к самым неожиданным результатам. В условиях низкого доверия к суду трудно воспринимать применение коллизионного правила наиболее тесной связи правоотношения с правовой системой страны, поскольку при его использовании разрешение ряда вопросов передаётся на усмотрение суда. Именно поэтому данное коллизионное правило в государствах Восточной Азии распространения не получило.

В то же время в государствах Европы коллизионное правило наиболее тесной связи применяется, в том числе, к спорам о праве собственности с иностранным участием. Так, оно закрепляется в законодательстве таких государств, как Германия (ст. 46 Вводного закона к ГГУ 1896 г. (с изм. от 2009 г.)), Австрия (§ 1 Федерального закона о МЧП 1978 г. (с изм. от 2004 г.)), Македония (ст. 3 Закона о МЧП от 2007 г. (с изм. от 2010 г.)), Нидерланды (ст. 8 ГК 2011 г.), Чехия (§ 24 Закона о МЧП 2012 г.), Швейцария (ст. 15 ФЗ о МЧП 1987 г. (с изм. от 2011 г.)). По всей видимости, это подтверждает то, что в обществах высокого доверия, к которым относятся приведённые страны, велика вера в государственные и правовые институты. Видимо, поэтому коллизионное правило наиболее тесной связи как основное коллизионное начало получило широкое распространение в государствах Европы. Недаром известный французский учёный Раймон Леже, выделяя важную

роль судов как регуляторов правовых отношений в современной Европе, отмечал: «Настоящее право зависит прежде всего от судей»³³².

Сопоставление коллизионного регулирования отношений собственности в европейских государствах и государствах Восточной Азии по критерию «бремени выбора применимого права»³³³ – то есть с учётом закрепления правила наиболее тесной связи и правила автономии воли сторон - не является случайным. Правило наиболее тесной связи и правило автономии воли сторон представляют собой базовые элементы в конструкции коллизионного регулирования, обеспечивающие выбор применимого права правоприменителем (судьёй), сторонами правоотношения и законодателем. Несмотря на различие в содержании самих коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности, общая логическая конструкция коллизионного регулирования, базирующаяся на этих трёх началах, будет оставаться неизменной. Однако, если выбор применимого права законодателем является общепринятым (в континентальном праве), то возможность выбора применимого права правоприменителем (судьёй) или сторонами закрепляется не повсеместно. Таким образом, сопоставление коллизионного регулирования отношений собственности в европейских государствах и государствах Восточной Азии представляется целесообразным проводить исходя из того, каким образом и в каком качестве закрепляются принцип автономии воли сторон и принцип наиболее тесной связи применительно к коллизионному регулированию отношений собственности.

Коллизионный принцип автономии воли сторон, закреплённый в законодательстве некоторых государств Европейского и Азиатского континентов. Одним из наиболее ярких отличий подхода к регулированию правоотношений собственности с иностранным элементом, закреплённого в законодательстве государств Восточной Азии, является расширение возможностей для определения применимого права сторонами договора. В то же время в

³³² Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. Wolters Kluwer Russia, 2009. - С. 60.

³³³ Акимова Ю.М. Принципы международного частного права. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Специальность – 12.00.03. Москва, 2016. – С. 11.

законодательстве европейских государств коллизионный принцип автономии воли сторон либо вообще не применяется к правоотношениям собственности, осложнённым иностранным элементом (Австрия, Венгрия, Албания, Германия, Италия, Латвия, Греция, Нидерланды, Люксембург), либо закрепляется с ограничениями (Испания, Литва, Швейцария). Так, в соответствии со статьёй 10 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.), стороны вправе выбрать в качестве права, применимого к возникновению и прекращению права собственности на товары в пути, закон страны места назначения. В отсутствие соглашения о выборе права между сторонами данное имущество считается находящимся в месте его отправления. Ст. 1.49 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2011 г.) и ст. 104 ФЗ Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. (с изм. от 2011 г.) предусматривают более широкий перечень возможных вариантов для выбора применимого права: стороны договора, по которому переходит право собственности, вправе выбирать между законом страны отправления, законом страны места назначения вещи и правом, применимым к основной сделке. Аналогичное положение содержится в статье 119 проекта ГК Сербии 2014 г. Европейский законодатель исходит из необходимости установления принципа «локализации автономии воли сторон» в отношении регулирования права собственности. Доводом в пользу принятия данного принципа, ограничивающего область возможных вариантов для выбора применимого права, является то, что в общем случае общественное отношение наиболее эффективно регулируется правом того государства, к которому оно тяготеет, в котором оно локализовано. Однако отсутствие закрепления принципа локализации автономии воли сторон применительно к правоотношениям собственности, осложнённым иностранным элементом, формирует более благоприятные условия для осуществления коммерческой деятельности. Налицо противоречие между стремлением европейского законодателя к упорядоченности правового регулирования, а также к гармонии судебных решений и частным интересом.

Практика взаимного влияния глобальных подходов к регулированию правоотношений, осложнённых иностранным элементом, свидетельствует, что

принцип «локализации автономии воли сторон» не выдерживает конкуренции с противоположным ему принципом, позволяющим сторонам выбирать право государства, не связанного с данным правоотношением. Это видно на примере применения принципа автономии воли сторон к сделкам с иностранным элементом. Изначально только в англо-американской системе права применение коллизионного правила автономии воли сторон не требовало наличия связи договора с избранными сторонами правом порядком. Однако сегодня в большинстве современных кодификаций, включая как европейские государства, так и более сорока государств за пределами ЕС³³⁴, требование связи договора с избранным правом порядком устранено. Подход, изначально сформировавшийся в рамках англо-американской системы права, постепенно стал общепринятым.

Необходимо понимать, что, несмотря на логичность принципа локализации, разумность его применения к правоотношениям собственности с иностранным элементом, со временем он, скорее всего, также будет вытеснен обратным подходом, который является более эффективным в коммерческой деятельности.

Несомненным достоинством подхода, закреплённого в законодательстве европейских государств, является положение о том, что выбор применимого права не должен влиять на права третьих лиц. Данная норма встречается в законодательстве всех европейских государств, в которых закрепляется автономия воли сторон. Иными словами, коллизионное правило автономии воли сторон применительно к отношениям собственности здесь носит ограниченный характер и действует только *inter partes*. Это имеет положительный характер, потому что непосредственный выбор сторонами применимого права, действующего в отношении третьих лиц (*erga omnes*) способствует нарушению прав третьих лиц и в недостаточной степени учитывает интересы хозяйственного оборота.

Как правило, в рамках европейского подхода к регулированию правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом,

³³⁴ Например, кодификации КНР (ст. 3, 41), Аргентинской Республики (ст. 2651), Японии (ст. 7), ОАЭ (ст. 19), РФ (ст. 1210) и др. См.: Symeon C. Symeonides. *Codifying choice of law around the world: an international comparative analysis*. Oxford University Press, New York, 2014. – P.116-120.

возможность самостоятельно определять применимое право предоставляется сторонам только в отношении права собственности на товары в пути.

Более широкое использование принципа автономии воли сторон при установлении коллизионного регулирования отношений собственности характерно для законодательства государств Восточной Азии. Принцип автономии воли сторон, сформулированный в западной правовой доктрине, удачно «вписался» в Восточноазиатский подход к регулированию правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, поскольку применение данного коллизионного принципа в большей степени отражает интересы сторон договора и при желании позволяет в большей степени учитывать интересы покупателя.

Примером осторожного обращения к принципу автономии воли сторон в рамках подхода, закреплённого в законодательстве государств Восточной Азии, может служить п. 2 ст. 766 ГК Вьетнама 1995 г., в которой применение данного принципа предусмотрено только в отношении товаров в пути. Тем временем законодательство Монголии (ст. 547 ГК Монголии 2002 г.) и законодательство Китая (§37 и §38 Закона КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г.) распространяют применение коллизионного правила уже в отношении всего движимого имущества, а не только в отношении товаров в пути. При этом выбор сторонами применимого права не ограничен только перечислением возможных вариантов. В соответствии с данными нормами, стороны вправе выбрать в качестве права, применимого к вещным правам на движимое имущество, право любого государства, пусть даже не связанного с правоотношением. Правило автономии воли сторон закрепляется здесь как основное начало коллизионного регулирования права собственности на движимое имущество, иные коллизионные привязки применяются лишь при отсутствии соглашения между сторонами. Особенностью данного правила в государствах Восточной Азии является также и то, что действие автономии воли сторон носит неограниченный характер, поскольку соответствующие нормы не содержат положений, которые бы учитывали интересы третьих лиц.

С одной стороны, закрепление правила автономии воли сторон в отношении всего движимого имущества в рамках данного подхода является оправданным, поскольку его применение способствует наиболее полной реализации намерений (интересов) сторон договора, по которому переходит право собственности. Предоставление сторонам договора возможности самостоятельно определять право, применимое к переходу права собственности, положительно сказывается на развитии торговли товарами и, особенно, оборудованием, необходимым для производства продукции, между частными лицами различных государств. Поэтому закономерно, что ряд государств Азиатского континента демонстрирует видимый успех в осуществлении внешней торговли. С другой стороны, интересы коммерческого оборота диктуют необходимость учёта интересов третьих лиц, что было удачно реализовано в рамках подхода, сформировавшегося в европейских государствах.

Для дальнейшего развития хозяйственных связей законодательству европейских государств требуется более широкое применение коллизионного правила автономии воли сторон, а именно – распространение его не только на товары в пути, но и на все движимые объекты права собственности, предоставление сторонам оборота возможности выбора права того государства, которое даже не связано с правоотношением. Также необходимо осознать, что сотрудничество с частными лицами государств Восточной Азии, в которых принцип «локализации автономии воли» при регулировании вещных прав распространения не получил, будет ориентировано на возможность выбора права любого государства, пусть даже и не связанного с правоотношением. Вместе с тем, не должны быть утрачены те положительные стороны коллизионного регулирования отношений собственности, которые были ранее выработаны в рамках европейского подхода: применение коллизионного правила автономии воли сторон должно носить ограниченный характер в связи с учётом прав третьих лиц.

Противоречие между коллизионным правилом автономии воли сторон и правилом наиболее тесной связи, закреплёнными в качестве основных коллизионных начал. Расширение сферы применения правила автономии воли

сторон необходимо также и потому, что без этого для частных лиц из государств Восточной Азии европейские частные лица представляют собой менее предпочтительных контрагентов, чем, скажем, частные лица из иных восточных государств. Это, в частности, может быть связано и с тем, что в законодательстве целого ряда европейских государств закреплено правило наиболее тесной связи как основное правило коллизионного регулирования.

Правило наиболее тесной связи правоотношения с правовой системой страны имеет двоякую природу. С одной стороны, его применение призвано обеспечить определение применимого права в случае пробелов в коллизионном регулировании, либо в том случае, когда применение действующей коллизионной нормы не приводит к установлению применимого права. Правило наиболее тесной связи в этом случае носит вспомогательный характер. Но, с другой стороны, правило наиболее тесной связи, закреплённое в качестве основного направления коллизионного регулирования, способно «корректировать применение коллизионных норм»³³⁵, а значит, использование данного правила способно иметь приоритет по отношению к соответствующим коллизионным нормам. От того, вспомогательная или основная роль отводится правилу наиболее тесной связи в законодательстве того или иного государства, зависит иерархия уровней выбора применимого права – выбор применимого права сторонами, правоприменителем (судьёй) или законодателем.

Несмотря на определённый субъективизм, к которому может привести применение правила наиболее тесной связи, оно получает всё большее распространение и закрепление в качестве основного коллизионного начала в законодательстве европейских государств. Например, в § 1 ФЗ Австрии «О международном частном праве» 1978 г. (ред. 2004 г.) закрепляется: «(1) Обстоятельства дела, соприкасающиеся с границей, рассматриваются в частноправовом отношении согласно тому правопорядку, с которым [у них]

³³⁵ Дмитриева Г.К. К вопросу о принципах международного частного права. Международные отношения и право: взгляд в XXI век. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской. Изд. Дом С.-Петербургского гос. университета. 2009 – С. 303.

присутствует наиболее прочная связь. (2) Содержащиеся в настоящем Федеральном законе отдельные правила о применимом правопорядке (отсылочные нормы) рассматриваются как выражение этого принципа». Более конкретно данный принцип сформулирован в п.1 ст. 15 ФЗ о МЧП Швейцарии 1987 г. (ред. 2011 г.): «В виде исключения право, на применение которого указывает настоящий Закон, не применяется, если с учетом всех обстоятельств дела очевидно, что дело имеет с этим правом лишь незначительную связь и в то же время имеет гораздо более тесную связь с правом какого-либо другого государства». В ряде европейских государств правило наиболее тесной связи имеет приоритет по сравнению с иными коллизионными привязками, закреплёнными в законодательстве государств.

Если правило наиболее тесной связи, закреплённое в законодательстве Австрии или Швейцарии, в качестве основного коллизионного начала применяется ко всем правоотношениям с иностранным элементом, то схожая по смыслу норма, но относящаяся именно к вещным правам, содержится в статье 46 Вводного закона к ГГУ 1896 г. (ред. 2009 г.).

По сути, может быть применён закон государства, иной, нежели ожидают стороны спора, в том случае, если суд сочтёт, что правоотношение имеет наиболее тесную связь с данным правопорядком. В соответствии с законодательством Швейцарии и Германии, суд вправе применить принцип наиболее тесной связи даже в том случае, когда стороны договорились о праве, применимом к переходу права собственности в отношении движимых вещей. Тем более, что немецкое право не признаёт коллизионное правило автономии воли сторон, а австрийское право признаёт данное правило, но не распространяет его действие на отношения собственности. Иные европейские государства, в законодательстве которых закрепляется правило наиболее тесной связи как основное коллизионное начало, предусматривают возможность его применения только в том случае, если стороны не осуществили выбор права. В этом случае, если стороны договорились о применимом праве и закон страны суда признаёт правило автономии воли сторон применительно к данному виду правоотношений, то даже при доминировании

правила наиболее тесной связи над коллизионными привязками в законодательстве страны суда к рассматриваемому спору будет применено избранное сторонами право.

К государствам, установившим в своём законодательстве правило наиболее тесной связи в качестве основного коллизионного начала, но исключившим из сферы его применения случаи, когда стороны договорились о выборе права, относятся Македония (ст. 3 Закона о МЧП 2007 г. (ред. 2010 г.)), Нидерланды (ст. 8 ГК 2011 г.), Чехия (§ 24 Закона о МЧП 2012 г.), Швейцария (ст. 15 ФЗ о МЧП 1987 г. (ред. 2011 г.)). Этот перечень имеет тенденцию к расширению. Между тем, только в швейцарском законодательстве сфера применения правила автономии воли сторон распространяется на регулирование перехода права собственности, однако только в отношении товаров в пути. Получается, что даже если стороны договорились о выборе права, применимого к переходу права собственности, то в судах перечисленных выше европейских государств, за исключением Швейцарии, данное соглашение не будет признано, поскольку, в соответствии с их законодательством, к сфере применения правила автономии воли сторон не относится право собственности на движимое имущество, а значит, существует вероятность применения к спорному правоотношению права, избранного судом по своему усмотрению в соответствии с правилом наиболее тесной связи.

Для того чтобы соглашение о выборе права, применимого к переходу права собственности в отношении движимых объектов, заключение которого характерно для региона Восточной Азии, было признано судом европейского государства, в законодательстве которого закреплено правило наиболее тесной связи как основное коллизионное начало, необходимо выполнение одновременно нескольких условий:

1. Из сферы применения правила наиболее тесной связи, закреплённого в качестве основного коллизионного начала, должны быть исключены те случаи, когда стороны уже договорились о праве, применимом к переходу права собственности,

2. Правовая система данного государства закрепляет коллизионное правило автономии воли сторон,

3. Выбор сторонами применимого права соответствует принципу локализации автономии воли сторон, то есть правопорядок, избранный сторонами, входит в перечень разрешённых вариантов для выбора права, применимого к переходу права собственности,

4. Сфера применения правила автономии воли сторон распространяется на отношения собственности по поводу конкретного вида объектов.

Если хотя бы одно из приведённых условий не выполняется, то возрастают риски того, что избранное сторонами право не будет применено судом европейского государства, в законодательстве которого правило наиболее тесной связи закрепляется в качестве основного коллизионного начала.

Необходимо отметить, что закрепление правила наиболее тесной связи в качестве основного коллизионного начала в законодательстве некоторых европейских государств является не единственным препятствием на пути взаимодействия частных лиц из государств Восточной Азии и европейских государств. Данное взаимодействие может быть осложнено хотя бы потому, что законодательство большинства европейских государств не признаёт применение правила автономии воли сторон в отношении движимого имущества. Исключения представляют собой положения, закреплённые в пункте 1 статьи 10 ГК Испании 1889 г. (ред. 2013 г.), в статье 1.49 ГК Литвы 2000 г. (ред. 2011 г.), в статье 104 ФЗ о МЧП Швейцарии 1987 г. (2011 г.). В указанных статьях к сфере применения правила автономии воли сторон относятся только товары в пути. Поэтому последнее из названных, четвёртое условие о том, что отношения собственности по поводу конкретного вида объектов должны относиться к сфере применения правила автономии воли сторон, на наш взгляд, является главным условием признания соответствующего соглашения о выборе права сторонами.

Таким образом, принцип наиболее тесной связи, сформулированный в рамках европейской модели регулирования правоотношений собственности с иностранным элементом и имеющий тенденцию к закреплению в законодательстве

всё большего количества европейских государств, вступает в противоречие с коллизионным принципом автономии воли сторон, получающим всё большее распространение в государствах Восточной Азии. Противоречие это может быть устранено, во-первых, введением ограничения области применения правила наиболее тесной связи теми случаями, когда стороны не договорились о выборе права, и, во-вторых, расширением сферы применения правила автономии воли сторон в отношении перехода права собственности на все движимые вещи, а не только на товары в пути.

Так, в законодательстве некоторых азиатских государств наблюдается особый подход к коллизионному регулированию права собственности:

1. Более широкое, чем в европейских правовых системах, применение коллизионного правила автономии воли сторон. В законодательстве рассматриваемых государств применение коллизионного правила автономии воли сторон носит неограниченный характер и применяется без учёта прав третьих лиц, а также не ограничивается принципом «локализации автономии воли»,

2. Неприменение в азиатских государствах правила наиболее тесной связи правоотношения с правовой системой страны в качестве основного коллизионного начала по причине сложности его практической реализации.

В отличие от подхода, закреплённого в законодательстве азиатских государств, подход европейских государств к регулированию правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, характеризуют следующие признаки:

1. Ограничение сферы применения коллизионного правила автономии воли сторон, с одной стороны, необходимостью учёта прав третьих лиц и, с другой стороны, принципом «локализации автономии воли», требующего наличия связи избранного сторонами права с правоотношением,

2. Применение принципа наиболее тесной связи в качестве основного коллизионного принципа, имеющего приоритет по отношению к закреплённым в законодательстве коллизионным привязкам, установленным для данной категории

объектов права собственности (*lex rei sitae*, *lex destinationis*, *lex originis*), или даже применение права, избранного сторонами.

Как было показано выше, при взаимодействии между частными лицами Европейского и Азиатского континентов, предполагающем переход права собственности между ними и перемещение объекта права собственности через границы государств, возникают значительные правовые риски. В частности, риск того, что соглашение о выборе права между сторонами впоследствии не будет признано судом, рассматривающим спор о праве собственности. Причинами возникновения этих рисков является, с одной стороны, то, что применение принципа автономии воли сторон к правоотношениям собственности, осложнённым иностранным элементом, не признаётся правом большинства европейских государств, и, с другой стороны, то, что принцип наиболее тесной связи, закреплённый в законодательстве ряда европейских государств в качестве основного коллизионного начала, вступает в противоречие с коллизионным принципом автономии воли сторон, получившим широкое распространение в государствах Восточной Азии.

Так, в случае рассмотрения спора о праве собственности между китайским и немецким частными лицами по месту нахождения имущества в немецком суде, - даже при наличии соглашения сторон о применении к переходу права собственности китайского права - может быть применено немецкое право, поскольку на это указывает правило наиболее тесной связи. Установление немецким судом права, применимого к регулированию перехода права собственности, может оказаться неожиданным и даже неприемлемым для китайской стороны. Частные лица государств Восточной Азии, предпочитающие заранее оговаривать все детали осуществления сделки и полагающиеся на эффективность действия правила автономии воли в том случае, если стороны договорились о выборе права, просчитывая правовые риски такого сотрудничества, могут с осторожностью относиться к сделкам международной купли-продажи с частными лицами европейских государств.

Особенностью российского подхода к правовому регулированию правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, является то, каким образом установлена сфера применения принципа автономии воли сторон и его соотношение с принципом наиболее тесной связи:

1. Принцип наиболее тесной связи не устанавливается в качестве единого коллизионного начала, а значит, не обладает приоритетом при определении права, применимого к правоотношению собственности. Область применения правила (принципа) наиболее тесной связи фактически ограничивается теми случаями, когда стороны не договорились о выборе права. Тем самым в процессе взаимодействия национально-правовых подходов к правовому регулированию отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, снижается правовая неопределённость, так как не возникает ситуация, когда принцип наиболее тесной связи применяется к правоотношению собственности при наличии волеизъявления сторон относительно применимого права.

2. Сфера применения правила автономии воли сторон устанавливается достаточно широко: коллизионное правило автономии воли сторон применяется к вещным правам на движимые вещи, кроме находящегося в пути движимого имущества. Вместе с тем, сохраняется положение о том, что выбор права, применимого к переходу права собственности, не должен затрагивать прав третьих лиц.

Данный подход не имеет недостатков европейского и восточноазиатского подходов, но сохраняет их достоинства. В рамках российской модели в большей степени реализуется баланс между принципом (правилом) наиболее тесной связи и принципом автономии воли сторон, применяемых к отношениям собственности с иностранным участием.

Вместе с тем, недостатком подхода к правовому регулированию отношений собственности с иностранным элементом, закреплённого в российском законодательстве, является нераспространение сферы применения принципа автономии воли сторон на правоотношения собственности по поводу товаров в пути. Так, категория «находящееся в пути движимое имущество» (товары в пути)

является разновидностью понятия «движимое имущество». Соответственно, коллизионная норма, определяющая право, регулирующее возникновение (прекращение) вещных прав на находящееся в пути движимое имущество, является специальной (субсидиарной) по отношению к общей (генеральной), закреплённой в п. 1 ст. 1206 ГК РФ. Из п. 3 ст. 1206 ГК следует, что стороны вправе договориться о применимом праве относительно возникновения (прекращения) права собственности на движимое имущество, однако никаких указаний о возможности применения правила (принципа) автономии воли сторон к вопросам возникновения (прекращения) права собственности на находящееся в пути движимое имущество в статье не содержится. Получается, что сфера применения правила (принципа) автономии воли сторон ограничивается вопросами возникновения (прекращения) права собственности на движимое имущество, за исключением находящегося в пути движимого имущества.

Такая форма закрепления принципа автономии воли сторон в правовом регулировании отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, является весьма необычной, учитывая тот факт, что исторически категория «товары в пути» была первым видом объектов права собственности, в отношении которого была введена возможность выбора сторонами применимого права. По прошествии времени некоторые государства расширили сферу применения правила (принципа) автономии воли сторон, распространив её на движимое имущество в целом. В национальном законодательстве большого числа государств мира устанавливается возможность определения сторонами применимого права в отношении возникновения (прекращения) права собственности на находящееся в пути движимое имущество, в законодательстве некоторых государств действие правила (принципа) автономии воли распространяется на движимое имущество в целом. Однако определение сферы применения правила (принципа) автономии воли сторон применительно к движимому имуществу, исключая товары в пути, не производится ни в одном другом государстве. По нашему мнению, умолчание законодателем о возможности выбора сторонами права, применимого к возникновению (прекращению) права собственности на движимое имущество,

является необоснованным. Необходимо внести изменения в ст. 1206 ГК РФ с тем, чтобы обеспечить возможность применения правила (принципа) автономии воли сторон к возникновению (прекращению) права собственности на находящееся в пути движимое имущество.

Представляется, что преодоление противоречия между региональными подходами может быть достигнуто при выполнении следующих условий:

1) из сферы применения принципа наиболее тесной связи исключены те случаи, когда стороны уже договорились о праве, применимом к переходу права собственности;

2) действие принципа автономии воли сторон признаётся национальными правовыми порядками, распространяется на все движимые вещи и не ограничено применением принципа локализации автономии воли сторон. Вместе с тем, расширение сферы применения принципа автономии воли сторон не может происходить в ущерб интересам оборота – закрепление оговорки «без ущерба для прав третьих лиц» должно быть сохранено.

По нашему мнению, в будущем общепринятым среди правовых систем мира может стать подход, основывающийся на широком применении принципа автономии воли сторон. Это, во-первых, связано с тем, что сегодня мировые экономические центры постепенно перемещаются в Тихоокеанский регион, что влечёт увеличение числа сделок международной купли-продажи товаров в этом регионе. Во-вторых, данный подход в большей степени опосредует частный интерес, интересы коммерческого оборота. Практика взаимного влияния глобальных подходов к регулированию правоотношений, осложнённых иностранным элементом, свидетельствует, что отдельные элементы правового регулирования этих отношений, реализующие публичный интерес в МЧП, не выдерживают конкуренции с противоположными им приёмами (подходами), предоставляющими бóльшую свободу частным лицам. Это видно на примере применения принципа автономии воли сторон в сфере регулирования договорных правоотношений, осложнённых иностранным элементом. Изначально только в англо-американской системе права применение коллизионного принципа

автономии воли сторон не требовало наличия связи договора с избранным сторонами правом порядком. Однако сегодня в большинстве современных кодификаций, включая как европейские государства, так и более сорока государств за пределами ЕС³³⁶, требование связи договора с избранным правом порядком устранено. Подход, изначально сформировавшийся в рамках англо-американской системы права, постепенно стал общепринятым.

Анализ последних изменений, вносимых в национальное коллизионное регулирование правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, в различных государствах мира, позволяет сделать вывод о расширении сферы применения принципа автономии воли сторон при установлении вещного статуса. Среди национальных кодификаций международного частного права наблюдается разброс подходов к определению сферы применения *lex autonomiae*, однако точно можно сказать одно – число правом порядков, в том или ином объёме допускающих действие оговорок о выборе права, применимого к вещным правоотношениям, значительно выросло с начала 2000-х годов.

Вместе с тем, подход, основанный на широком применении правила автономии воли сторон, имеет свои недостатки. Применение правила автономии воли при установлении сторонами применимого права повышает издержки каждой стороны на выяснение содержания иностранного законодательства, увеличивает потребность в услугах специалистов в области международного частного права. Поскольку частные лица стремятся к снижению подобных издержек, неизбежно будут возникать рекомендованные формы договоров, шаблоны, в которых, например, уже будут сформулированы положения, касающиеся выбора права, применимого к переходу права собственности. В конце концов будут изданы единые правила, которые по сути своей будут напоминать коллизионные нормы, - победит «старый» подход, сформулированный в новом качестве.

³³⁶ Например, кодификации КНР (ст. 3, 41), Аргентинской Республики (ст. 2651), Японии (ст. 7), ОАЭ (ст. 19), РФ (ст.1210) и др. См.: Symeon C. Symeonides. *Codifying choice of law around the world: an international comparative analysis*. Oxford University Press, New York, 2014. – P.116-120.

Диалектику в развитии правового регулирования правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, можно видеть уже сегодня в процессе выделения всё новых объектов права собственности, в отношении которых устанавливаются специальные коллизионные привязки. Постепенно количество исключений из сферы применения коллизионной привязки *lex rei sitae* должно перейти в формирование качественно нового этапа правового регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый в диссертационной работе анализ подходов к коллизионно-правовому регулированию правоотношений собственности, принятых в российском праве, в новейших зарубежных кодификациях международного частного права, а также в тексте международно-правовых актов, и рассмотрение правоприменительной практики по спорам о праве собственности, осложнённым иностранным элементом, позволили сформулировать следующие выводы.

Совершенствование процесса коллизионно-правового регулирования отношений собственности характеризуется конкуренцией государств за привлечение имущества иностранных частных лиц на свою территорию, в том числе, товаров и оборудования. Повышается потребность в закреплении таких коллизионных норм, определяющих право, регулирующее правоотношения собственности, которые способствовали бы интенсификации имущественного оборота между частными лицами различных государств.

Предшествующий период развития коллизионного регулирования правоотношений собственности характеризовался усилением контроля государств над осуществлением права собственности, что выражалось в повсеместном закреплении коллизионной привязки *lex rei sitae*, квалификации терминов по закону страны суда (*lex fori*), признании отдельных категорий объектов права собственности недвижимым имуществом и т.д. Современный этап, напротив, сопровождается процессом либерализации коллизионного регулирования правоотношений собственности и сопутствующим расширением сферы применения иностранного права.

Тенденция либерализации коллизионно-правового регулирования права собственности предполагает совершенствование законодательства в сфере коллизионного регулирования отношений собственности в целях создания благоприятных условий для осуществления коммерческой деятельности с иностранным участием. Процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности получает реализацию в следующих основных формах:

1. расширение сферы применения принципа автономии воли сторон;
2. толкование коллизионных норм по праву, регулиющему основное материальное правоотношение (*lex causae*), а не по закону страны суда (*lex fori*);
3. расщепление коллизионных норм и образование специальных коллизионных привязок.

Все эти формы реализации процесса либерализации коллизионного регулирования отношений собственности способствуют расширению сферы применения иностранного права. Указанные проявления процесса либерализации можно обнаружить как в российском законодательстве, так и в текстах новейших зарубежных кодификаций международного частного права.

Вместе с тем, данный процесс не может быть неограниченным – напротив, в процессе совершенствования правового регулирования должны учитываться следующие основные особенности коллизионного регулирования правоотношений собственности:

1) неустойчивость правового титула собственности в международном частном праве по сравнению с внутренними правоотношениями собственности, означающая, что в сфере регулирования правоотношений собственности, осложнённых иностранным элементом, возможно существование «альтернативного» собственника, оспаривающего всю цепочку переходов права собственности, в результате которых «действующий» собственник приобрёл правовой титул, а признание собственником одного из них зависит от того, коллизионные нормы какого государства будут применены в процессе разрешения спора между ними;

2) признание третьих лиц слабой стороной в правоотношении собственности, осложнённом иностранным элементом, – особенность, обусловленная тем, что в указанном правоотношении могут участвовать лица, не связанные контрактом и не имеющие возможности заранее предвидеть правовые риски, связанные с осложнением правоотношения собственности иностранным элементом;

3) размытость сфер действия и конкуренция правовых режимов имущества в международном частном праве, связанная со значительными различиями в

материальном праве государств. Размытость правовых режимов имущества в международном частном праве предполагает ситуации смены правового режима объекта права собственности при пересечении границ государств, в то время как конкуренция правовых режимов имущества в отношении одного объекта права собственности означает, что один и тот же объект права собственности может одновременно подпадать под действие нескольких правовых режимов имущества.

Процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности должен проводиться с учётом этих особенностей, поскольку в противном случае возникают новые либо усугубляются уже имеющиеся проблемы коллизионного регулирования правоотношений собственности. Так, размытость сфер действия правовых режимов имущества в международном частном праве в сочетании с расщеплением коллизионных норм, приводит к возникновению проблемы конкуренции коллизионных норм, регулирующих отношения собственности, осложнённые иностранным элементом. Применение способа квалификации по *lex causae* (т.е. по праву, применимому к материальному правоотношению) способствует либерализации коллизионного регулирования права собственности, поскольку в условиях применения этого способа квалификации значительные различия в материальном праве государств приводят к возрастанию числа вариантов возможного толкования. В этой связи может возникать проблема конфликта квалификаций при определении права, подлежащего применению к отношениям собственности, осложнённых иностранным элементом.

В условиях размытости правовых режимов имущества в международном частном праве в сочетании с процессом либерализации коллизионно-правового регулирования, выражающегося, в том числе, в расщеплении коллизионных норм, сближение права в сфере регулирования правоотношений собственности ещё больше осложняется, поскольку требуется ещё больше усилий для унификации (гармонизации) всё возрастающего объёма нормативного материала.

Расширение сферы применения принципа автономии воли сторон, вступающее в противоречие и ограничиваемое одной из особенностей правового

регулируемого – признанием третьих лиц слабой стороной в правоотношении собственности, осложнённом иностранным элементом, - различным образом осуществляется в праве государств. В этой связи возникает противоречие между региональными подходами к закреплению т.н. «гибкого» регулирования, заключающихся в приоритетном применении принципа автономии воли сторон либо принципа наиболее тесной связи. Данное противоречие между подходами может приводить к тому, что результаты рассмотрения судами споров о праве собственности, характеризуемых наличием иностранного элемента, не соответствуют интересам сторон правоотношения.

Всё вышесказанное показывает, что в том случае, если процесс либерализации коллизионного регулирования отношений собственности не ориентирован на особенности коллизионного регулирования права собственности, происходит чрезмерное усложнение коллизионного регулирования, возникает противоречие интересам оборота (интересам всех третьих лиц), снижается правовая определённость и прозрачность правового регулирования.

В процессе коллизионного регулирования отношений собственности, осложнённых иностранным элементом, необходимо, с одной стороны, закреплять способы разрешения указанных проблемных вопросов в каждом конкретном случае (например, путём толкования отдельных терминов) и, с другой стороны, определить допустимые границы либерализации коллизионно-правового регулирования отношений собственности. В частности, сфера применения принципа автономии воли сторон не может быть расширена в ущерб правам третьих лиц.

Либерализация коллизионного регулирования отношений собственности – в том числе, расширение сферы применения принципа автономии воли сторон – неизбежно приведёт к усилению конкуренции между государствами за контроль над осуществлением права собственности, в том числе и за то, право какого государства будет регулировать отношения собственности, осложнённые иностранным элементом. Российской Федерации необходимо заранее включиться в этот процесс с тем, чтобы в большем числе случаев стороны договора, по

которому переходит право собственности, выбирали российское право в качестве права, применимого к переходу права собственности между ними. Также необходимо совершенствование российского законодательства в сфере регулирования права собственности с целью обеспечения условий для интенсификации имущественного оборота между российскими и иностранными частными лицами и привлечения иностранной частной собственности на территорию РФ. Таким образом, прогрессивное развитие коллизионного регулирования правоотношений собственности, выразившееся в реформировании Раздела VI части третьей ГК РФ в 2013 году, является предпосылкой и доводом в пользу модернизации Раздела II части первой ГК РФ, посвящённого регулированию права собственности и других вещных прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативно-правовые акты

Международные договоры

1. Конвенция о регистрации судов внутреннего плавания (Женева, 1965 г.) и Протоколы №1, №2 к Конвенции. //Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Том I. Организация Объединённых наций. Нью-Йорк, 1971. – С. 313-320.
2. Конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров (Гаага, 1958 г.) // Hague Conference on Private International Law. Collection of Conventions (1951 - 1996). Edited by Permanent Bureau of the Conference. The Hague, 1997. - P. 20 - 23.
3. Конвенция о праве, применимом к трастам, и их признанию (Гаага, 1985 г.) // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. [Электронный ресурс] <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59>
4. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Оттава, 28 мая 1988 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020.
5. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.
6. Конвенция о международном признании прав на воздушные суда (Женева, 1948 г.) //Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Том I. Организация Объединённых наций. Нью-Йорк, 1971. – С. 303-313.
7. Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаун, 2001 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

8. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (Рим, 1995 г.) [Электронный ресурс]. Гарант: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.
9. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим, 1980 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.
10. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. [Электронный ресурс]. Гарант: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.
11. Кодекс Бустаманте 1928 г. //Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Том I. Организация Объединённых наций. Нью-Йорк, 1971. – С. 182-185.
12. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.
13. Протокол N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 1952 г.). [Электронный ресурс]. Гарант: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.
14. Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. [Электронный ресурс]. Гарант: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.
15. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинёв, 2002 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.
16. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 1992 г.) [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

17. Договор между РФ и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

18. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. [Электронный ресурс]. Гарант: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

19. Договор между РФ и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 3.10.2000 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

20. Договор между РФ и Республикой Мали о правовой помощи по гражданским и торговым делам от 31.08.2000 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

21. Договор между РФ и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам от 22.12.1992 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

22. Договор между СССР и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

23. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 20 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

24. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и

уголовным делам от 3 февраля 1993г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

25. Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 июля 1992 г. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

26. Договор между СССР и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 19 февраля 1975 года // [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2020.

27. Закон от 26 января 1954 г. об утверждении Договора, подписанного в Гааге 11 мая 1951 г. между Бельгией, Люксембургом и Нидерландами по введению единого закона о международном частном праве // *Journal officiel du Grand-Duché de Luxembourg*, 1954.

Документы международных органов и организаций

28. Directive 2000/35/EC of the European Parliament and of the Council of 29 June 2000 on combating late payment in commercial transactions // *Официальный журнал Европейского союза*, № 200, 8.8.2000.

29. Council regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000. // *Официальный журнал Европейского союза*, № 160, 30.6.2000.

30. “Premier Avant-Projet de Convention internationale, Dispositions sur les droits reels. /Actes et documents de la troisieme Conference de la Haye pour le droit international prive, 1900, p.61.

31. Резолюция Института международного права (Мадрид, 1911г.) // *Ann. Institute droit international, Bruxelles*, 1928. - pp. 1361-1370.

Акты «мягкого» права

32. Uniform Act on General Commercial Law, December 15, 2010 in Lomé (Togo). //Official Journal of the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) February 15, 2011.

33. Acte Uniforme Portant Organization des Sûretés, Décembre 15, 2010 à Lomé (Togo). //Official Journal of the Organization for the Harmonization of Business Law in Africa (OHADA) February 15, 2011.

34. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об обеспеченных сделках //Издание Организации Объединённых Наций. Нью-Йорк, 2017 г.

35. Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О праве собственности и его защите» от 17.05.2012. [Электронный ресурс]
http://www.iacis.ru/upload/iblock/25e/9_a_2012.pdf

Законодательство Российской Федерации

36. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) 2001 г. N 146-ФЗ. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

37. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации 1999 г. N 81-ФЗ. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

38. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации 2001 г. N 24-ФЗ. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

39. Воздушный кодекс Российской Федерации 1997 г. N 60-ФЗ. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

40. ФЗ от 24.07.2002 г. №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

41. ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительствами Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединённых Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения» от 29.12.2000 г. № 164-ФЗ. [Электронный ресурс]. Консультант Плюс: справ. правовая система. – Электрон. дан. – М., 2020.

Зарубежное законодательство

42. Закон Японии 1898 г. об общих правилах применения законов (ред. 2006 г.) //Журнал международного частного права, № 4 (62), 2008. - с. 67-78.

43. Закон ОАЭ 1985 г. о гражданских сделках //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 448-453.

44. ФЗ Австрии «О международном частном праве» 1978 г. (ред. 2018 г.) // RechtsInformationsSystems Des Bundes. [Электронный ресурс] <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002426&ShowPrintPreview=True>

45. Закон XXVIII о МЧП Венгрии 2017 г. Официальный сайт Международной организации труда. [Электронный ресурс] https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/106778/131132/F303261621/J2017T0028P_20180102_FIN.pdf

46. Закона Республики Албания о международном частном праве 2011 г. Официальный сайт Министерства юстиции Республики Албания. [Электронный ресурс] http://www.pp.gov.al/web/ligji_drejten_nderkombetare_private_1_571.pdf

47. Вводный закон к Германскому гражданскому уложению 1896 г. (ред. 2009 г.) //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 270-287.

48. Гражданский закон Латвийской Республики 1937 г. Официальная онлайн-база законодательных актов Латвийской Республики. [Электронный ресурс] <https://likumi.lv/ta/id/225418-civillikums>.

49. Гражданский кодекс Греции 1940 г. //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 288-293.

50. Закон о МЧП Македонии 2007г. (ред. 2011 г.) //Сайт официальной газеты Македонии «Службен весник на Република Македонија». [Электронный ресурс] <http://www.slvesnik.com.mk/Issues/6F7BFF54790E54418F42688F140F2CB1.pdf>

51. Закон о МЧП Чехии 2012 г. Официальный сайт Министерства Внутренних Дел Чешской Республики. [Электронный ресурс] <http://aplikace.mvcr.cz/sbirka-zakonu/ViewFile.aspx?type=z&id=24086>

52. Гражданский кодекс Восточного Тимора 2011 г. Официальная онлайн-база законодательных актов Восточного Тимора. [Электронный ресурс] <https://www.international-arbitration-attorney.com/wp-content/uploads/2013/07/Timor-Leste-East-Timor-Arbitration-Law.pdf>

53. Гражданский кодекс Вьетнама 1995 г. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс] <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/vn/vn079en.pdf>

54. Закон КНР о применении права к гражданским правоотношениям, осложнённым иностранным элементом, 2010 г. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс] <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/8423>

55. Закон Республики Корея о коллизиях законов 1962 г., ред. 2001 г. // Journal of Korean Law, Vol.1, No.2, 2001. – Pp. 204-223.

56. Вводный закон 1942 г. к ГК Бразилии (ред. 2018 г.) Официальный сайт Правительства Республики Бразилия. [Электронный ресурс] http://www.planalto.gov.br/ccivIl_03/Decreto-Lei/Del4657.htm

57. Гражданский кодекс Испании 1889 г. (ред. 2015 г.) Официальный сайт Государственной газеты Испании. [Электронный ресурс] [https://www.boe.es/eli/es/rd/1889/07/24/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/rd/1889/07/24/(1)/con)
58. Гражданский кодекс Португалии 1966 г. (ред. 2019 г.) Официальный сайт Правительства Португалии. [Электронный ресурс] <https://www.igac.gov.pt/documents/20178/358682/C%C3%B3digo+Civil.pdf/2e6b36d8-876b-433c-88c1-5b066aa93991>
59. ФЗ Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. (с изм. от 2017 г.). Официальный сайт Правительства Швейцарии. [Электронный ресурс] <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html>
60. Закон о МЧП Грузии 1998 г. (ред. 2016 г.). Официальный сайт Законодательного вестника Грузии. [Электронный ресурс] <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/93712/2/en/pdf>
61. Гражданский кодекс Литвы 2000 г. (ред. 2016 г.). Официальный сайт Сейма Республики Литва. [Электронный ресурс] www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_1?p_id=245495
62. Закон Италии №218 «Реформа итальянской системы МЧП» 1995 г. //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 322-341.
63. Закон Бельгии «О Кодексе международного частного права» 2004 г. //Журнал международного частного права. 2008. № 2(60). С. 38–81.
64. Закон о МЧП Туниса 1998 г. //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 560-573.
65. Гражданский кодекс Нидерландов 2011г. // Wetteksten Burgerlijk Wetboek/Wetboek van Burgerlijke Rechtsvordering 2019-2020, Wolters Kluwer, 2019. – 1260 p.
66. Гражданский кодекс Монголии 2002 г. Официальный сайт Правительства Монголии. [Электронный ресурс] <http://parliament.mn/files/88651>

67. Гражданский и коммерческий кодекс Республики Аргентина 2015 г. Официальный сайт Министерства юстиции и прав человека Аргентины. [Электронный ресурс] <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/235000-239999/235975/norma.htm#51>

68. Гражданский кодекс Макао 1999г. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс] <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/13159>

69. Закон Лихтенштейна о МЧП 1996 г. //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 403-423.

70. Гражданский кодекс Франции 1804 г. //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - с. 592-601.

71. Гражданский кодекс Румынии 2009 г. (ред. 2016 г.) Официальный сайт Министерства юстиции Румынии. [Электронный ресурс] <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliuDocument/109884>

72. Закон о МЧП Хорватии 2017 г. Сайт официальной газеты Хорватии Narodne Novine. [Электронный ресурс] https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2017_10_101_2319.html

73. Закон Венесуэлы о МЧП 1998 г. //Международное частное право: Иностранное законодательство / под ред. Жильцова А.Н., Муранова А.И. Москва: "Статут", 2000. - С. 250-261.

74. Гражданский кодекс Парагвая 1985 г. Официальный сайт Организации американских государств. [Электронный ресурс] https://www.oas.org/dil/esp/Codigo_Civil_Paraguay.pdf

Подзаконные акты Российской Федерации

75. Приказ Министерства транспорта РФ от 18.11.2011 г. № 287 "Об утверждении Порядка государственной регистрации сверхлегких гражданских воздушных судов авиации общего назначения"

Судебная практика

76. Anheuser-Busch Inc. v. Portugal [GC], no. 73049/01, ECHR 2007-I
Источник:
[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22dmdocnumber%22:\[%22812726%22\],%22itemid%22:\[%22001-78981%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22dmdocnumber%22:[%22812726%22],%22itemid%22:[%22001-78981%22]})
77. Case C-69/88, H. Krantz GmbH v. Ontvanger der Directe Belastingen, 1990 E.C.R. I-583.
78. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. N 31-П
79. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2015 г. N 28-П
80. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2016 г. N 10-П
81. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. N 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации"
82. Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2014 г. N 78-КГ13-35 // СПС "КонсультантПлюс"
83. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.10.2011 N 5950/11
84. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 апреля 2016 г. по делу N А58-5534/2015
85. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 года по делу N Ф04-2109/2005(14105-А75-11), Ф04-2109/2005(15210-А75-11), Ф04-2109/2005(15015-А75-11), Ф04-2109/2005(14744-А75-11), Ф04-2109/2005(14785-А75-11)
86. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 1 февраля 2017 г. по делу N А40-81328/2016.
87. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 4 декабря 2009 г. по делу N А52-1246/2008

88. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 августа 2016 г. N Ф10-2575/2016
89. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 февраля 2016 г. N Ф10-48/2016
90. Oberlandesgericht Hamm, 14 august 1985, Die deutsche Rechtsprechung auf dem Gebiete des Internationalen Privatrechts, 1985. № 143
91. Brandsma qq v Hansa Chemie AG. HR 16 mei 1997, NJ 1998. – p. 585.

Специальная литература

Книги и монографии на русском языке

92. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва, 1989 г.
93. Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги. Москва, 2002.
94. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. С.229.
95. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права, 1915.
96. Васильев Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств. 1993.
97. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. Учебник для магистров. – Москва, Юрайт. – 2013.
98. Гражданское и торговое право зарубежных стран. Зенин И.А. Москва: МЭСИ, 2005. – 194 с.
99. Гражданское право. Учебник в 2 т. Том 1. Под ред. Гонгало Б.М. Статут, 2016.
100. Гражданское право: учебник /под ред. Ю.К. Толстого. – Москва: Проспект, 2011. – 784 с.
101. Дмитриева Г.К. Комментарий к ГК РФ, части третьей, разделу VI «Международное частное право». М., 2002.
102. Ерпылёва Н. Ю. Международное частное право. Издательский дом Высшей школы экономики, Москва, 2015.

103. Зайков А.В. Римское частное право в систематическом изложении: Учебник / А. В. Зайков. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
104. Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение). — Ростов н/Д: Профпресс, 2013.
105. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный). Отв. ред. К.Б. Ярошенко, Н.И. Марышева. Юрид. фирма «Контракт», Москва, 2015.
106. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов и др.; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. — М.: Юристъ, 2002.
107. Ласк Г. Гражданское право США. — М., 1961.
108. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. Wolters Kluwer Russia, 2009.
109. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. - М., 1973.
110. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М.: Юридическое изд-во Наркомюста РСФСР, 1924. — 151 с.
111. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права: Т. 1-2. — СПб: тип. А. Бенке, 1900. — Т. 1: Кодификация международного частного права. 273 с.
112. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. Москва. Юристъ, 1999.
113. Международное частное право. Учебник под ред. Дмитриевой Г.К. - Москва: Проспект, 2018.
114. Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. — М.: Статут, 2015.
115. Мережко А. Наука международного частного права: история и современность. Киев, изд-во «Таксон», 2006.

116. Мингазова И.В. Право собственности в международном праве. Изд-во "Волтерс Клувер", 2007.
117. Мозолин В.П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике. - М., 1992. – 176 с.
118. Мурзин Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Москва, 1998. – С.90-97.
119. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт / Т.Н. Нешатаева. — М.: Городец, 2007. — 320 с.
120. Новицкий И.Б. Римское право. М.: Издательство «ГЕИС». 2002 г. 310 с.
121. Нольде Б.Э. Логика правовой системы. Вступительная лекция к курсу энциклопедии права, прочтенная в Императорском Александровском лицее 6 сентября 1908 г. – с. 2387-2398.
122. Попондопуло В.Ф., Скворцов О.Ю. Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: Сборник научных статей, Т. 5. Изд-во Волтерс Клувер, 2005.
123. Право собственности: актуальные проблемы /Отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М., 2008.
124. Проблемы унификации международного частного права: Монография" (отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова) ("ИЗиСП", "Юриспруденция", 2012).
125. Римское частное право. Учебник под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского.
126. Российское гражданское право. Учебник в 2 т./ Отв. ред. Е.А.Суханов. Москва, 2013. Т. I.
127. Рудоквас А.Д., Александрова М.А., Рыбалов А.О. Право собственности и способы его защиты в гражданском праве. 2017
128. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристь, 2003. - 448 с.
129. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010.

130. Старженецкий В. В. Россия и Совет Европы: право собственности. М., 2005.
131. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955.
132. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. Изд-во «Юридический центр Пресс», СПб. 2004.
133. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / отв. ред. Г. К. Дмитриева, М. В. Мажорина. — М.: Норма: ИНФРА М, 2016. 208 с.

Книги и монографии на иностранных языках

134. Briggs A. (2013) *The Conflict of Laws*. Oxford University Press, 2013. 434 с.
135. Carruthers J.M. *The Transfer of Property in the Conflict of Laws: Choice of Law Rules in Inter Vivos Transfers of Property (Oxford Private International Law Series)*. OUP Oxford. 2005, 388 с.
136. Carruthers J.M. (2016) *Transfer of Property and Private International Law*. Edward Elgar Publisher, 2016. 1992 с.
137. Cuniberti G. (2017) *Conflict of Laws: A Comparative Approach: Text and Cases*. Edward Elgar Publishing. 520 с.
138. d'Avout L. *Sur les solutions du conflit de lois en droit des biens*. Economica. Paris, 2006. 827 p.
139. Emerich Y. *La propriété des créances: approche comparative*. Librairie générale de droit et de jurisprudence, Bibliothèque de droit privé, 2007.
140. Faber W., Lurger B. *Principles of European Law. Study Group on a European Civil Code. Acquisition and Loss of Ownership of Goods*. Selliers European Law Publishers. 2011. 1700 p.
141. Fœlix M. *Traité du Droit International Privé, ou du conflit des lois de différentes nations en matière de droit privé*. Paris: Joubert, Libraire de la Cour de Cassation, 1843.

142. Harding M. Conflict of Laws (Fifth edition). Routledge, 2014. 312 с.
143. Hill D. Private International Law. Edinburgh University Press, 2014. 184 с.
144. Hill J., Shúilleabháin M.N. Clarkson & Hill's Conflict of Laws (Fifth edition). OUP Oxford, 2016. 592 с.
145. Kreuzer K. La propriété mobilière en droit international privé. /Academie de droit international de la Haye. 1997. 306 p.
146. Micheler E. Property in Securities. Comparative Study. 2007.
147. Rogerson P. Conflict of Law. 4th edition. Cambridge University Press, 2013. 516 с.
148. Sauveplanne J.G. The Protection of the Bona Fide Purchaser of Corporeal Movables in Comparative Law, 1965, №29, Rabels Z. 651 p.
149. Strengthening Inland Waterway Transport Pan-European Co-operation for Progress: Pan-European Co-operation for Progress. European Conference of Ministers of Transport. OECD Publishing, 2006 г. 136 с.
150. Symeonides S.C. Choice of Law (Oxford Commentaries on American Law) Oxford University Press, 2016. 840 с.
151. Symeonides S.C. Codifying choice of law around the world: an international comparative analysis. Oxford University Press, New York, 2014. 572 с.
152. Tang Zh.S., Xiao Y., Huo Zh. Conflict of Laws in the People's Republic of China (Elgar Asian Commercial Law and Practice series) Edward Elgar Publishers, 2016. 512 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

153. Акимова Ю.М. Принципы международного частного права. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Специальность – 12.00.03. Москва, 2016.
154. Асосков А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора юрид. наук. Специальность 12.00.03. - Москва, 2011.
155. Барулин В.А. Бездокументарные ценные бумаги в гражданском праве России: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2001.

156. Вишневский П.Н. Правовое регулирование международного займа. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. Москва, 2015 г., 233 с.

157. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. – Москва, 2017. – 35 с.

158. Коростелёв М.А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве. 12.00.03. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Москва, 2015. - 229 с.

159. Мингазова И.В. Защита права собственности иностранных юридических и физических лиц в международном праве. 12.00.10, 12.00.03. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. Казань, 2006.

160. Плеханов В.В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук по специальности 12.00.03. Москва, 2008 г. – 185 стр.

161. Савельева Е.Г. Защита права собственности как одного из основополагающих прав человека (международно-правовые аспекты). 12.00.10. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Москва, 2013.

162. Симонян Г.В. Правовой режим собственности Российской Федерации за рубежом. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. – Москва, 2013. – 26 с.

163. Старженецкий В. В. Соотношение международного (европейского) и российского правового регулирования института собственности: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. 12.00.03. Москва, 2003.

164. Трофименко А.В. Проблемы теории нематериальных объектов (гражданско-правовой аспект). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. доктора юрид. наук. 12.00.03 – Саратов, 2004. – 51 с.

165. Тягай Е. Д. Сложноструктурные модели права собственности в США. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03 - Москва, 2011. - 26 с.

166. Федосов Я.С. Особенности правового регулирования трансграничного перемещения энергоносителей трубопроводным транспортом. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. 12.00.03. – Москва, 2018. – 36 с.

167. Хлуднева Ю.В. Конституционное закрепление права частной собственности в России и странах Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. 12.00.02. Москва, 2013.

Статьи и публикации на русском языке

168. Алешина А.В. Коллизионные нормы как основа нормативного состава международного частного права // Журнал международного частного права. 2012. № 2 (76). С. 28-37.

169. Ануфриева Л.П. Закон о международном частном праве Украины: взгляд через призму современных тенденций в развитии МЧП // Журнал международного частного права, №4 (58), 2007. С. 3-10.

170. Асосков А.В. Уровень нашего коллизионного регулирования вполне можно сопоставить с ведущими странами // Закон. 2016. № 8.

171. Асланова Д.З. Правовой статус Международной космической станции // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012 – с. 328-329.

172. Бадаева Н.В. Система вещных прав в Южно-Африканской Республике // Международное публичное и частное право, №4, 2017. С. 3-6

173. Безбородов Ю.С. Гармонизация как метод конвергенции в международном праве // Международное публичное и частное право, 2017, N 4. С. 7-10.

174. Бородкин С.В. Новый подход к классификации объектов вещных прав. //Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 50-58.

175. Бочарникова К.В. «Коллизионный вопрос» в деле об обращении взыскания на недвижимое имущество, находящееся в залоге. *Advances in Law Studies*. 2016. Т. 4. № 4. С. 401-408.

176. Брагинский М.И. Гражданский кодекс и объекты права собственности // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 76 – 85.

177. Ветлугаева А.Х. Правовое регулирование гражданско-правовых сделок с недвижимым имуществом в Российской Федерации и за рубежом //Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. 2017. № 1 (3). С. 41-46.

178. Вилкова Н.Г. Право собственности в международном частном праве Российской Федерации. // Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: Сборник статей. Сост. и отв. ред. И.П. Грешников. Статут, 2015. – с.145-157.

179. Вознесенская Н.Н. Юридические лица в международном частном праве России и Европейского союза. //Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 109-144.

180. Войтович Е.П., Чернущ Н.Ю. Коллизионное регулирование имущественных отношений супругов в Российской Федерации // Семейное и жилищное право, № 2. 2018. С. 7-11.

181. Волова Л.И. Сущность международного имущественного права. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 13 (19).

182. Волынская О.А. Юбилей договора по космосу 1967 года. Московский журнал международного права, №4. 2017. С. 82-95.

183. Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море. Московский журнал международного права, №2. 2018. С. 42-57.

184. Гетьман-Павлова И. В., Ерпылева Н. Ю. Становление и развитие законодательства о международном частном праве Украины // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2016. № 3. С. 122–138.

185. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г., Цирина М.А. Унификация коллизионного права оборота недвижимого имущества //Международное публичное и частное право. 2019. № 2. С. 15-19.

186. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г., Цирина М.А. Коллизионные вопросы оборота недвижимости в России и за рубежом // Legal Concept. 2019. Т. 18. № 1. С. 148-156.

187. Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. 2013. № 10 (202). С. 134-138.

188. Доронина Н.Г. Особенности экономической интеграции стран Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, №4, 2016. – с.147-153.

189. Дёмин А. В. Soft Law Concept in a Globalized World: Issues and Prospects // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2018. № 4. С. 49–73

190. Дмитриева Г.К. К вопросу о принципах международного частного права. Международные отношения и право: взгляд в XXI век. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской. Изд. Дом С.-Петербургского гос. университета. 2009.

191. Ерпылева Н. Ю., Гетьман-Павлова И. В. Новеллы в международном частном праве Аргентины // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2018. № 2. С. 193–215

192. Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Автономные кодификации международного частного права на постсоветском пространстве (Азербайджан и Эстония) // Законодательство и экономика, №5. 2011. С. 62-85.

193. Закошанский М. Эволюция виндикационного спора // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2015. № 3. С. 42–49

194. Касаткина А.С. Современные кодификации международного частного права в странах Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика и Япония), 2012

195. Кашкин С.Ю. Интеграционное право как перспективное направление развития юридической науки и образования. Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47) – с. 2151-2160.

196. Кирилин А.В. К вопросу об особенностях правового регулирования вещных прав в международном частном праве /Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 50-51.

197. Король Э.Л. Споры о культурных ценностях: проблемы определения применимого права. //Журнал международного права и международных отношений 2011, № 1. С. 31.

198. Кривенко Н.А. Признаки вещного права и принципы вещного права в правовой доктрине Испании и России // Современное право, №2. 2017. С. 114-120.

199. Кривенький А.И. Историческое значение теории статутов для развития науки международного частного права //Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (27). С. 90-94.

200. Кузнецова Л. В. Правовое регулирование затонувшего имущества по международному и национальному праву на примере Российской Федерации // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань: Бук, 2015.

201. Лабуць Д.А. Международно-правовое регулирование временного вывоза культурных ценностей: дискуссионные вопросы. Московский журнал международного права, №3, 2017. С. 52-60.

202. Лоренц Д. Уступка виндикационного требования как способ суррогатной передачи вещи в Германии и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2017. № 3. С. 210–223

203. Лоренц Д.В. Добросовестность давностного владельца в Модельных правилах европейского частного права // Международное публичное и частное право №2, 2018. С. 22-25.

204. Любарская Т.С. Автономия воли сторон при определении вещного статута: аргументы "за" и "против". Вестник гражданского права, 2017, N 4. С. 116-138

205. Любарская Т.С. Коллизионная привязка к местонахождению вещи для определения права, применимого к вещным правам: достоинства и недостатки. //Закон. -2016. - № 8. - С. 48-61.

206. Любарская Т.С., Лашков Н.С. Проблемы коллизионного регулирования залога в России и за рубежом // Закон, № 8. 2018. С. 17-27.

207. Любомудров Д., Яковлева А. Изменения в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации. Информационный меморандум // Имущественные отношения в Российской Федерации, №5 (152), 2014. С. 12-18.

208. Мажорина М. В. Трансграничные договорные обязательства: проблема правовой квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2016. № 2. С. 143–159

209. Мажорина М.В. Институт правовой квалификации в международном частном праве: современный взгляд и перспективы // Юридическая наука и практика. 2016. Том 12, № 1. С. 98-110.

210. Мозолин В.П. Модернизация права собственности в экономическом измерении// Журнал российского права. 2011. №1.

211. Монастырский Ю.Э. Режим требований об убытках в условиях расширения территориальной юрисдикции Российской Федерации и вопросы международного частного права. Московский журнал международного права, №3, 2018. С.110-120.

212. Нефедов Б.И. Возникновение международного частного права. Часть 1. Московский журнал международного права, №1. 2016. С. 3-18.

213. Нефедов Б.И. Возникновение международного частного права. Часть 2. Московский журнал международного права, №3. 2016 С. 3-18.

214. Никифоров А.Ю. Бездокументарные ценные бумаги. СПС КонсультантПлюс

215. Новикова Д.А. Проблемы перехода права собственности и риска гибели товара в международном частном праве. //Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 1. С. 53-58.

216. Обухова Е.В. Опосредованный учет бездокументарных ценных бумаг. Коллизионные проблемы //Закон, 2016, №8. С. 64-73.

217. Плеханов В.В. Некоторые общие вопросы регулирования вещных прав в международном частном праве

218. Попондопуло В.Ф. Вещные права предпринимателя // Журнал международного частного права, № 1 (7). 1995. С. 3-11.

219. Попондопуло В.Ф., Скворцов О.Ю. Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: Сборник научных статей, Т. 5. Изд-во Волтерс Клувер, 2005. - 399 с.

220. Пятков Д. Перспективы вещного права: публичная собственность и единое право собственности. // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2017. № 4. С. 128–143

221. Рональд А. Бранд. Между суверенитетом и автономией воли в рамках международного частного права: шаг назад в Европейском суде // Журнал международного частного права, №2 (52). 2006. С. 3-23.

222. Ручкина Г.Ф. Порядок наложения ограничений на имущество иностранных лиц: правовые основания и юридическая регламентация // Юрист. 2014. № 17. С. 18-21

223. Савельева Е.Г. Защита права собственности в рамках международных региональных организаций (на примере Совета Европы и Организации Американских государств) // Российский юридический журнал, № 4 (85). 2012, Екатеринбург. С. 86-94.

224. Семёнов А.В. Вопросы виндикационного иска на морском транспорте. Вестник арбитражной практики. 2016. №1. С. 61 – 67.

225. Семилютина Н.Г. Глобализация международных хозяйственных связей, информационные технологии и выход на новый уровень диффузии в праве // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 134-141.

226. Стригунова Д.П. Проблемы сферы действия обязательственного статута международного коммерческого договора // Современное право, 2016, N 5. С. 132 – 138

227. Тимохин К.В. Тенденции в деятельности Международного суда ООН в 2013–2017 годах. // Московский журнал международного права, №3. 2018. С. 83-94.

228. Фединяк Г.С. К вопросу о принципах международного частного права Украины // Журнал международного частного права, № 2 (80). 2013. С. 24-33.

229. Хаскельберг Б.Л. Об основании и моменте перехода права собственности на движимые вещи по договору. //Правоведение. -2000. - № 3. - С. 121 – 132.

230. Хобер К. Защита права собственности в России // Журнал международного частного права, №1 (27). 2000. С. 3-27.

231. Чеботарева И.А. Проблемы определения юридической основы рассмотрения дел из транснациональных частноправовых отношений в Российской Федерации //Журнал международного частного права. 2017. № 4 (98). С. 3-22.

232. Черниченко С.В. Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений. // Московский журнал международного права, №3. 2018. С. 6-17.

233. Штодина И.Ю. Некоторые актуальные вопросы правового обеспечения исследования и использования космоса. //Московский журнал международного права, №2. 2018. С. 71-81.

234. Щербина М. Защита частной собственности в международном праве // Журнал международного частного права, №2 (24). 1999. С. 3-15.

235. Юзбашян М.Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 Г. и международное космическое право. Московский журнал международного права, № 106(2). 2017. С. 71-86.

236. Яковлева С.П. Автономное толкование в практике Европейского суда по правам человека при защите права собственности. Сборник трудов молодых исследователей БГУ, № 1(3). 2015, Иркутск. С. 1-5.

237. Якушев В.С. О самостоятельности института права государственной социалистической собственности и его государственно-правовой природе // Учёные труды Свердловского юрид. института. 1970. Вып. 13.

Статьи и публикации на иностранных языках

238. Akkermans B. (2018). Lex Rei Sitae and the EU Internal Market – towards mutual recognition of property relations. European Property Law Journal, 7(3), 246–266.

239. Akkermans B. Property Law and the Internal Market. In: The future of european property law, Sjef van Erp, Arthur Salomons and Bram Akkermans, eds., München: Sellier European Law Publishers, 2012.
240. Akkermans B., Rupp, C. S. (2018). Queen Lex Rei Sitae – Off With Her Head? European Property Law Journal, 7(3), 209–211.
241. Basedow J. (2016). Lex situs and Beyond - the Case of Movables. Korea Private International Law Journal 22(2), 2016, c. 429-450.
242. Basedow J. Internationales Einheitsprivatrecht im Zeitalter der Globalisierung. //Int. Einheitsprivatrecht Im Zeitalter Der Globalisierung, № 81, RabelsZ, 2017
243. Berman P.S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders, Cambridge University Press (2012)
244. Drobnič U. European Conflict Rules for the mutual Recognition of Security Rights in Goods //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – c. 165-188.
245. Erlank, W. (2018). The disconcerting exercise of finding and applying the lex rei sitae in Cyberspace. European Property Law Journal, 7(3), 212–220.
246. Faber W., Lurger B. National Reports on the Transfer of Movables in Europe. Vol. 4: France, Belgium, Bulgaria, Poland, Portugal. //European Legal Studies, vol. 13. Sellier European law publishers, 2011. 737 p.
247. Feldbrugge F.J.M. The codification process of Russian civil law // Lawmaking for Development/ ed. by J. Arnscheidt, J. M. Otto, B. van Rooij. Leiden, 2008.
248. Flessner A. Choice of Law in International Property Law – New Encouragement from Europe //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – c. 11-41.
249. Goksor R. “Jurisprudence On Protection Of Weaker Parties In European Contracts Law From A Swedish And Nordic Perspective” //Chi-Kent Journal of International & Comparative Law, № 6 (2006). PP. 184-250.

250. Graziadei M. The structure of property ownership and the common law/civil law divide //Comparative Property Law: Global Perspectives (Research Handbooks in Comparative Law series) Edited by Michele Graziadei, Lionel Smith. Edward Elgar Pub. 2017. – c. 71-96.
251. Hay P. The situs rule in European and American conflicts law: comparative notes //Legal Essays in honor of John E. Cribbet. University of Illinois Press, 1988.
252. Huo Zh. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. //The Chinese Journal of Global Governance, N1. 2015. C. 174–191.
253. Kieninger, E. M. (2018). Freedom of Choice of Law in the Law of Property? //European Property Law Journal, 7(3), 221–245.
254. Kobayashi B.H., Ribstein L.E. The Non-Uniformity of Uniform Laws. //Journal of corporation law, Vol. 35, 2010, pp. 327-392.
255. Kono T. Efficiency in Private International Law (Volume 369), in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law, The Hague Academy of International Law. 2015. Pp. 361-512.
256. Lehavi A. Globalizing Property Law: An institutional Analysis. //Vanderbilt journal of transnational law, Vol. 50. 2017. – c. 1173-1221.
257. Lehavi A. Unbundling Harmonization: Public versus Private Law Strategies to Globalize Property //Chicago Journal of International Law, Vol. 15 No. 2, 2015. – p.452-517.
258. Leibkühler P. Symposium “International Private Law in China and Europe”. //Zeitschrift für Chinesisches Recht, 2013. – P.361-369.
259. Liberman J. Plainly constitutional: the upholding of plain tobacco packaging by High Court of Australia. //American Journal of Law and Medicine. 2013.
260. Liliya M. National report on the transfer of movables in Sweden. In: Wolfgang Faber, Brigitta Lurger. National report on the transfer of movables in Europe. Volume 5: Sweden, Norway and Denmark, Finland, Spain. //European Legal Studies, Vol. 14. Walter de Gruyter, 677 p. – pp. 1-205.

261. Limpens J. Les constantes de l'unification du droit privé. //Revue internationale de droit comparé. Vol. 10 N2, 1958. pp. 277-297.
262. Markianos D. Die res in transitu im deutschen internationalen privatrecht. //Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht, 23. Jahrg., H. 1 (1958), pp. 21-43.
263. Merrill T.W., Smith H.E. What happened to property and economics? //Yale Law Journal, Vol.111. 2001.
264. Michaels R. Global Legal Pluralism. //5 Annual Review of Law and Social Science, (2009) pp. 243-262.
265. Parisi F., Carbonara E. Choice of Law and Legal Evolution: Rethinking the Market for Legal Rules. //Public Choice, Vol. 139, No. 3, 2009, pp. 461-492.
266. Praduroux S. Objects of property rights: old and new //Comparative Property Law: Global Perspectives (Research Handbooks in Comparative Law series) Edited by Michele Graziadei, Lionel Smith. Edward Elgar Pub. 2017. – c. 51-68.
267. Ramaekers E. What is Property Law? //Oxford Journal of Legal Studies, 2017. - C. 1–30.
268. Rodriguez-Delgado J.P. Is the preparation of a future protocol to the Convention on International Interests in Mobile Equipment concerning ships and maritime affairs a good idea? // The Journal of International Maritime Law, N 24. (2018) – c. 213-225.
269. Rupp, C. S. (2018). The lex rei sitae and Its Neighbours – Debates, Developments, and Delineating Boundaries Between PIL Rules. //European Property Law Journal, 7(3), 267–292.
270. Sagaert V. Party Autonomy in French and Belgian Law //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – c. 119-144.
271. Sagaert V. Property Law: Beyond Dogmas? // European Property Law Journal. Vol. 6 N2. Walter de Gruyter. 2017. - C. 119-121.
272. Stern J.Y. Property, Exclusivity and Jurisdiction. // Virginia Law Review. N 100. 2014.

273. Stevens R. Party Autonomy and Property Rights //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – c. 83-102.

274. Storck M. La propriété d'un portefeuille de valeurs mobilières //Le droit privé français à la fin du XXe siècle, Litec, 2001.

275. Struycken T.H.D. The Numerus Clausus and Party Autonomy in the Law of Property //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – c. 59-82.

276. Thi Hong Trinh Nguyen (2018) Party autonomy in Vietnam – the new choice of law rules for international contracts in the civil code 2015, Journal of Private International Law, Vol. 14, No. 2, 343-367.

277. van der Weide J. Party Autonomy in Dutch International Property Law //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – c. 41-58.

278. van Erp S. Can European Property Law Be Codified? Towards the Development of Property Notions (2012). Lei Chen and C.H. (Remco) van Rhee, Towards a Chinese Civil Code: Comparative and Historical Perspectives (Leiden: Brill, November 2012), pp. 153-175.

279. van Vliet L. Transfer of property inter vivos //Comparative Property Law: Global Perspectives (Research Handbooks in Comparative Law series) Edited by Michele Graziadei, Lionel Smith. Edward Elgar Pub. 2017. – c. 150-168.

280. Verhagen H. Party Autonomy and Assignment //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – C. 189-206.

281. von Hein J. Party Autonomy in International Property Law: A German Perspective. // Party Autonomy in International Property Law, Sellier. European Law Publishers, 2011.

282. Walsh C. The role of party autonomy in determining the third-party effects of assignments: of “secret laws” and “secret liens” // Law and contemporary problems, Vol. 81 (181). No. 1. 2018. - C. 181-202.

283. Westrik R., van der Weide J. Introduction //Party Autonomy in International Property Law. Edited by Roel Westrik, Jeroen van der Weide. Walter de Gruyter. 2011. – с. 1-10.

Ресурсы сети Интернет

284. Стандартные коды стран или районов для использования в статистике. [Электронный ресурс]
[https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev4\(2001\)_ru.pdf](https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/Series_M49_Rev4(2001)_ru.pdf)

285. Тезисы Р.С. Бевзенко к круглому столу «Абстрактная передача права собственности vs каузальный переход права собственности». [Электронный ресурс]
http://m-logos.ru/img/Tezisy_Bevzenko_k.s._09.10.13.pdf